

Красивая жизнь, поэтичная, как легенда рыцарских времен, мощный художественный талант, огромный исполненный труд, заслуги, даже гражданския, мировая известность—таковы итоги деятельности Тургенева. Его духовное наследство составляет, конечно, одно из самых ценных сокровищ нашего народного сознания. Влияние на современников было огромное. Что же касается воздействия на последующую литературу и на теперешнее поколение молодых писателей, то с Тургеневым выступило два таких колосса в литературе—Толстой и Достоевский,—что они невольно заслонили успех его школы, если можно так выразиться, ибо его творчество все же остается, главным образом, индивидуальным достоянием. Формально он оказал некоторое влияние на Чехова, который в общем все-таки весьма отличен от Тургенева. Чеховский юмор и его сатира, и тоска по лучшей жизни, и выразительная сжатость описаний—все это уже свое, Чехова. Да и в смысле художественной экономии творчества, например, сюжет «Вешних вод» Чехова уместил бы на нескольких страницах, тогда как у Тургенева он занимает больше девяти печатных листов.

Из ныне живых писателей всего ошутительнее сказало влияние Тургенева на Короленко. Уже «нео-романтизм» Горького едва ли ведет свое начало от Тургенева. Приемы письма автора «Челкаша», «На водах» и «Мальвы» совершенно иные. В сопоставлении с Толстым и Достоевским, которые поныне являются властителями дум молодежи, Тургенев занимает как бы меньшее место, остановившись в преддверии к тем проблемам духовной и плотской жизни, испытывание которых привело Толстого, этого «ясновидца плоти», как выразился Мережковский, к отрицанию плоти, исканию абсолютного добра и правды, а «ясновидца духа»—Достоевского—к исканию основ истинны и вечной жизни. Тургенев—пловец любви, но он не знает тех мучительных аффектов страсти, которые раскрываются лишь после того, как переживешь «Крейцерову сонату». И недаром даже «Анна Каренина» показалась Тургеневу скучна: в таком масштабе он не испытывал и не изучал страсти. Его любовь—всегда есть радость жизни, хотя бы и при неблагоприятном обороте и неудачных обстоятельствах. Разве не испытывает минуты блаженства даже Арапов, при всей странности его любви к мертвой («Клара Милитч»). Эту радость жизни могут заставить погаснуть иные непреодолимые обстоятельства, чувство долга, разочарование в любимом человеке и т. п., но все-таки она была, она есть. Слабовольные люди, или слишком разсудочные, головные, зачастую опускают счастье, когда оно

само как бы валится им в руки («Ася», «Рудин»). Но все-таки в жизни быть высшей радости, как любовь. Не для нее-ли и дается жизнь, которую безразличная природа, не выдающая ни добра, ни зла, не считающаяся ни с разумом, ни с справедливостью, может по произволу отнять и дать другим, червям или людям... ей все равно («Природа»)? Тургенев не анализирует того развития страсти, когда она в самой себе открывает ряд непреодолимого внутреннего рока. По борьбе глубокому захвату основ человеческой жизни и сущности человеческой природы и по некоторым другим свойствам техники творчества, Толстой и Достоевский, в разном отношении, как бы пересекли устойчивость в литературе тургеневских традиций. Зародилось и кое-что свое, новое. Однако, отзвуки тургеневского творчества все же существуют и в новейшей литературе. Даже у талантлившегося Куприна, смелого вступившего в стезю, продолженную Толстым, есть чисто тургеневские мотивы. Знакомый, именно благодаря Тургеневу, к столь нам родственный тип слабоумного и мучающегося сознанием своей недостаточной воли человека в повестях Куприна воскрешает тип людей сороковых годов, очерченный Тургеневым. А в сказочках Куприна и его мелких очерках в роде «Пустых дат»—живая литературная преемственность «Стхотворений в прозе» Тургенева. Не будем настаивать дальше на сближениях, но воспоминание о Тургеневе находит и на почтения. Сталь чистая, цѣломудренная муза Тургенева почувствовала бы себя не раз в крайне неловком положении перед многими произведениями новейших беллетристов. Хороша, правда, и заслуживает уважения смелость анализа и нелицеприятіе изображений. Но правда не может, не должна быть односторонней. Любить правду и Тургенев, но сдерживаясь в осознанности перед красотой. И законы прекрасного ограждают те формы искусства, в которых должны отлиться даже уродливые и измозженные проявления жизни. Все может быть предметом искусства, но в надлежащем освещении и по проверке с высшими запросами человеческого духа. Этой точки зрения Тургенев никогда не опускал в своих произведениях. Отсюда их значительность и важность. И в анализе человеческих взаимоотношений, наряду с требованием внести красоту в жизнь, помнить о справедливости, он всем своим обликом, всей жизнью и творчеством как бы заставлял—поменьше эротизма, больше любви, настоящей, цѣлостной любви.

В. Батушнов.

VII.

Еще дальше (и ближе к первому моему разговору с И. С.) запомнилась мне продолжительная беседа с ним в ресторане теперь уже не существующего в Петербурге отеля «Демуть», с окнами, выходившими на Мойку.

Это было в те годы, когда Тургенев основался в Париже (после жителя в Бадене), но стал чаще набирать в Россию и проводить лето в своем Спаском-Лутовиновом, куда я чикогда не заглядывал.

Только к этому времени я имел возможность оценить, какой он был блестящий и пленительный собеседник, бытовой рассказчик и художник в своих устных очерках и русской, и заграничной жизни, в портретах и характеристиках людей.

Всем известно, что при очень большом росте и богатырской фигуре у него был жидкий, высокий, слабый и несколько шепелявый голос, с оттенком произношения старожилов местностей ниже Москвы, в Орловской, Тульской и Тамбовской губерниях. Но это не мешало обаянию его разговора, так же, как не мешало ему, когда он сам читал свои вещи, особенно из «Записок охотника».

Прибавлю, что он хотя и был настоящим барин и сентиментальный человек, но в русском произношении не грешил никакой манерностью и сохранял настоящий великорусский говор. По-французски же он говорил уже как старый парижанин «из русских», с разными ударениями и словечками, как и прививаются только после очень долгого жителя с французами.

Как он говорил по-немецки и по-английски, я не имел случая наблюдать.

Так вот, за тем обходом у Демута рече зашла почему-то о Л. Толстом, которого он, как и другие его сверстники, привык за глаза называть «Левушка Толстой».

Тогда он уже не скрывал ни перед кем (и это попало в его письма), что он не восхищается очень многим, что есть в «Анне Карениной». Но его преклонение перед автором «Блазков» и «Война и мир» было безусловно, — такое, как ни у кого из тогдашних писателей.

Тогда-то он и любил называть его «слоном» по силе творчества и без всякой фальшивой скромности ставил его неизмеримо выше себя.

Вот тут он и рассказал мне подробно историю своей ссоры с Толстым — очень просто, с необыкновенной объективностью тона, не умаляя того неприязненного к нему чувства, которое уже сидело в Толстом, но и не выдавая самого себя нисколько...

И никогда, ни в этот раз, ни в другие разговоры на литературные темы, он не отзывался дурно о русских писателях. О парижских своих приятелях в последние годы высказывался с большой мягкостью, за что они по смерти его и разсердились все.

VIII.

Пока печать содержит мало откликов тургеневских дней.

В «Минувших Годах» обсуждается вопрос о памятнике-монументе Тургеневу в Орле и живом памятнике — доме-музее имени Толстого в Петербурге.

Судьба угодна было, чтобы восьмидесятилетие со дня рождения великого писателя русской земли и двадцатипятилетие со дня кончины того, кто первый дал Толстому это, ставшее ныне общепризнанным, наименование, пришлось на один и тот же месяц одного и того же года.

Ознаменовать юбилей Льва Николаевича Толстого предположено учреждением в Петербурге литературного дома-музея его имени и другими актами общественного значения. Хотелось бы верить, что предположения эти не останутся одними только словами. Говорим — «хотелось бы верить», а не, — как то бы следовало, — «горячо верить» по той причине, что за истекшие 25 лет со дня кончины другого украшения нашей литературы, Ивана Сергеевича Тургенева, не сделано почти ничего для увековечения его памяти. И это, не взирая на опубликованное уже четверть века тому назад, разрешение всеобщего народного сбора для поставления памятника Тургеневу в его родном городе Орле! На эту цель за 25 лет собрано всего каких-то жалких несколько тысяч рублей! Почему же это так случилось, почему поляки, например, могли с необыкновенной быстротой осуществить свое на-

циональное дело, — дело сооружения в Варшаве памятника Мицкевичу, лишь только к тому явилась первая возможность чисто внешнего характера? Или и в самом деле, мы еще не выросли до сознания своих, перед нашими литературными «славами» национальных обязанностей? Но в таком случае и, действительно, — нация ли мы?

Теперь говорит, а Мельхиор де Вогюэ повторяет, вполне с ним соглашаясь, что «Тургенев был одним из самых совершенных художников, какими только обладал мир после художников Греции». И к памяти такого-то художника мы «постыдно-равнодушны»!

Имена Тургенева и Толстого тесно между собою переплетены во многих отношениях. Тургенев преклонялся перед художественным гением Толстого и, будучи «европейцем» par excellence, не мало содействовал ознакомлению Европы с произведениями великого писателя земли русской. Вспоминается такой известный эпизод: Тургенев перевел, и перевел, конечно, так, как мог перевести только он, на французский язык несколько страниц из «Войны и Мира» и дал прочесть их Флоберу. Прочтя эти страницы, Флобер воскликнул: «Да, это Шекспир, это Шекспир!»

Памятник Тургеневу в Орле и литературный дом-музей имени Толстого в Петербурге, — вот дела, выполнение которых является национальною обязанностью русского общества!

Только что закончил свою гнусную работу над обличением живого Толстого г. Меньшиков, умылся и переоделся и теми же руками, которые пустили в мир столько лжи, ненависти и злобы, написал горячую статью в честь мертвого Тургенева. Большого оскорбления для памяти великого гуманиста и «Новое Время» придумать не могло...

* * *

Росс. Вид. 22-го. 1908

Б.В. 22-го. 1908

Счастливыи несчастливцы.

Памяти И. С. Тургенева.

I.

Судьба снова на мгновение столкнула два литературных имени, таких неодинаковых, таких в свое время взаимно неравнодушных и часто враждебно отталкивавшихся и таких одинаково дорогих русскому сердцу—Тургенева и Толстого. Двадцатипятилѣтне днѣ смерти Тургенева предварило только недѣлей толстовскій юбилей.

Толстой здравствуетъ милостью небесъ, но онъ тоже успѣлъ уже стать въ перспективу исторіи. Послѣ «Анны Карениной» протекло тридцать лѣтъ,—срокъ достаточный, чтобы разобраться въ писателѣ. Надъ жизнью Тургенева пронеслось двадцать пять зимъ. За четверть вѣка умирають ошибки современнической близорукости, замирають пристрастія, настаетъ подлинный судъ потомства.

Въ учебникахъ словесности даны уже полныи и исчерпывающія формулы, опредѣляющія положеніе писателей въ исторіи литературы. Ихъ нечего повторять: ихъ скажетъ любой прилежный гимназистъ. Интересно синтезъ личности. Къ сожалѣнію, этого не даютъ учебники. Къ сожалѣнію, этимъ не всегда занимается и критика.

А между тѣмъ, они оба,—и при сопоставленіи это чувствуется до осязаемости,—отойдя въ тѣнь исторіи, стали, именно, какими-то символами, какими-то типами русскаго человѣка. Толстой—русской богатырской складки, неугомоннаго нашего исканія правды, опрощенія, жизни по совѣсти. Тургеневъ—русской мягкой, немучительной меланхоли, навѣянной русскимъ степнымъ просторомъ, задумчивымъ лѣсомъ, безконечнымъ лугомъ, съ уныло-махавшей хвостомъ лошадей,—извѣстной нашей безпричинной грусти, тоски по какимъ-то богатырскимъ дѣламъ, безъ которыхъ скучно и стыдно жить. Толстой—интеллигентный Микула Селяниновичъ. Тургеневъ,—пользуя его же собственнымъ, впрочемъ, очень неполнымъ и неточнымъ терминомъ,—«лишний человѣкъ».

Б.В. 22-го. 1908

Кончаются формы, мѣняется писательская манера, обанализуются прежде великодушныя слова. Ничто не вѣчно подъ солнцемъ. Зеленѣетъ даже благородная бронза. Двадцать пять лѣтъ слегка тронули творческую сѣкровищницу Тургенева. Но даже тогда, когда время наложить на дѣло Тургенева еще замѣтнѣе свою желѣзную руку,—останется живою эта сторона въ писателѣ. Пальму лучшаго историка жизни нашей интеллигенціи 40-хъ и 50-хъ годовъ Тургеневъ будетъ всегда дѣлить съ такими собратіями-великанами, какъ Толстой, Герценъ и Гончаровъ.

Двадцать пять лѣтъ, пронесшіяся надъ Тургеневымъ, переставили и линіи общественно-политическаго строя Россіи. Задуманная мечта Тургенева, которую онъ дѣлилъ съ Бѣлинскими, Герценами, Грановскими, Огаревыми и Некрасовыми о новыхъ началахъ жизни—мечта, которую онъ пронесъ отъ университета до могилы, приблизилась къ осуществленію. Слово, которое онъ не смѣлъ, по тогдашнимъ условіямъ, громко сказать вслухъ, но которое было всегда на его устахъ,—сейчасъ громко возвѣщается на площадяхъ и кровляхъ, хотя подлинная конституціонная жизнь—еще столь же горячая мечта наша, какъ была мечтою людей 40-хъ годовъ.

Б.В. 22-го. 1908

Лебединая пѣснь Тургенева.

«Рѣчь» говоритъ о нѣжной беззаветной любви Тургенева къ родинѣ.

Тургеневъ догоралъ одиноко на Западѣ, но его взоръ съ любовью и вѣрою былъ обращенъ къ Россіи. Почему? На какомъ основаніи? Можно ли любить страну и въ особенности, можно ли вѣрить въ страну, въ которой не существуетъ ни одного, такъ-таки ни одного, устоявленія не вызывающаго «полнаго и безпошаднаго отрицанія»? Какія же у Тургенева то могли быть данныя для подобной вѣры?

Данныя эти у него были свои.

«Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины,—ты одинъ, мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Не будь тебя—какъ не впасть въ отчаяніе, при видѣ всего, что совершается дома?—Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!».

Эта лебединая пѣснь Тургенева была пропѣта имъ въ іюнѣ 1882 года. «Поддержка и опора» отъ «отчаянія» ему оставалась одна, но за то такая, значеніе которой для людей типа Тургенева было безгранично. Чтобы вѣрить въ Россію, ему достаточно было произнести одно только имя: Левъ Толстой. Тогда онъ вѣрилъ сильною вѣрою и любилъ горячею любовью. И онъ былъ, конечно, правъ.

Воскр. 22-го. 1908

Столичная печать.

Тургеневъ не Гапонъ...

Орловскій предводитель дворянства по телеграфу испросилъ у министра народн. просвѣщенія разрѣшенія... присутствовать на панихидѣ по Тургеневу учащимся. «Нов. Время» по этому поводу пишетъ:

Власть у насъ подобна пару: то сгущается въ облако такое, что дышать нельзя, то вовсе исчезаетъ, и ея совсѣмъ не видно. Неужели въ городѣ некому было разрѣшить этотъ вопросъ, и неужели находящіяся тамъ учебныя власти лишены такого элементарнаго права,—какъ, не сносаясь съ попечителемъ и даже министромъ—повести учениковъ на панихиду по великому писателю! Но, очевидно, учебныя власти находятся теперь въ такомъ перепугѣ, что не берутъ на свою отвѣтственность даже такой мелочи, и даже не рѣшаются отъ себя испрашивать на это разрѣшенія у надлежащаго начальства. Такъ какъ нельзя понять телеграммы предводителя къ министру безъ отказа директора гимназіи и директора народныхъ училищъ, какъ допустить приводъ учащихся на панихиду, такъ и снести объ этомъ съ попечителемъ московскаго округа.

Кончается, однако, «Нов. Время» довольно неожиданнымъ вопросомъ.

Неужели же въ Орлѣ не понимаютъ, что Тургеневъ—не Гапонъ, и что присутствіе въ день 25-лѣтней годовщины на панихидѣ по немъ учениковъ не только позволительно и желательно, но и должно?

«Тургеневъ—не Гапонъ». Думается, что орловскій предводитель дворянства, прочитавъ эти слова, только покрутитъ усь и скажетъ:

— А Богъ его знаетъ! Толстого хуже Стеньки Разина отчитываютъ въ черносотенныхъ газетахъ. Можетъ, Тургеневъ еще хуже Гапона? По пылѣвшимъ временамъ не разберешь.

Пятница 22-го. 1908

ЭМАНСИПАЦИЯ ЖЕНСКОГО СЕРДЦА.

Почему принято ставить памятники великим людям не там, где они работали и блистали славой, а там, где провели свое безвестное прошлое, где боролись с дрязгами провинциальных будней, где они страдали сознанием своего бессилия? Тургеневъ провел свои худшие годы (худшие для его славы) въ орловской губернии; Тургеневъ, привыкшій къ Европейской обстановкѣ, по всей вѣроятности, презиралъ Орелъ со всеми прелестями русской провинциальной глуши; орловцы, послѣ 25-ти лѣтняго раздумья, рѣшили поставить ему тамъ памятникъ. Тѣмъ лучше! Пусть будетъ памятникъ Тургеневу въ Орлѣ! Но это не рѣшаетъ вопроса о достойномъ великаго поэта памятникѣ всероссийскомъ...

Инициативу сооруженія такого памятника должна взять на себя русская женщина. Тургеневу справедливо приписываютъ громадную заслугу эмансипации крестьянъ; но, съ его же помощью, совершилась и другая эмансипация—эмансипация русской женщины. То, что пачалъ Пушкинъ, то довершили Тургеневъ съ Толстымъ: разбили цѣпи предразсудковъ, которыми была обмотана русская женщина, сорвали съ лица ея покрывало и показали міру чарующую красоту ея лица и души, освободили отъ рабства мужской волѣ женское сердце. Они растворили золотую клетку, въ которой со времени теремовъ была загнана женская любовь, и любовь эта вспорхнула, какъ райская птица, сверкая цвѣтами радуги.

Чтобы понять значеніе эмансипации сердца русской женщины, а съ ней — и любви, нужно вспомнить тѣ, сравнительно недавнія времена, когда женщина въ русскомъ обиходѣ играла роль болѣе или менѣе изыщной или необходимой мебели и когда всякое чувство, не заклеенное штемпелемъ брачнаго свидѣтельства, считалось позоромъ. А такъ какъ чувства заштемпованные расплывались въ сѣрую муть будней, то о

чувствахъ вовсе не заботились, считая ихъ „блажью“ и роскошью.

Пушкинъ былъ первый изъ русскихъ поэтовъ, коснувшихся всей дланью звучнаго инструмента женскаго сердца. Онъ извлекъ изъ него полный аккордъ. Но попытка его, при всей смѣлости поэта, была еще робкой: его Татьяна, хотя и отважная здоровой страстью, дальше морали теремовъ не идетъ.

Но я другому отдана.
И буду вѣкъ ему вѣрна.

Этимъ звучнымъ силлогизмомъ, гдѣ активное бѣдствіе (буду вѣрна) вытекаетъ изъ пассивнаго (отдана), этой полуацемѣрной данью духу времени обрывается аккордъ, сотканный изъ силы любви и протеста женскаго сердца. Толстой исправилъ этотъ аккордъ въ Аннѣ Карениной. Анна какъ бы мститъ русскому обществу за свою пошлущую и пассивную бабу Татьяну. Она уже не „вѣрна“. Она рветъ цѣпи, казавшіяся вѣчными, она исправляетъ ошибку судьбы; но въ этой страшной борьбѣ, какъ всѣ пионеры, падаетъ и погибаетъ. А порванные концы цѣпи, въ рукахъ другихъ поэтовъ, сростаются уже не елеемъ пассивнаго подчиненія року, а огнемъ торжествующей и все побѣждающей любви.

Первымъ изъ такихъ поэтовъ торжествующей любви былъ Тургеневъ. Онъ извлекъ изъ женскаго сердца уже не аккордъ, а цѣлую гамму. Отъ робкихъ поцѣлуевъ Лизы Калитиной въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, вплоть до дерзости Елены Инсаровой и до ласкъ Клары Милицы, онъ раскрывалъ все глубже и глубже тайну женскаго сердца, какъ лепестки цѣломудренной розы. Изумленная страна, а съ ней и весь міръ, ахнули, увидѣвъ на днѣ этого сердца сокровища, о которыхъ не смѣли мечтать. Тургеневъ первый сорвалъ завѣсу съ того сложнаго женскаго чувства, которое называется „цѣломудренной страстью“, и которое теперь жалкими апостолами огарковой любви профанируется и топчется въ грязь. Тургеневъ первый набросилъ фату цѣломудрія на тотъ актъ любви, который до него считался безстыдствомъ, а послѣ него — физиологическимъ процессомъ. Раскрывъ тайну упоенія здоровой чувственностью, Тургеневъ эту тайну перенесъ изъ области физиологій въ область психологій, убралъ цвѣтами поэзии и на стражѣ ея поставилъ не мораль и не инстинктъ, а—любь. Оттого, въ моменты наивысшаго подъема полового чувства (сцена паденія Елены), не профанируется у него ни одинъ изъ догматовъ любви, не оскверняется ни одна изъ святынь, которымъ поклонялось и будетъ поклоняться еще долго человечество.

Другое дѣло, насколько правдива тургеневская поэзія любви. Насколько соответствуетъ она духу времени и запросамъ будущаго. Но такъ же какъ нелепымъ было добиться акта 17-го октября безъ акта 19-го февраля, такъ и нельзя было добиться гражданской эмансипации женщины безъ эмансипации ея сердца. Если бы на мѣстѣ Тургенева оказались Соллогубъ съ Арцыбашевымъ, если бы вмѣсто Лизы и Елены Россія узрѣла „розовыхъ безхвостыхъ кобылицъ“ и гимназистокъ, бѣгущихъ „замывать кровь“ послѣ акта любви, можно предположить, что русская женщина долго еще не увидѣла бы даже той купой свободы, которой она пользуется сейчасъ. Тургеневъ усталъ ложе этой свободы цвѣтами своей поэзии и грусти. Тургеневъ сказалъ всему міру: „Любите русскую женщину за силу ея страсти, за ея цѣломудренную чувственность, за ея самопожертвованіе, за ея страданія, за ея красоту!..“ И міръ полюбилъ. И въ то время, какъ на Западѣ буржуазное ханжество клевало трупъ несчастной М-ше Бовари, наши Анна Каренина и Елена Инсарова шествовали, гордо поднимая свои чудныя головки. Толпа разступалась передъ ними, пошлая мораль—молчала.

Баянъ.

Рассказъ Леонида Семенова «Казнь», помещенный въ послѣдней книжкѣ «Вѣстника Европы» съ письмомъ-предисловіемъ Льва Толстого, встрѣченъ съ большимъ интересомъ лондонской періодической печатью, которая поощряетъ на своихъ столбцахъ переводы его. Но въ примѣчаніяхъ къ переводамъ англійскія газеты обращаютъ вниманіе своихъ читателей не столько на литературно-художественныя достоинства рассказа г. Семенова, которыхъ въ дѣйствительности и нѣтъ въ немъ, сколько на письмо Толстого, рекомендующаго этотъ рассказъ.

Расс. 22-го Авг. 1908

А межъ тѣмъ—все по иному. Страна спитъ, общество спитъ. Всѣ равнодушны къ кровопролитію — и лучшіе, и худшіе люди... Нужно имѣть мужество говорить правду: ни потрясающая повѣсть Л. Андреева, ни другія произведенія подобнаго рода, ни даже хриплый вопль души Льва Толстого, не производятъ на массу ровно никакого впечатлѣнія.

Газета «Киевская» № 1/1908
(Киевск. Нов. Рус.)

Леонидъ Андреевъ принялъ предложеніе комитета чествованія Толстого принять ближайшее участіе въ работахъ комитета. Писатель провелъ все лѣто въ своей только что законченной, выстроенной по его собственнымъ рисункамъ виллѣ «Бѣлая Ночь» близъ Теріюкъ.

Газета «Киевская» № 1/1908

Всеп. 22-го Авг. 1908

— Къ чествованію Л. Н. Толстого. „Вечеру“ сообщаютъ, что городской голова Н. А. Рѣзцовъ ни со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, ни со стороны градоначальства никакихъ ограничительныхъ указаній относительно намѣченной думой программы чествованія не получалъ.

— Къ чествованію Толстого. Императорская академія наукъ, по словамъ газетъ, рѣшила въ день юбилея послать Льву Николаевичу привѣтственную телеграмму. Кромѣ того, одно изъ своихъ засѣданій академія всецѣло посвятить публичному чествованію его.

Рис. Мисл. №. 1208 А 325

Гр. Л. Н. Толстой.

Въ газетахъ напечатано слѣдующее письмо:

Чтобы не доставить лишняго беспокойства лицамъ, желавшимъ лично поздравить графа Льва Николаевича Толстого со днемъ его рожденія 28 августа, считая долгомъ сообщить, что послѣдняя болѣзнь, осложнившаяся инфлуэндой, отъ которой онъ и до сихъ поръ принужденъ оставаться въ постели, до такой степени изнурила его, что онъ лично никого рѣшительно, даже самыхъ близкихъ, къ сожалѣнію, принять никакъ не можетъ.

Гр. Софія Толстая.

Ясная Поляна.

20 августа 1908 года.

Русская Жизнь 23-го Авг. 1908

Отъ комитета съезда представителей русской печати.

Въ виду приближающагося дня 80-лѣтія Л. Н. Толстого, комитетъ обращается ко всѣмъ редакторамъ и издателямъ періодическихъ изданій, а также отдѣльных, касающихся юбилея Толстого книгъ, его портретовъ и проч.,—присылать такія изданія, по возможности, въ двухъ экземплярахъ въ Петербургъ, въ редакцію журнала „Минувшіе Годы“ (Литовка, 44)

для устраиваемаго въ Петербургѣ дома-музея имени Л. Н. Толстого.

Комитетъ.

Покорнѣйшая просьба ко всѣмъ газетамъ перепечатать настоящее обращеніе.

Рус. Жизнь 23-го Авг. 1908

Синодъ о чествованіи гр. Льва Толстого.

Петербургъ. Святѣйшій синодъ въ виду готовящагося чествованія исполняющаго восьмидесятилѣтія со дня рожденія графа Льва Толстого опредѣлилъ обратиться къ чадамъ православной церкви съ разъясненіемъ слѣдующаго содержанія: Толстой въ періодъ своей литературной дѣятельности до конца семидесятихъ годовъ подарилъ русское общество многими замѣчательными произведеніями, показавшими въ авторѣ выдающуюся глубину мысли, рѣдкую наблюдательность жизненныхъ явленій, вѣрную оцѣнку ихъ и заслужившими право на признаніе его однимъ изъ великихъ писателей не только русской, но и всемірной литературы; но затѣмъ Толстой, подъ вліяніемъ гордыни духа, рѣзко измѣнилъ свою литературную дѣятельность: приступилъ къ руководству русскаго общества и учительству его не только въ духовной жизни, но и въ устройствѣ его социальнаго быта и, разрушивъ своимъ ученіемъ все, что составляетъ единственную основу истинно-разумной нравственной частной и общественной жизни — твердую живую вѣру въ Христово ученіе, Толстой проявилъ себя упорнымъ противникомъ православной вѣры и обнаружилъ сознательное пренебреженіе къ церкви. Чествованіе лица, отрекавшагося отъ Христа, отпавшаго отъ церкви и признаннаго въ 1901 году стоящимъ наравнѣ съ язычниками, можетъ произвести соблазнъ среди незрѣлыхъ возрастомъ и некрѣпкихъ вѣрой.

Поэтому синодъ призываетъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ церкви воздержаться отъ участія въ чествованіи графа Толстого и тѣмъ избавить себя отъ суда Божія, и благословляетъ епархіи озабочиться распространеніемъ въ народѣ изданій, указывающихъ на неправильность ученія Толстого, предоставивъ выборъ изданій мѣстнымъ просвѣтительнымъ и религіознымъ братствамъ, обществамъ и кружкамъ.

Русская Жизнь 23-го Авг. 1908

По поводу акта св. синода.

(Изъ бесѣды).

То, что синодъ сдѣлалъ официально, объявивъ по всѣмъ городамъ и весямъ о своемъ воспрещеніи чествовать юбилей гр. Л. Н. Толстого, министерство внутреннихъ дѣлъ и министерство народнаго просвѣщенія сдѣлали конфиденціально. Всѣ три вѣдомства дѣйствовали совершенно самостоятельно и сошлись на той общей точкѣ зрѣнія, что гений художника не искупаетъ ошибочности богословскихъ разсужденій и проповѣди антигосударственности. Министерство же народнаго просвѣщенія обосновало свое запрещеніе на давнемъ циркулярѣ, что всякое учебное заведеніе можетъ чествовать лишь лицо, имѣющее къ нему соприкосновеніе.

Газета неизвестная Авг. 1908

СВ. СИНОДЪ ПРОТИВЪ ЮБИЛЕЯ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Синодъ призываетъ воздержаться отъ чествованія Толстого и тѣмъ избавить себя отъ суда Божія.

Определение святѣйшаго синода отъ 20-го августа сего года, за № 5,492, по вопросу о готовящемся чествованіи дня рожденія графа Льва Николаевича Толстого.

По указу Его Императорскаго Величества, святѣйшій правительствующій синодъ слушали: представленный при рапортѣ преосвященнаго митрополита кievскаго, отъ 27-го минувшаго іюля за № 3,719, журналъ общаго собранія 4 миссіонерскаго Всероссійскаго въ гор. Кіевѣ съѣзда, отъ 25 того же іюля за № 10, съ заключеніемъ по вопросу о готовящемся чествованіи дня рожденія графа Льва Николаевича Толстого. Приказали: въ виду готовящагося чествованія исполняющагося 80-лѣтія со дня рожденія русскаго писателя графа Льва Николаевича Толстого, по опредѣленію святѣйшаго синода отъ 20—22-го февраля 1901 года, признаннаго отпадомъ отъ святой православной церкви, святѣйшій синодъ опредѣляетъ: 1) обратиться къ чадамъ православной церкви съ разъясненіемъ, каковое и напечатать въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» во всеобщее извѣстіе и 2) благословить епархіальнымъ распространеніемъ въ народъ существующихъ уже или составляемыхъ впредъ изданій, въ коихъ указывается неправильность ученія графа Толстого и опровергается оное, а самый выборъ этихъ изданій предоставить мѣстнымъ религіозно-просвѣтительнымъ обществамъ, братствамъ, кружкамъ и т. п. съ одобренія преосвященныхъ, о чемъ для зависящихъ распоряженій и опубликовать въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ».

Отъ святѣйшаго синода по поводу предполагаемаго чествованія графа Л. Н. Толстого.

28 сего августа исполняется 80 лѣтъ со дня рожденія русскаго писателя, графа Льва Николаевича Толстого, и во многихъ мѣстностяхъ Россіи готовится его чествованіе.

Значеніе всякаго чествованія заключается въ выраженіи сочувствія событію, если оно является предметомъ этого чествованія, или дѣятельности извѣстнаго лица, если оно оказывается причиною празднованія. Въ данномъ случаѣ празднованіе относится къ графу Толстому, является выраженіемъ сочувствія, одобренія его дѣятельности.

Но какова его дѣятельность?

Происходя изъ древняго русскаго рода, обезпеченный средствами къ жизни, снабженный отъ природы отличными умственными дарованіями и крѣпкими физическими силами, онъ получалъ отъ своего Промыслителя все, что принято считать даннымъ для того, чтобы признать человѣка счастливымъ и чтобы требовать отъ него многого, потому что ему многое дано. Посмотримъ-же, какъ выполнилъ онъ въ своей жизни это многое?

Вначалѣ, по окончаніи своего образованія, онъ вступилъ на военную службу въ ряды защитниковъ Севастополя, выполнивъ, такимъ образомъ, и съ своей стороны доблестную задачу многихъ представителей нашего высшаго класса, всегда, въ годы испытаній нашей родины,—была-ли то война, или время внутреннихъ нестроений,—всту-

павшихъ въ ряды охранителей ея и коренныхъ устоевъ русской жизни: православія, самодержавія и русской народности. Затѣмъ, онъ занялся литературою и подарилъ русское общество многими замѣчательными произведеніями, показавшими въ авторѣ выдающуюся глубину мысли, рѣдкую наблюдательность жизненныхъ явленій и вѣрную оцѣнку ихъ и заслужившими право на признаніе его однимъ изъ великихъ писателей не только русской, но и всемірной литературы.

Такъ было до конца 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда подъ вліяніемъ гордыни духа, уже достигнувъ болѣе чѣмъ зрѣлаго возраста, графъ Толстой рѣзко измѣнилъ свою литературную дѣятельность и, покинувъ изслѣдованіе и обнаруженіе явленій прошлой и текущей общественной жизни, приступилъ къ руководству русскаго общества, къ учительству его не только въ духовной его жизни, но и въ устройствѣ его социальнаго быта, возмнивъ себя призван-

нымъ къ передѣлкѣ той и другого.

Но такъ какъ для выполненія поставленной имъ для себя задачи у него не было главнаго основанія—твердой и живой вѣры въ Христово ученіе и въ непоколебимость истинъ святого Евангелія, то его стремленіе принесло горькіе плоды и въ области религіозно-нравственныхъ понятій выразилось въ отверженіи Божественности Иисуса Христа, въ кощунственномъ изуродованіи Его Евангелія, въ хулѣ на Пресвятую Дѣву, въ отрицаніи силы и значенія Святыхъ Таинствъ, въ насмѣшкахъ надъ богослуженіемъ, надъ обрядами и правилами святой православной церкви, проявленныхъ во многихъ его сочиненіяхъ богословскаго, филозофскаго и беллетристическаго характера, а допустивъ все это, т. е. разрушивъ то, что составляетъ единственную основу истинно-разумной и нравственной, частной и общественной жизни, онъ, естественно, перешелъ и къ отрицанію условій этой жизни, предлагая установленіе ея на новыхъ, имѣющихъ мало общаго съ христіанскою жизнью, началахъ и для сего приглашая упразднить власти, платежи повинностей, высшую охрану, собственность, преслѣдованіе преступленій и т. п.

Такое измѣненіе въ дѣятельности графа Толстого привлекло на себя вниманіе архипастырей и пастырей, которые съ великимъ прискорбіемъ, усмотрѣвъ уклоненіе его отъ спасительныхъ истинъ православной вѣры, предпринимали цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ его вразумленію и исправленію, но безуспѣшно. Посему, и имѣя въ виду обнаруживаемыя графомъ Толстымъ все болѣе и болѣе рѣзкія нападки на дороги для русскаго народа вѣрованія, а также опасаясь, чтобы дальнѣйшее оставленіе его безъ карательнаго воздѣйствія церкви не породило соблазна среди православной паствы, святѣйшій синодъ въ 1901 г. призналъ его отпавшимъ отъ церкви и стоящимъ внѣ спасительной ея ограды, наравнѣ съ язычниками. И такого-то человѣка желаютъ чество-

вать въ православномъ государствѣ, въ обществѣ, считающемъ себя принадлежащимъ къ исповѣдникамъ того самаго православнаго ученія, которое чествуемое лицо отвергаетъ, и членамъ той самой церкви, отъ которой это лицо отпало.

Но вѣдь чествованіе, какъ сказано выше, есть выраженіе сочувствія дѣятельности чествуемаго лица, а можно ли православному христіанину принимать участіе въ чествованіи графа Толстого?

Графъ Толстой въ своихъ сочиненіяхъ проявилъ себя упорнымъ противникомъ православной вѣры, обнаружилъ сознательное пренебреженіе къ церкви, а потому и всѣ тѣ, кои сочувствуютъ его дѣятельности, выражая это сочувствіе участіемъ въ празднованіи его юбилея, вмѣстѣ съ тѣмъ причисляютъ себя къ его единомышленникамъ, дѣлаются соучастниками его дѣятельности и привлекаютъ на свою главу общую съ нимъ, тяжкую передъ Богомъ отвѣтственность. Кромѣ того, участіемъ въ чествованіи его они оскорбляютъ церковь, несмотря на ея всегдѣшнія заботы о нихъ, какъ о своихъ чадахъ. Сверхъ того, слѣдуетъ принять во вниманіе, что такое участіе въ чествованіи лица, отрекшагося отъ Христа и отпавшаго отъ церкви, можетъ произвести большой соблазнъ и среди какъ незрѣлыхъ возрастомъ, такъ и незрѣлыхъ вѣрою, — тотъ соблазнъ, отъ котораго предостерегалъ Спаситель въ бесѣдѣ съ учениками (Матѣ. XVIII, 7, 9), а самого чествуемаго можетъ укрѣпить въ сознаніи правильности его дѣйствованія и тѣмъ отдалить или даже совсѣмъ устранить возможность его обращенія отъ нечестиваго пути, а слѣдовательно и надежду на прощеніе его тяжкаго грѣха и на вѣчное спасеніе.

Поэтому, святѣйшій синодъ, въ заботахъ о благѣ церкви и спасеніи ея чадъ, призываетъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ церкви воздержаться отъ участія въ чествованіи графа Льва Николаевича Толстого и тѣмъ избавить себя отъ суда Божія, помня, что Богъ поругаемъ не бываетъ.

Петер. газета 23-го. 1908

Московской управѣ запрещено чествовать Л. Толстого.

Вчера московской городской управой получено официальное уведомление о распоряженіи мѣстной администраціи ни въ какомъ случаѣ не допускать чествованія 80-ти-лѣтія со дня рожденія Л. Н. Толстого. Въ силу этого распоряженія вопросъ о чествованіи юбилея не долженъ быть допущенъ къ обсужденію въ городской думѣ.

Болѣзнь Л. Толстого.

ПО ТЕЛЕФОНУ ИЗЪ МОСКВЫ

Только что вернувшійся изъ Ясной Поляны князь Д. Оболенскій сообщаетъ: 20 августа прибылъ въ Ясную Поляну и засталъ въ большой тревогѣ С. А. и М. Н. Толстую (сестра Л. Н., пріѣхавшая въ гости въ Ясную Поляну).

Софья Андреевна страшно измучена непрерывнымъ уходомъ за больнымъ. Ухаживаетъ она за нимъ одна, такъ какъ дочь ея Александра Львовна, помогавшая матери, въ настоящее время больна инфлюэнціей. С. А. неотлучно находится у кровати больного. За ходомъ болѣзни слѣдитъ домашній врачъ Душанъ Петровичъ. Въ настоящее время болѣзнь не внушаетъ опасеній. Боль въ ногѣ утихла, но слабость больного велика, такъ какъ желудокъ плохо варитъ. Л. Н. болѣе сутокъ ничего не ѣлъ и не принималъ. Въ животѣ появились боли. Аппетитъ очень плохъ. Изъ постороннихъ посѣтителей никого не принимаютъ.

Когда я прибылъ въ Ясную Поляну, Софья Андреевна сказала мнѣ, что видѣть Л. Н. совершенно невозможно. Онъ очень слабъ и новыя впечатлѣнія его волнуютъ. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, Л. Н. пожелалъ меня принять.

Съ пѣкоторой боязнью входилъ я въ спальню. Левъ Николаевичъ лежалъ въ кровати. Онъ съ трудомъ говоритъ. Всякій разговоръ и движенія его сильно утомляютъ. За 3 недѣли болѣзни онъ сильно исхудалъ. Голова же по прежнему свѣжа, и онъ продолжаетъ прочитывать получаемыя въ большомъ количествѣ письма со всѣхъ концовъ міра. Л. Н. часто требуетъ секретаря и диктуетъ ему то одну, то другую мысль. Больной жалуется на ослабленіе памяти. Замѣтивъ, что Л. Н. утомленъ моимъ присутствіемъ, я

началъ прощаться съ нимъ съ тяжелымъ чувствомъ. Когда и какъ мы увидимся вновь?—мелькнуло въ моей головѣ.

Инцидентъ Меншикова съ Софьей Андреевной, надѣлавшій такъ много шума, доставилъ большое огорченіе Л. Н. Весь этотъ инцидентъ былъ ему извѣстенъ, такъ какъ отъ него ничего нельзя было скрыть. Онъ требуетъ постоянно газеты.

Софья Андреевна вновь заявила мнѣ, что она никого не пуститъ 28 августа въ Ясную Поляну, даже самыхъ близкихъ и родныхъ. Между прочимъ С. А. обратилась ко мнѣ съ просьбой довести до свѣдѣнія редакцій всѣхъ газетъ и журналовъ, въ которыхъ 28 августа будутъ помѣщены статьи о Л. Н. прислать по экземпляру въ историческій музей въ комнату Л. Н. Толстого на имя Александра Ивановича Скальковского.

Въ Ясной Полянѣ я пробылъ до поздняго вечера. Самочувствіе Л. Н. стало лучше, хотя къ обѣду онъ не выходилъ. Съ Чертковымъ я увидѣлся за обѣдомъ. Первое время разговоръ не клеился. Состояніе у всѣхъ присутствующихъ на обѣдѣ удрученное.

—о—

Сегодня «Русскими Вѣдомостями» сообщается слѣдующій бюллетень о состояніи здоровья Л. Н. Толстого. 18 и 19 августа жара и удушья не замѣчалось. Боль въ ногѣ утихла. Воспаленіе венъ значительно меньше. Застой въ легкихъ меньше. Опухоль ноги спадаетъ. Температура 36,1—36,9. Пульсъ около 80 безъ перебора. Аппетитъ плохъ. Боли въ животѣ.

Въ ночь на 19 большая слабость. Спать хорошо.

Петер. Засема 28 Авг. 1908

Сапожники шутят...

«Нехъ сапожныхъ мастеровъ гор. Петербурга рѣшили послать въ Ясную Поляну для чествованія графа Л. Н. Толстого особую депутацию въ составѣ старшинъ: А. А. Иванова, Я. С. Мѣшкова и П. А. Александрова».

Эта буквально приведенная замѣтка была напечатана въ нѣкоторыхъ вчерашнихъ газетахъ.

Слухи, вызванные этой замѣткой, добавляли, что сапожники потому рѣшили отправить къ Толстому депутацию, что юбиляръ интересуется ихъ ремесломъ больше, чѣмъ какими другимъ...

И даже самъ шилъ сапоги.

Я отправился въ ремесленную управу поглядеть и побесѣдовать съ выборными депутатами, когда они думаютъ выѣхать, и что предполагаютъ сказать Толстому.

Въ управѣ мнѣ рекомендовали обратиться къ г. Мионову, заведывающему сапожнымъ цехомъ.

— А, знаю,—какъ-бы въ отвѣтъ на мое привѣтствіе воскликнулъ мой собесѣдникъ,—вы по поводу газетной замѣтки. Вотъ чепуха-то. Да ничего подобнаго нѣтъ, не было и быть не можетъ.

Нашъ разговоръ услышали окружающіе служащіе въ томъ-же цехѣ; всѣ присоединились къ намъ.

Повидимому, исторія эта ихъ заинтересовала.

Каждый, стараясь перекричать другого, спѣшилъ высказать свое мнѣніе.

— Это выдумка уже по одному тому, что цехъ никогда не можетъ распоряжаться членами управы, а всѣ наименованныя въ замѣткѣ лица—члены управы.

И замѣтку-то писалъ человѣкъ, который не въ курсѣ дѣла.

— Позвольте,—вмѣшался стоявшій рядомъ,—я отлично знаю, кто писалъ. Онъ очень даже въ курсѣ дѣла.

Просто захотѣлъ посмѣяться надъ ними и отправилъ ихъ депутатами въ Ясную Поляну.

Кругомъ захохотали, повидимому, надъ направившеюся имъ путію неизвестнаго.

— Что-же въ этомъ смѣшного...—спросилъ я.

Вопросъ мой какъ-бы смутилъ ихъ.

— Конечно, глупо, да только все-таки никто отъ насъ къ Толстому не побѣдетъ.

Въ это-же время мимо прошелъ товарищъ старшины.

— А мы только что послали соответствующее опроверженіе въ газету.

Чествовать Толстого мы не будемъ и не собирались.

Кто шутникъ, написавшій замѣтку, не знаю.

Л—овъ.

НАКАНУНЪ ПРАЗДНИКА РУССКОЙ МЫСЛИ.

(Къ 80-лѣтію Л. Н. Толстого).

Вышедшее сегодня «разъясненіе» о Толстомъ служить предметомъ разговоромъ во всѣхъ сферахъ. Во многихъ кругахъ его сопоставляютъ съ возвыщенной 17-го октября 1905 года Высочайшимъ манифестомъ свободой совѣсти, а также и съ послѣднимъ фактомъ перехода одного изъ родовитыхъ русскихъ князей, генераль-адъютанта князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, изъ православія въ католичество; высшими кругами это ему не было вѣнчено въ вину.

Сегодня официанты театра «Фарсъ» отправляютъ въ Ясную Поляну мельхиоровый самоваръ съ вырѣзанными на немъ своими фамиліями, въ подарокъ графу Л. Н. Толстому, по случаю 80-лѣтняго его юбилея.

Этотъ оригинальный подарокъ сопровождаетъ художественный адресъ.

По поводу чествованія Л. Н. Толстого выясняется, что общество немущихъ мѣщанъ Самары собирается чествовать Льва Николаевича посылкою телеграммы.

Б.В. 23-го Авг. 1908

КЪ ЮБИЛЕЮ Л. ТОЛСТОГО

ПРОСЯТЬ НЕ БЕЗПОКОЙТЬ Л. ТОЛСТОГО
ПОСѢЩЕНІЯМИ.

Графиня С. Толстая проситъ напечатать слѣдующее заявленіе:

«Чтобы не доставить лишняго беспокойства лицамъ, желавшимъ лично поздравить графа Льва Николаевича Толстого со днемъ его рожденія 28 августа, считаю долгомъ сообщить, что послѣдняя болѣзнь, осложнившаяся инфлюэнціей, отъ которой онъ и до сихъ поръ принужденъ оставаться въ постели, до такой степени изнуряла его, что онъ лично никого рѣшительно, даже самыхъ близкихъ, къ сожалѣнію принять никакъ не можетъ. Граф. Софія Толстая. Ясная Поляна. 20 августа 1908 года».

Петер. Звезда 23-го Авг. 1908

НАКАНУНЪ ПРАЗДНИКА РУССКОЙ МЫСЛИ.

(Из 80-лѣтію Л. Н. Толстого)

(По телефону отъ собственного корреспондента).

МОСКВА, 22-го августа.

Опубликованъ слѣдующій бюллетень о состояніи здоровья Л. Н. Толстого: «18-го и 19-го жара, удушья и боли въ ногѣ не было. Застой въ легкихъ и опухоль ноги тѣ же. Воспаленіе венъ на ногѣ значительно меньше. Температура 36,1—36,9. Пульсъ около 80, безъ перебоевъ. Боли въ животѣ. Аппетитъ плохъ. Ночь на 19 спалъ хорошо. 19-го большая слабость».

Сегодня въ «Русскомъ Словѣ» помѣщено слѣдующее письмо гр. С. А. Толстой. «Для того чтобы не доставить лишняго безпокойства лицамъ, желающимъ лично поздравить графа Л. Н. съ днемъ его рожденія 28-го августа, считаю долгомъ сообщить, что послѣдняя болѣзнь, осложнившаяся инфлюэнціей, отъ которой онъ до сихъ поръ прикованъ къ постели, до такой степени изнуряла его, что лично онъ никого рѣшительно, даже самыхъ близкихъ, къ сожалѣнію, принять никакъ не можетъ».

Въ «Русскомъ Словѣ» напечатано длинное письмо кн. Оболенскаго, недавно вернушагося изъ Ясной Поляны, посвященное состоянію здоровья Толстого. Письмо носитъ весьма пессимистическій характеръ. Л. Н. жалуется на общую слабость и на отсутствіе памяти. Инцидентъ между г. Меньшиновымъ и графиней С. А. произвелъ на него удручающее впечатлѣніе.

Городской управой получено официальное сообщеніе о распоряженіи мѣстной администрации не допускать чествованія 80-лѣтія дня рожденія Толстого. Обсужденіе въ городской думѣ вопроса о чествованіи, въ силу этого распоряженія, не должно быть допускаемо. Такое же распоряженіе, согласно телеграфнымъ извѣстіямъ «Голоса Москвы» и «Русскаго Слова», отдано въ губерніяхъ Симбирской, Тамбовской и Тульской.

ВАРШАВА, 22-го августа. Публичные лекціи и спектакли въ честь Л. Н. Толстого не разрѣшены.

Б. В. 23-46. 1208

СТОЛИЧНАЯ ПЕЧАТЬ.

Толстой, синодъ и русское общество.

Синодское «разъясненіе» по поводу чествованія Толстого уже вызвало отклики печати. Отклики, конечно, негодующіе. Такъ «Новое Время» пишетъ: прежде всего о формѣ «разъясненія»:

Боишься, что и при свѣтопреставленіи вѣдомство православнаго исповѣданія все будетъ составлять такія же бумаги со «слушали» и «опредѣлили». Но душа каждаго православнаго увѣрена, что судъ Божій никакъ не будетъ руководиться въ своихъ рѣшеніяхъ этими бумагами за нумерами, но сохранить нѣкоторую самостоятельность и независимость отъ этихъ синодскихъ постановленій. Потому что судъ Божій, котораго и мы ожидаемъ въ концѣ міра и исторіи, и не появился бы, и не для чего ему было бы являться, если бы духовная коллегія уже все и о всѣхъ, о праведномъ и неправедномъ, рѣшила безошибочно въ своихъ «опредѣленіяхъ» и въ своихъ «приказахъ»...

По существу вопроса:

Возвращаясь къ Толстому, мы должны замѣтить, что можно нисколько не раздѣлять его богословскихъ мнѣній, ни въ цѣломъ, ни въ части, но мы должны сказать и напомнить читателямъ, что чествуется не «богословская дѣятельность» Толстого, какъ выражается неточно синодальная бумага, а личность великаго человѣка, съ преимущественнымъ вниманіемъ къ его великимъ художественнымъ созданіямъ. И на это чествованіе, нисколько не оскорбляя своей вѣры, вполне имѣетъ право русскій православный народъ, и въ образованномъ слоѣ, и въ простомъ населеніи. Не дать этой чести, не принять въ этомъ чествованіи участія, было бы неблагодарно и неблагородно со стороны общества и населенія, и оно вправѣ имѣть объ этомъ свое самостоятельное мнѣніе. Мнѣніе это не нуждается ни въ указаніяхъ, ни въ поправкахъ со стороны, потому что оно совершенно право. Этакъ пришлось бы въ Россіи воздерживаться отъ похвалъ Пастеру, на томъ основаніи, что онъ былъ католикъ, и отъ похвалъ Гумбольдту на томъ основаніи, что онъ былъ лютеранинъ. Въ духовномъ вѣдомствѣ, вѣроятно, мало читались художественныя творенія Толстого, и оно придало значеніе только прочитаннымъ тамъ богословскимъ его трактатамъ, которые въ глазахъ общества никогда не имѣли особеннаго значенія. При литературныхъ чествованіяхъ, въ каковыхъ относителся и юбилей Толстого, принимаются во вниманіе исключительно литературныя труды, и никто въ это время не разсуждаетъ о вѣрѣ, религіи, или о церкви. Это — явленія другого порядка и стоятъ совершенно въ сторонѣ. Смѣшивать ихъ нельзя. Религія нисколько не оскорбляется воздаяніемъ удивленія и восхищенія къ художественнымъ созданіямъ.

Мы увѣрены, что всѣ русскіе, оставаясь православными и горячо православными, могутъ всю душою отдаться великому празднику русской литературы въ день чествованія одного изъ величайшихъ нашихъ писателей».

«Рѣчь» выразительно замѣчаетъ, что этотъ синодскій актъ

во всемъ культурномъ человѣчествѣ вызоветъ ту единодушную оцѣнку, которая глубокой болью отразится въ сердцахъ всѣхъ, кому сколько-нибудь дороги слава и достоинство нашей родины.

Б. В. 23-46. 1208

Определение святѣйшаго синода

отъ 20-го августа сего года, за № 5492, по вопросу о готовящемся чествованіи дня рожденія

графа Льва Николаевича Толстого

По указу Его Императорскаго Величества, святѣйшій правительствующій синодъ слушали: представленный при рапортѣ преосвященнаго митрополита кievскаго отъ 27-го минувшаго іюля за № 3719, журналъ общаго собранія 4-го миссіонерскаго всероссійскаго въ гор. Кіевѣ съѣзда отъ 25-го того же іюля за № 10, съ заключеніемъ по вопросу о готовящемся чествованіи дня рожденія графа Льва Николаевича Толстого.

Приказали: Въ виду готовящагося чествованія исполняющагося 80-лѣтія со дня рожденія русскаго писателя графа Льва Николаевича Толстого, по опредѣленію святѣйшаго синода отъ 20—22-го февраля 1901 года признаннаго отпадшимъ отъ святой православной церкви, святѣйшій синодъ опредѣляетъ:

1) обратиться къ чадамъ православной церкви съ разъясненіемъ, каковое и напечатать въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» во всеобщее извѣстіе, и

2) благословить епархіальныхъ преосвященныхъ озаботиться распространеніемъ въ народѣ существующихъ уже или составляемыхъ впредь изданій, въ коихъ указывается неправильность ученія графа Толстого и опровергается оное, а самый выборъ этихъ изданій предоставить мѣстнымъ религиозно-просвѣтительнымъ обществамъ, братствамъ, кружкамъ и т. п. съ одобренія преосвященныхъ: о чемъ для зависящихъ распоряженій и опубликовать въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ».

Отъ святѣйшаго синода по поводу предполагаемаго чествованія графа Л. Н. Толстого.

28-го августа исполняется 80 лѣтъ со дня рожденія русскаго писателя, графа Льва Николаевича Толстого, и во многихъ мѣстностяхъ Россіи готовится его чествованіе.

Значеніе всякаго чествованія заключается въ выраженіи сочувствія событію, если оно является предметомъ этого чествованія, или дѣятельности извѣстнаго лица, если оно оказывается причиною празднованія. Въ данномъ случаѣ празднованіе, относящееся къ графу Толстому, является выраженіемъ сочувствія, одобренія его дѣятельности.

Но какова его дѣятельность?

Происходя изъ древняго русскаго рода, обеспеченный средствами къ жизни, снабженный отъ природы отличными умственными дарованіями и крѣпкими физическими силами, онъ получилъ отъ своего Промыслителя все, что принято считать данными для того, чтобы признать человека счастливымъ и чтобы требовать отъ него многого, потому что ему многое дано. Посмотримъ же, какъ выполнилъ онъ въ своей жизни это многое?

Вначалѣ, по окончаніи своего образованія, онъ вступилъ на военную службу въ ряды защитниковъ Севастополя, выполнивъ, такимъ образомъ, и съ своей стороны доблестную задачу многихъ представителей нашего высшаго класса, всегда, въ годы испытаній нашей родины,—была ли то война, или время внутреннихъ нестрое-

ній,—выступавшихъ въ ряды охранителей ея и коренныхъ устоевъ русской жизни: православія, самодержавія и русской народности. Затѣмъ онъ занялся литературою и подарилъ русское общество многими замѣчательными произведеніями, показавшими въ авторѣ выдающуюся глубину мысли, рѣдкую наблюдательность жизненныхъ явленій и вѣрную оцѣнку ихъ и заслужившими право на признаніе его однимъ изъ великихъ писателей не только русскою, но и всемірною литературою.

Такъ было до конца 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда подъ влияніемъ гордыни духа, уже достигнувъ болѣе чѣмъ зрѣлаго возраста, графъ Толстой рѣзко измѣнилъ свою литературную дѣятельность и, покинувъ изслѣдованіе и обнаруженіе явленій прошлой и текущей общественной жизни, приступилъ къ руководству русскаго общества, къ учительству его не только

въ духовной жизни, но и въ устройствѣ его социальнаго быта, возмнивъ себя призваннымъ къ передѣлкѣ той и другого.

Но такъ какъ для выполненія поставленной имъ для себя задачи у него не было главнаго основанія—твердой и живой вѣры въ Христово ученіе и въ непоколебимость истинъ Святого Евангелія, то его стремленіе принесло горькіе плоды и въ области религіозно—нравственныхъ понятій выразилось въ отверженіи божественности Иисуса Христа, въ кощунственномъ изуродованіи Его Евангелія, въ хулѣ на Пресвятую Дѣву, въ отрицаніи силы и значенія Святыхъ Таинствъ, въ насмѣшкахъ надъ богослуженіемъ, надъ обрядами и правилами святой православной Церкви, проявленныхъ во многихъ его сочиненіяхъ богословскаго, философскаго и беллетристическаго характера, а допустивъ все это, т. е. разрушивъ то, что составляетъ единственную основу истинно-разумной и нравственной частной и общественной жизни, онъ, естественно, перешелъ и къ отрицанію условій этой жизни, предлагая установленіе ея на новыхъ, имѣющихъ мало общаго съ христіанскою жизнью, началахъ и для сего приглашая упразднить власти, платежи повинностей, внѣшнюю охрану, собственность, преслѣдованіе преступленій и т. п.

Такое измѣненіе въ дѣятельности графа Толстого привлекало на себя вниманіе архипастырей и пастырей, которые съ великимъ прискорбіемъ, усмотрѣвъ уклоненіе его отъ спасительныхъ истинъ православной вѣры, предпринимали цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ его вразумленію и исправленію, но безуспѣшно. Посему, и имѣя въ виду обнаруживаемыя графомъ Толстымъ все болѣе и болѣе рѣзкія нападки на дорогія для русскаго народа вѣрованія, а также опасаясь, чтобы дальнѣйшее оставленіе его безъ карательнаго воздѣйствія церкви не породило соблазна среди православной пастыри, святѣйшій синодъ въ 1901 году призналъ его отпавшимъ отъ церкви и стоящимъ внѣ спасительной ея ограды, наравнѣ съ язычниками. И такого-то человека желаютъ чествовать въ православномъ государствѣ, въ обществѣ, считающемъ себя принадлежащимъ къ исповѣдникамъ того самаго православнаго ученія, которое чествуемое лицо отвергаетъ, и членамъ той самой церкви, отъ которой это лицо отпало!

Но, вѣдь, чествованіе, какъ сказано выше, есть выраженіе сочувствія дѣятельности чествуемаго лица, а можно-ли православному христіанину принимать участіе въ чествованіи графа Толстого?

Графъ Толстой въ своихъ сочиненіяхъ проявилъ себя упорнымъ противникомъ православной церкви, обнаружилъ сознательное пренебреженіе къ церкви, а потому и всѣ тѣ, кои сочувствуютъ его дѣятельности, выражая это сочувствіе участіемъ въ празднованіи его юбилея, вмѣстѣ съ тѣмъ причисляютъ себя къ его единомышленникамъ, дѣлаются соучастниками его дѣятельности и привлекаютъ на свою главу общую съ нимъ, тяжкую передъ Богомъ отвѣтственность. Кромѣ того, участіемъ въ чествованіи его они оскорбляютъ церковь, несмотря на ея всегдашнія заботы о нихъ, какъ о своихъ чадахъ. Сверхъ того, слѣдуетъ принять во вниманіе, что такое участіе въ чествованіи лица, отрекшагося отъ Христа и отпавшаго отъ церкви, можетъ произвести большой соблазнъ и среди какъ незрѣлыхъ возрастовъ, такъ и некрѣпкихъ вѣрою,—тотъ соблазнъ, отъ котораго предостерегалъ Спаситель въ бесѣдѣ съ учениками. Матѣ. XVIII, 7, 9), а самого чествуемаго можетъ укрѣпить въ сознаніи правильности его дѣйствованія и тѣмъ отдалить или даже совсѣмъ устранить возможность его обращенія отъ нечестиваго пути, а слѣдовательно и надежду на прощеніе его тяжкаго грѣха и на вѣчное спасеніе.

Поэтому, святѣйшій синодъ, въ заботахъ о благѣ церкви и спасеніи ея чадъ, призываетъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ церкви воздержаться отъ участія въ чествованіи графа Льва Николаевича Толстого и тѣмъ избавить себя отъ суда Божія, помня, что Богъ поругаемъ не бываетъ. («О. Б.»).

Отпоръ анархін.

Умирая, Тургеневъ чувствовалъ, что съ нимъ закатывается золотой вѣкъ литературы и можетъ быть культуры русской. Именно этимъ сознаниемъ вызвана его трогательная мольба ко Льву Толстому — вернуться къ литературной дѣятельности.

Только одинъ Толстой и оставался тогда изъ большихъ талантовъ. Достоевскій умеръ за два года до Тургенева, Писемскій — одновременно съ Достоевскимъ, Гончаровъ давно выбылъ изъ литературнаго строя — жертвою обломовщины, которою самъ страдалъ. Что-то неблагополучное совершалось въ русской землѣ еще при жизни ея великихъ дѣятелей. Всего черезъ десять, черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ отъѣзду крѣпостного права почувствовалось, что великая реформа была великою катастрофой. Она или запоздала, или произведена была слишкомъ поспѣшно, но уже тогдашнее разложение предвѣщало будущіе разгромы. Въмѣсто того, чтобы вступить, какъ мечтали, въ новое и свѣтлое зданіе государственности, мы очутились среди развалинъ стараго, на произволъ всѣхъ стихій. Старый міръ съ его физическою силой, съ его твердой вѣрой въ царство небесное и царство земное, уходилъ; надвигался какой-то новый, невѣдомый міръ, который, къ ужасу великихъ наблюдателей, былъ не лучше прежняго, а гораздо хуже. Шла не политическая революція въ ея обычномъ стилѣ, а подъ именемъ «прогреса» — полное крушеніе цивилизаціи, нигилистическое одичаніе нравовъ. На «богатырской стражѣ» нашего общества стояли тогда трое витязей мысли: Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, и всѣ трое вмѣстѣ съ сильными талантами Писемскаго и Лѣскова дали мужественный отпоръ нигилизму. Изъ нихъ всѣхъ безпощаднѣе къ анархіи былъ Достоевскій, всѣхъ насмѣхливѣе Гончаровъ. Наиболѣе же мощнымъ борцомъ выступилъ Тургеневъ. Именно ему посчастливилось найти имя явленію, сразу всѣми принятое. Онъ же далъ изумительное по силѣ изображеніе нигилиста — въ лицѣ Базарова, положительнаго героя отрицанія. Онъ же далъ галерею отрицательныхъ, комическихъ, гнусныхъ типовъ нигилизма — въ лицѣ Губарева *, Суханчиковой, Голушкина, Ситникова, Остроумова, Паклина и пр. и пр.

До сихъ поръ составляетъ загадку, какъ Тургеневъ, проживавшій по-долгу за границей, сумѣлъ столь тщательно прослѣдить перерожденіе русскаго общества, записать почти всю патологию русскаго быта, всѣ виды и разновидности одичанія. Правда, что касается нигилизма, Тургеневъ могъ наблюдать его и за границей — среди обширной политической эмиграціи, среди сброды шляющейся оравы неудачниковъ, нейрастениковъ, психопатовъ, поскребковъ развратнаго и грязнаго крѣпостного права. Тургеневъ видѣлъ уже тогда всѣ типы, вновь — болѣе грубо — выступившіе теперь. Не говоря о радикальныхъ дворянахъ и савонникахъ, подыгрывавшихся и тогда къ революціонерамъ, Тургеневъ вывелъ на сцену и радикальныхъ дамъ, и купчиковъ, и офицеровъ — вотъ развѣ священниковъ-нигилистовъ еще не вывелъ. Они тогда

* См. «Словарь Литературныхъ Типовъ», выпуски I и II, «Тургеневъ». Обращаю вниманіе моихъ читателей на эту крайне-полезную книгу о великомъ писателѣ, появившуюся какъ разъ къ 25-лѣтію его смерти. Тутъ полная галерея тургеневскихъ типовъ — въ тургеневскихъ же опредѣленіяхъ, съ критическими отрывками о нихъ и алфавитными указателями. Въ дальнѣйшіе выпуски войдутъ Пушкинъ, Грибоедовъ, Островскій и всѣ выдающіеся белетристы, кончая Горькимъ. М. М.

еще только доканчивали свою бурсу. Если хотите понять смыслъ нашего жидовско-разбойнаго теперешняго радикализма, перечитайте великіе романы Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, Писемскаго... Вы убѣдитесь, что сейчасъ идущая катастрофа началась болѣе полустолѣтія тому назадъ, пожалуй съ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка.

Что такое нигилизмъ? Это одичаніе, это — демократическій бунтъ противъ культуры, которая, будучи работой аристократическихъ умовъ, является вещью слишкомъ сложной и непосильной для демократіи. Начиная съ вѣры: Богъ — понятіе философски слишкомъ глубокое, оно требуетъ гениальной вдумчивости, чтобы благородно его усвоить. Демократія сначала опошילה религію до идолопоклонства, а затѣмъ — демократическая молодежь, проснувшись къ сознанию, возмущилась имъ, отвергла и идолопоклонство, и всякое поклоненіе. Отсюда знаменитое «нѣтъ Бога», бывшее азбукой отрицанія. Его и дѣйствительно не было въ узкихъ черпакахъ нигилистовъ, — въ этомъ они были правы. Власть государственная — понятіе глубокое, воспитанное всей исторіей чело-вѣческаго рода. Но пониманіе власти требуетъ гениальной проницательности и познанія природы. Это трудно, это не по мозгамъ демократіи. Толпа, не умѣя разсуждать, вопла въ безразсудныя отношенія къ власти; она вульгаризировала ея идею и изъ свободнаго подчиненія установила рабство. Проснувшись къ сознанию демократическая молодежь возмущилась рабствомъ, и вмѣстѣ съ рабствомъ отвергла и благородное подчиненіе. Тоже красота и знаніе: все это очень тонкіе продукты аристократической культуры. Красота и знаніе требуютъ высокаго вкуса, гениальной души, способной совершенствовать себя и жизнь. Для демократіи — съ ея пониженными умственными способностями — это трудно. И достигать, и беречь совершенство у нея нѣтъ ни охоты, ни силъ. По этой причинѣ красота у демократіи сводится къ чувственности и знаніе — къ предразсудкамъ. Демократическая молодежь, поучившись въ школахъ, прикоснувшись къ аристократизму мысли, возмущается чувственностью и предразсудками, но вмѣстѣ съ ними отвергаетъ и чувство, и разсудокъ. Вотъ двойной корень нигилизма: начинающая мыслить демократія достаточно сильна, чтобы отречься отъ извращеній цивилизаціи, но слишкомъ слаба, чтобы усвоить разумъ ея. Что было-бы съ Моисеемъ, если-бы онъ былъ не въ силахъ взойти на высоту Синай?

Нигилизмъ есть нравственная остановка на полпути. Нигилизмъ — изнеможеніе, отчаяніе неудачниковъ, поднявшихся на уклонъ и безсильныхъ достичь вершины. Нигилизмъ по существу есть цинизмъ, самая жалкая изъ философій, которую Греки называли собачьей. Величайшій изъ нигилистовъ, Базаровъ отрицаетъ все сплошь: не только вѣру и нравственность, но науку, и искусство, и даже служеніе народу. Философія у него — «романтизмъ, чепуха». Искусство и красота — вздоръ, Пушкинъ — «ерунда, которая годится для мальчиковъ», — «Рафаэль — гроша мѣднаго не стоитъ». Музыка — одинъ смѣхъ, природа — «не храмъ, а мастерская». Свобода, парламентаризмъ — все это простыя мечты. Провинціальныи врачъ, съ котораго Тургеневъ писалъ Базарова, умеръ еще до освобожденія крестьянъ. Въ то время, какъ вмѣстѣ съ Тургеневымъ всѣ лучшие люди русскіе мечтали объ освобожденіи, Базаровъ презиралъ мужика и пророчески не вѣрилъ въ реформу. «Русскій мужикъ Бога слопаеетъ...

Освобожденіе не пойдетъ въ прокъ, потому что мужикъ радъ самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману въ кабакъ». О нигилизмѣ думаютъ, что это либерализмъ, но Базаровъ былъ гораздо ближе къ крѣпостникамъ. Когда отецъ его высѣкъ оброчнаго мужика на конюшнѣ, сынъ совершенно это одобрилъ: «очень хорошо сдѣлалъ, потому что мужикъ—воръ и пьяница страшнѣйшій». Либерализмъ предполагаетъ любовь къ народу, но Базаровъ признается въ ненависти къ народу: «Россія, говоритъ, онъ, тогда достигнетъ совершенства, когда у послѣдняго мужика будетъ (бѣлая, хорошая изба)... и всякій изъ насъ долженъ этому способствовать... А я и возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть, и который мнѣ даже спасибо не скажетъ... Да и на что мнѣ его спасибо! Ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ расти будетъ; ну, а дальше?»

Нигилизмъ считался передовымъ движеніемъ, но чѣмъ же онъ отличается отъ закоснѣлаго крѣпостничества? Собакевичъ былъ либеральнѣе Базарова, такъ какъ все-таки заботился о бѣлой избѣ для мужика. Отрицая Небо («Я на небо гляжу только тогда, когда хочу чихнуть»), Базаровъ отрицалъ даже честность и справедливость («Надо быть справедливымъ», воскликнулъ Аркадій.—«Это изъ чего слѣдуетъ?»—«Клевета!»—«Ка важность! Вотъ вздумалъ какимъ словомъ испугать!»). *Отцамъ*, воспитаннымъ хоть и въ крѣпостной, но христіанской и европейской культурѣ, казалось недозволительнымъ на примѣръ женщинъ продавать свое тѣло. *Сынъ*-нигилистъ говоритъ: «По моему мнѣнію, выйти за богатаго старика—дѣло ничуть не странное, а благоразумное».

Какъ видите, нигилизмъ, похвалявшійся тѣмъ, что все отрицаетъ и все разрушаетъ, на самомъ дѣлѣ отрицалъ не все. Онъ отрицалъ только благородное въ нашей культурѣ—религію, искусство, науку, поэзію, справедливость, честность, достоинство человѣческое, но онъ—въ лицѣ Базарова—одобрилъ крѣпостную конюшню, онъ призналъ презрѣніе къ народу, циническія отношенія къ чужой чести и собственности. Тургеневъ, какъ великій художникъ, воздержался сгустить краски. Базаровъ только грубъ и чувственъ, онъ злодѣйствуетъ только на словахъ. Но люди его типа у Гончарова, въ особенности у Достоевскаго—уже настоящіе злодѣи. Тургеневъ не напрасно заставилъ умереть Базарова еще студентомъ. Какъ развернулась бы практическая жизнь студента-нигилиста—объ этомъ приходится читать у того же Тургенева въ герояхъ «Дыма» или у Достоевскаго въ «Бѣсахъ», у Писемскаго въ «Взбаломученномъ морѣ», у Лѣскова въ «Некуда» и пр. Нигилизмъ и въ эпоху возникновенія, и до сихъ поръ, какъ вообще цинизмъ, скрашивается тѣмъ, что онъ отрицаетъ. Подобно адскому камню, это состояніе духа дорого тѣмъ благороднымъ металомъ, который въ немъ окисленъ. Множество свѣжихъ, цвѣтущихъ душъ заражаются нигилизмомъ, какъ цвѣтущія тѣла—сифилисомъ. Ради человѣка прощаешь болѣзнь, ради отравленной, но все же человѣческой души снисходишь къ ея заразѣ. Но что эта зараза губи-

тельна, что великое множество невинных дѣвушекъ и героическихъ юношей доверчиво влекутся къ яду и нравственно умираютъ отъ него — это было ясно Тургеневу, какъ и всѣмъ великимъ писателямъ того времени. Всѣ они — кромѣ младшаго по возрасту — Льва Толстого — выступили на борьбу съ нигилизмомъ, инстинктивно чувствуя, что тутъ передъ ними самый древній врагъ цивилизаціи — динизмъ. Постепенный, все растущій, выходящій изъ береговъ наплывъ хамства, напоръ необузданной свободы, давленіе потерявшей дисциплину черни — все это гениальному прозрѣнію великихъ авторовъ казалось устрашающимъ уже тогда. Черезъ четверть вѣка мы видимъ, что они не ошиблись. La vulgarité prévaudra! предсказывалъ Мишле; это сознаніе не чуждо было наиболѣе тонкимъ умамъ той эпохи.

Въ сознаніи того, что онъ умираетъ, что уже умеръ Достоевскій и навсегда смолкъ Гончаровъ, Тургеневъ возложилъ всѣ предсмертныя надежды на Льва Толстого. Надежды, правда, были слабыя, такъ какъ къ тому времени и великій авторъ «Войны и мира» отрекся отъ художества и выступилъ на путь своихъ отрицаній. Съ торечью осуждая Толстого въ этомъ новомъ направленіи духа, Тургеневъ умолялъ своего младшаго собрата вернуться къ литературѣ, очевидно надѣясь втайнѣ, что въ области художества гений выручитъ, предостережетъ отъ фальши. Кто знаетъ, — не вырви безжалостная смерть рядъ великихъ талантовъ, проживи въ теченіе четверти вѣка названные товарищи Толстого, и продолжай они свой дружный походъ противъ нигилизма, — можетъ быть и дѣятельность Льва Николаевича была бы иной. Ему пришлось бы или примкнуть къ дружинѣ нѣскольکو старшихъ его богатырей, или вступить съ ними въ тяжелый бой. Для всѣхъ, читавшихъ Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, Писемскаго, не можетъ быть сомнѣнія, что признавая въ Толстомъ гениальнаго художника, они рѣшительно отвернулись бы отъ анархической его публицистики, отъ его отрицанія цивилизаціи, отъ того толстовства, которое и въ теоріи, и въ практикѣ есть лишь нѣсколько облагороженный религіозностью динизмъ. Левъ Толстой самъ писалъ, что въ Достоевскомъ онъ лишился большой нравственной поддержки. Такой же поддержки онъ лишился и въ Тургеневѣ, котораго не любилъ, но мнѣніемъ котораго очень дорожилъ. Одинъ въ полѣ не воинъ. Въ могучей культурной среды, въ общеніи съ которой онъ выросъ, Левъ Толстой опустилъ свое великое перо. Крылатый гений отъ него какъ бы отлетѣлъ. Менѣе сильныя способности увлекли его въ потокъ ходячихъ отрицаній, противъ культуры, противъ исторіи, противъ самой природы. На благо ли человечества было это — вопросъ темный.

Поминая забытаго генія нашего, хочется отмѣтить мужество, которымъ онъ отличался въ писательской работѣ. Онъ первый, раньше Достоевскаго и Гончарова, выступилъ противъ нигилизма. При всемъ обаяніи его таланта, при безспорной репутаціи искренняго прогрессиста, — быть независимымъ было не безопасно даже для Тургенева. Онъ могъ написать два тома «Записокъ охотника», благодарственныхъ для Россіи, какъ весенняя гроза, онъ могъ быть другомъ великихъ народолюбцевъ — Бѣлинскаго, Станкевича, Грановскаго, Герцена, Огарева, но сказать слово осужденія интеллигентной черни — этого и тогда не прощали. Послѣ «Отцовъ и Дѣтей» на Тургенева обрушилась звонкая травля въ радикальной печати. Даже заступничество блестящаго идола молодежи Писарева не спасло сѣдьющую голо-

ву отъ поруганій. Къ несчастію для Тургенева, онъ унаслѣдовалъ отъ отца мягкую натуру: печатныя обиды его обижали. Стоить прочесть «Довольно!», чтобы понять, какъ близко къ сердцу принималъ великій писатель такой вздоръ, какъ нигилистическая критика того времени. Аристократъ и европеецъ, гуманистъ и тонкій художникъ, онъ пугался въ жизни всего грубаго, — динизмъ и хамство были ему ненавистны. Выступая съ противунигилистическими романами, Тургеневъ хорошо зналъ, что ему не миновать скандала, и все-таки, повинувшись писательскому призванію, онъ шелъ на скандалъ. Уже тогда, 30—40 лѣтъ назадъ, въ журналахъ и газетахъ появились Евреи. Хотя еврейскаго вопроса тогда не существовало въ нынѣшней острой формѣ, хотя Тургеневъ вовсе не былъ антисемитомъ, но изъ сочиненій его и писемъ не видно, чтобы онъ сколько-нибудь подслуживался Евреямъ. А это и теперь, и тогда считалось плохимъ признакомъ. И теперь, и тогда еврейскій элементъ въ печати усиливалъ ея радикализмъ, дѣлалъ гвалтъ. Несмотря однако на всѣ страхи, великій писатель нашъ, какъ рыцарь въ Иванову ночь, среди чудищъ и пугалъ, шелъ безтрепетно къ тому волшебному цвѣтку, что называется *правдой*. Если бы гению не было свойственно мужество, мы не имѣли бы многихъ важныхъ тайнъ русской жизни, открытыхъ Тургеневымъ. Присутствіе его безстрашія ободряло менѣе сильныхъ. Весьма возможно, что только дружный отпоръ нигилизму со стороны Тургенева, Достоевскаго, Гончарова и Писемскаго съ ихъ школой — задержалъ анархію у насъ на нѣсколько десятилѣтій. «Постепеновецъ» въ англійскомъ смыслѣ этого слова, Тургеневъ былъ конечно врагъ реакціи, но такимъ же рѣшительнымъ врагомъ онъ былъ и того уродливаго, упадочнаго леже-прогресса, который, будучи безсиленъ что-нибудь создать, хотѣлъ бы все разрушить.

Еще одна прекрасная черта величайшаго изъ нашихъ романистовъ — скромность. Онъ очень дорожилъ славой, но не искалъ ея. Никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ для распространения своихъ сочиненій онъ не принималъ — за всю жизнь удовольствовался всего тремя изданіями и литературныя права свои продалъ Глазунову за грошъ. Никакой рекламы, никакихъ переодѣваній въ рабочія блузы, какъ дѣлаютъ нынѣшнія знаменитости, въ родѣ гг. Горькаго и Андреева, ни манифестовъ, ни интервью, ни фотографій на каждомъ углу, ни еврейскаго сочувственнаго галдежа. Все это въ литературу нашу вошло въ моду уже потомъ. Какъ писатель и человекъ, Тургеневъ до конца остался строго выдержаннаго хорошаго стиля: подобно Лиру, въ литературѣ это былъ «король съ головы до ногъ».

М. Меньшиковъ.

Н. В. 28^я А. 6. 1908

Определение Святейшаго Синода отъ 20 августа с. г. за № 5492, по вопросу о готовящемся чествовании дня рождения графа Льва Николаевича Толстого.

По указу Его Императорскаго Величества, Святейшій Правительствующій Синодъ *слушамъ*: представленный при рапортѣ преосвященнаго митрополита кievскаго отъ 27 минувшаго іюля за № 3719 журналъ общаго собранія четвертаго Мисіонерскаго всероссійскаго въ гор. Кіевѣ съѣзда отъ 25 того же іюля за № 10, съ заключеніемъ по вопросу о готовящемся чествовании дня рождения графа Льва Николаевича Толстого.

Приказамъ Въ виду готовящагося чествования исполняющагося 80-лѣтія со дня рождения русскаго писателя графа Льва Николаевича Толстого, по определенію Святейшаго Синода отъ 20—22 февраля 1901 г.

признаннаго отпадшимъ отъ святой православной церкви, Святейшій Синодъ *опредѣляетъ*: 1) обратиться къ чадамъ православной церкви съ разъясненіемъ, при семъ прилагаемымъ, каковое и напечатать въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» во всеобщее извѣстіе, и 2) благословить епархіальныхъ преосвященныхъ озаботиться распространеніемъ въ народѣ существующихъ уже или составляемыхъ впредь изданій, въ которыхъ указывается неправильность ученія графа Толстого и опровергается оное, а самый выборъ этихъ изданій предоставить мѣстнымъ религіозно-просвѣтительнымъ обществамъ, братствамъ, кружкамъ и т. п., съ одобренія преосвященныхъ, о чемъ для зависящихъ распоряженій и опубликовать въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ».

Отъ Святейшаго Синода по поводу предполагаемаго чествованія графа Л. Н. Толстого.

28 сего августа исполняется 80 лѣтъ со дня рождения русскаго писателя, графа Льва Николаевича Толстого, и во многихъ мѣстностяхъ Россіи готовится его чествованіе.

Значеніе всякаго чествованія заключается въ выраженіи сочувствія событію, если оно является предметомъ этого чествованія, или дѣятельности извѣстнаго лица, если оно оказывается причиною празднованія. Въ данномъ случаѣ празднованіе относится къ графу Толстому, является выраженіемъ сочувствія, одобренія его дѣятельности.

Но какова его дѣятельность?

Происходя изъ древняго русскаго рода, обеспеченный средствами къ жизни, снабженный отъ природы отличными умственными дарованіями и крѣпкими физическими силами, онъ получилъ отъ своего Промыслителя все, что принято считать данными для того, чтобы признать человека счастливымъ и чтобы требовать отъ него многого, потому что ему многое дано. Посмотримъ же, какъ выполнилъ онъ въ своей жизни это многое?

Въ началѣ, по окончаніи своего образованія, онъ вступилъ на военную службу въ ряды защитниковъ Севастополя, выполнивъ такимъ образомъ и съ своей стороны доблестную задачу многихъ представителей нашего высшаго класса, всегда, въ годины испытаній нашей родины, — была ли то, война, или время внутреннихъ нестроений, — выступавшихъ въ ряды охранителей ея и коренныхъ устоевъ русской жизни: православія, самодержавія и русской народности. Затѣмъ онъ занялся литературою и подарилъ русское общество многими замѣчательными произведеніями, показавшими въ авторѣ выдающуюся глубину мысли, рѣдкую наблюдательность жизненныхъ явленій и вѣрную оцѣнку ихъ и заслужившими право на признаніе его однимъ изъ великихъ писателей не только русской, но и всемірной литературы.

Такъ было до конца 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда подъ вліяніемъ гордыни духа, уже достигнувъ болѣе чѣмъ зрѣлаго возраста, графъ Толстой рѣзко измѣнилъ свою литературную дѣятельность и, покинувъ изслѣдованіе и обнаруженіе явленій прошлой и текущей общественной жизни, приступилъ къ руководству русскаго общества, къ учительству его не только въ духовной его жизни, но и въ устройствѣ его социальнаго быта, возмнивъ себя призваннымъ къ передѣлкѣ той и другого.

Но такъ какъ для выполненія поставленной имъ для себя задачи у него не было главнаго основанія — твердой и живой вѣры въ Христово ученіе и въ непоколебимость истинъ святаго Евангелія, то его стремленіе принесло горькіе плоды, и въ области религіозно-нравственныхъ понятій выразилось въ отверженіи Божественности Иисуса Христа, въ кощунственномъ изуродованіи Его Евангелія, въ хулѣ на Пресвятую Дѣву, въ отрицаніи силы и значенія Святыхъ таинствъ, въ насмѣшкахъ надъ богослуженіемъ, надъ обрядами и правилами святой православной Церкви, проявленныхъ во многихъ его сочиненіяхъ богословскаго, философскаго и белетристическаго характера, а допустивъ все это, т. е. разрушивъ то, что составляетъ единственную основу истинно-разумной и нравственной, частной и общественной жизни, онъ, естественно, перешелъ и къ отрицанію условій этой жизни, предлагая установленіе ея на новыхъ, имѣющихъ мало общаго съ христіанскою жизнью, началахъ и для сего приглашая упразднить власти, платѣжъ повинностей, вѣншную охрану, собственность, преслѣдованіе преступленій и т. п.

Такое измѣненіе въ дѣятельности графа Толстого привлекало на себя вниманіе архипастырей и пастырей, которые, съ великимъ прискорбіемъ усмотрѣвъ уклоненіе его отъ спасительныхъ истинъ православной вѣры, предпринимали цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ его вразумленію и исправленію, но безуспѣшно. Посему, и имѣя въ виду обнаруживаемыя графомъ Толстымъ все болѣе и болѣе рѣзкія нападки на дорогія для русскаго народа вѣрованія, а также опасаясь, чтобы дальнѣйшее оставленіе его безъ карательнаго воздѣйствія Церкви не породило соблазна среди православной паствы, Святейшій Синодъ въ 1901 г. призналъ его отпадшимъ отъ Церкви и стоищимъ внѣ спасительной ея ограды, наравнѣ съ язычниками. И такого-то человека желаютъ чествовать въ православномъ государствѣ, въ обществѣ, считающемъ себя принадлежащимъ къ исповѣдникамъ того самаго православнаго ученія, которое чествуемое лицо отвергаетъ, и членамъ той самой Церкви, отъ которой это лицо отпало.

Но въдъ чествованіе, какъ сказано выше, есть выраженіе сочувствія дѣятельности чествуемаго лица, а можно ли православному христіанину принимать участіе въ чествованіи графа Толстого?

Графъ Толстой въ своихъ сочиненіяхъ проявилъ себя упорнымъ противникомъ православной вѣры, обнаружилъ сознательное пренебреженіе къ Церкви, а потому и всѣ гъ, кои сочувствуютъ его дѣятельности, выражая это сочувствіе участіемъ въ празднованіи его юбилея, вмѣстѣ съ тѣмъ причисляютъ себя къ его единомышленникамъ, дѣлаются соучастниками его дѣятельности и привлекаютъ на свою главу общую съ нимъ, тяжкую предъ Богомъ отвѣтственность. Кромѣ того, участіемъ въ чествованіи

его они оскорбляютъ Церковь, не смотря на ея всегдашнія заботы о нихъ, какъ о своихъ чадахъ. Сверхъ того слѣдуетъ принять во вниманіе, что такое участіе въ чествованіи лица, отрекшагося отъ Христа и отпаднаго отъ Церкви, можетъ произвести большой соблазнъ, отъ котораго предостерегалъ Спаситель въ бесѣдѣ съ учениками (Матѣ. XVIII, 7, 9), а самого чествуемаго можетъ укрѣпить въ сознаніи правильности его дѣйствованія и тѣмъ отдалить или даже совсѣмъ устранить возможность его обращенія отъ нечестиваго пути, а слѣдовательно и надежду на прощеніе его тяжкаго грѣха и на вѣчное спасеніе.

Поэтому Святейшій Синодъ, въ заботахъ о благѣ Церкви и спасеніи ея чадъ, призываетъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Церкви воздержаться отъ участія въ чествованіи графа Льва Николаевича Толстого и тѣмъ избавить себя отъ суда Божія, помня, что Богъ поругаемъ не бываетъ.

Nov. Brunn. 28th Nov. 1908

Непостижимое внимательство.

Случилось совершенно невѣроятная вещь. Въ то время какъ вся Россія, въ самыхъ отдаленныхъ ея углахъ, перелистывая тотъ или иной томъ Толстого, мысленно обращается въ Ясную Поляну и говоритъ душою самая дорогія свои слова, самыя теплыя великому писателю, украсившему на полвѣка свою страну и народъ,—въ это время съ Сенатской площади Петербурга раздался голосъ, изрекающій по образу испанской инквизиціи—«veto».

Духовное вѣдомство, въ обычныхъ канцелярскихъ формахъ своего дѣлопроизводства, выпустило бумагу, призывающую «православныхъ чадъ церкви» воздержаться отъ чествованія графа Л. Н. Толстого и тѣмъ избавить себя отъ суда Божія, помня, что «Богъ поругаемъ не бываетъ»... Все это—за номеромъ канцелярской бумаги, по духу и формѣ не отличающейся нисколько и отъ другихъ синодальныхъ и отъ всѣхъ обычныхъ консисторскихъ бумагъ о бракорасторженіи и т. п. многоцѣнныхъ сюжетахъ... Тоже самое «слушали» и «приказали» и «опредѣлили»... Боимся, что и при свѣтопреставленіи вѣдомство православнаго исповѣданія все будетъ составлять такія же бумаги со «слушали» и «опредѣлили». Но душа каждаго православнаго увѣрена, что судъ Божій никакъ не будетъ руководиться въ своихъ рѣшеніяхъ этими бумагами за номерами, но сохранить нѣкоторую самостоятельность и независимость отъ этихъ синодскихъ постановленій. Потому что судъ Божій, котораго и мы ожидаемъ въ концѣ міра и исторіи, и не появился бы, и не

для чего ему было бы появляться, если бы духовная коллегія уже все и о всѣхъ, о праведномъ и неправедномъ, рѣшила безошибочно въ своихъ «опредѣленіяхъ» и въ своихъ «приказахъ»...

Возвращаясь къ Толстому, мы должны замѣтить, что можно нисколько не раздѣлять его богословскихъ мнѣній, ни въ цѣломъ, ни въ части, но мы должны сказать и напомнить читателямъ, что чествуется не «богословская дѣятельность» Толстого, какъ выражается неточно синодальная бумага, а личность великаго человѣка, съ преимущественнымъ вниманіемъ къ его великимъ художественнымъ созданіямъ. И на это чествованіе, нисколько не оскорбляя своей вѣры, вполне имѣетъ право русскій православный народъ, и въ образованномъ слоѣ, и въ простомъ населеніи. Не дать этой чести, не принять въ этомъ чествованіи участія было бы неблагодарно и неблагородно со стороны общества и населенія, и оно въ правѣ имѣть объ этомъ свое самостоятельное мнѣніе. Мнѣніе это не нуждается ни въ указаніяхъ, ни въ поправкахъ со стороны, потому что оно совершенно право. Этакъ пришлось бы въ Россіи воздерживаться отъ похвалъ Пастеру на томъ основаніи, что онъ былъ католикъ, и отъ похвалъ Гумбольдту на томъ основаніи, что онъ былъ лютеранинъ. Въ духовномъ вѣдомствѣ вѣроятно мало читались художественныя творенія Толстого, и оно придало значеніе только прочитаннымъ тамъ богословскимъ его трактатамъ, которые въ глазахъ общества никогда не имѣли особеннаго значенія. При литературныхъ чествованіяхъ, къ каковому относится и юбилей Толстого, принимаются во

вниманіе исключительно литературныя труды, и никто въ это время не разсуждаетъ о вѣрѣ, о религіи или о церкви. Это—явленія другого порядка и стоять совершенно въ сторонѣ. Смѣшивать ихъ нельзя. Религія нисколько не оскорбляется воздаяніемъ удивленія и восхищенія къ художественнымъ созданіямъ.

Мы увѣрены, что всѣ русскіе, оставаясь православными и горячо православными, могутъ всею душою отдать великому празднику русской литературы въ день чествованія одного изъ величайшихъ нашихъ писателей.

Н. В. 23-го. 1908

ГОРОДСКІЯ ДѢЛА.

Сегодня городской голова снялъ съ обсуждения городской управы вопросъ о деталяхъ чествованія предстоящаго 28 августа 80-лѣтняго юбилея гр. Л. Н. Толстого. Дѣло въ томъ, что нѣсколько времени назадъ московской городской думой былъ сдѣланъ цѣлый рядъ постановленій относительно формъ чествованія юбилея великаго писателя, причемъ разработка деталей и организація всего дѣла были возложены на управу. Чествованіе предполагалось устроить въ городскихъ школахъ и въ народномъ домѣ; предполагалось также открыть читальню имени гр. Толстого, хотя денегъ на это дѣло пока не асигновано. Постановленія думы въ свое время не были опротестованы и вошли въ законную силу. Вчера же городской голова получилъ отъ администраціи официальное распоряженіе, въ силу котораго онъ и снялъ съ обсуждения управы вопросъ о деталяхъ чествованія. Въ предложеніи, сдѣланномъ администраціей городскому головѣ, указывается, что вопросъ о подробностяхъ чествованія юбилея гр. Толстого не долженъ впредь обсуждаться ни въ управѣ, ни въ городской думѣ и что въ городскихъ школахъ въ день юбилея, 28 августа, не должны допускаться никакія собранія, а слѣдуетъ вести обычныя школьныя занятія съ учащимися, не прерывая ихъ ни для какихъ чтеній, относящихся къ юбилею гр. Толстого. Предложеніе это сдѣлано въ порядкѣ чрезвычайной охраны. Городская управа запросила своего юриста

консульта по поводу того, можетъ ли администрація снимать съ обсуждения управы извѣстные вопросы. Юристъ разъяснилъ это сомнѣніе въ утвердительномъ смыслѣ, такъ какъ управа—учрежденіе общественное, а въ порядкѣ чрезвычайной охраны администрація можетъ изымать извѣстные вопросы изъ обсуждения. Тѣмъ не менѣе городской голова намѣренъ довести до свѣдѣнія думы объ этомъ административномъ распоряженіи, которое приостанавливаетъ вошедшее въ законную силу постановленіе городской думы о чествованіи гр. Толстого. Для управы весьма важно въ данномъ случаѣ выяснить городской думѣ, что постановленіе ея не было исполнено не по винѣ управы, а по обстоятельствамъ, отъ нея не зависящимъ.

Н. В. 23-го. 1908

Святѣйшимъ синодомъ опубликовано положеніе по поводу чествованія юбилея гр. Л. Н. Толстого.

Въ сообщеніяхъ изъ Москвы помѣщены свѣдѣнія о состояніи здоровья Л. Н. Толстого.

Московская администрація официально сообщила, что чествованіе юбилея Л. Н. Толстого не будетъ допущено. О такихъ же распоряженіяхъ администраціи сообщаютъ изъ провинціи.

Саратовская городская дума постановила ходатайствовать объ удаленіи протоіерея Кречетовича изъ состава думы за оскорбительныя выраженія, допущенныя имъ при обсужденіи вопроса о юбилеѣ Л. Н. Толстого.

Речь 23^я №. 1908

Святѣйшій синодъ исполнилъ желаніе кievскаго миссіонерскаго съѣзда и издалъ воззваніе, въ которомъ предостерегаетъ всѣхъ православныхъ отъ участія въ чествованіи великаго писателя земли русской. Этотъ актъ, содержаніе котораго само по себѣ такъ ярко, что не требуетъ никакого толкованія, сегодня станетъ извѣстнымъ всему міру и во всемъ культурномъ человѣчествѣ вызоветъ ту единодушную оцѣнку, которая глубокой болью отразится въ сердцахъ всѣхъ, кому сколько-нибудь дороги слава и достоинство нашей родины.

Речь 23^я №. 1908

Власти и юбилей Л. Н. Толстого.

Варшавскія власти не разрѣшили группѣ русскихъ прогрессивныхъ мѣстныхъ жителей устройство собраній, имѣющихъ своею цѣлью организовать юбилейное чествованіе Л. Н. Толстого.

Речь 23^я №. 1908

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Репрессіи противъ юбилея Толстого продолжаютъ. Стараются во всю и цѣнзурное вѣдомство. Предполагавшійся къ постановкѣ на сценѣ Малаго театра въ юбилейный вечеръ Апоевскъ Толстому, написанный В. Буренинымъ въ сотрудничествѣ съ другимъ литераторомъ, не разрѣшенъ драматической цензурой. Запрещена также и живая картина „Толстой пашетъ“. Отъ дирекціи театра потребованы эскизы живыхъ картинъ изъ произведеній Толстого.

Речь 23^я №. 1908

Агитація союзниковъ противъ Л. Н. Толстого.

Изъ Кіева.

До предполагаемаго чествованія Л. Н. Толстого осталось меньше недѣли, а кievскія общественныя организаціи, въ свое время выработавшія программы празднованія юбилея великаго писателя, намѣтившія рядъ чтеній и лекцій, посвященныхъ его 80-лѣтнему юбилею, — до сихъ поръ находятся въ полномъ недоумѣніи относительно не только характера этого праздника, но видѣ и предположеній мѣстныхъ административныхъ сферъ и ихъ отношенія къ этому чествованію. Постановленія о достойномъ чествованіи Толстого были вынесены всѣми просвѣтительно-культурными учрежденіями Кіева: отдѣленіемъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, обществомъ распространенія образованія въ народѣ, украинскимъ обществомъ „Просвѣта“ и обществомъ содѣйствія начальному образованію. На выработанному плану празднованія юбилея Толстого, для организаціи чествованія должна была быть образована смѣшанная комиссія изъ представителей всѣхъ перечисленныхъ обществъ. На комиссію эту была возложена какъ выработка одной общей программы чествованія и устройства юбилейныхъ народныхъ чтеній, такъ и согласованіе своихъ программъ съ намѣченными мѣстными опернымъ и драматическимъ театрами программами чествованія юбилея Толстого.

До сихъ поръ, однако, комиссія эта бездѣйствуетъ, благодаря съ одной стороны неопредѣленности самого вопроса о чествованіи Толстого, а съ другой — вслѣдствіе сильнѣйшей агитаціи, предпринятой кievскими союзниками противъ Толстого. Агитація, начатая на столбцахъ „Кіевлянина“ досточуждыми Юзефовичемъ и Савенко, нашла сочувственный откликъ въ мѣстныхъ учебныхъ сферахъ, категорически запретившихъ учебнымъ заведеніямъ участіе въ чествованіи Толстого. Изъ различныхъ мѣстъ края получаютъ сообщенія о полученныхъ циркулярахъ, предписывающихъ въ день восьмидесятилѣтія великаго писателя производить занятія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ отнюдь не должно быть допущено никакихъ чтеній, посвященныхъ Толстому.

Въ то же время изъ многихъ мѣстъ сообщаютъ о готовящихся въ день юбилея анти-толстовскихъ демонстраціяхъ союзниковъ, разсчитывающихъ въ этотъ день посвятить собранія и собесѣдованія „выжившему изъ ума старцу“. Въ самомъ Кіевѣ въ настоящее время собираются подписи подъ выработанною Юзефовичемъ петиціею, въ которой выражается возмущеніе по поводу помѣщенія кievскими прогрессивными газетами статьи Толстого: „Не могу молчать“ и требованіе, чтобы редакторы этихъ газетъ понесли должное наказаніе. По поводу принятаго нѣкоторыми просвѣтительными учрежденіями рѣшенія послать геніальному юбиляру привѣтственную коллективную телеграмму союзниками выработана петиція, въ которой указывается на преступную дѣятельность этихъ учреждений, распространяющихъ среди мирнаго русскаго населенія революціонный ядъ, указывается на преступную бездѣятельность администраціи, допускающей въ репертуарахъ мѣстныхъ театровъ спектакли, посвященные Толстому.

Союзники, какъ видите, принялись за работу дружно.

Речь 23^я №. 1908

Свят. Синодъ о Л. Н. Толстомъ.

Опубликовано слѣдующее опредѣленіе святѣйшаго синода отъ 20-го августа, за № 5492, по вопросу о готовящемся чествованіи дня рожденія графа Льва Николаевича Толстого:

«По указу Его Императорскаго Величества, святѣйшій правительствующій синодъ слушали: представленный при рапортѣ преосвященнаго митрополита кievскаго, отъ 27-го минувшаго іюля за № 3719, журналъ общаго собранія 4 мисіонерскаго всероссійскаго въ гор. Кіевѣ, съѣзда отъ 25 того же іюля за № 10, съ заключеніемъ по вопросу о готовящемся чествованіи дня рожденія графа Льва Николаевича Толстого. Приказали: въ виду готовящагося чествованія исполняющагося 80-лѣтія со дня рожденія русскаго писателя графа Льва Николаевича Толстого, по опредѣленію св. синода отъ 20—22-го февраля 1901 года признаннаго отпадшимъ отъ святой православной церкви, синодъ опредѣляетъ: 1) обратиться къ чадамъ православной церкви съ разъясненіемъ, каковое и напечатать въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» во всеобщее извѣстіе и 2) благословить епархіальныхъ преосвященныхъ озаботиться распространеніемъ въ народѣ существующихъ уже или составляемыхъ впредъ изданій, въ коихъ указывается неправильность ученія графа Толстого и опровергается оное, а самый выборъ этихъ изданій предоставить мѣстнымъ религіозно-просвѣтительнымъ обществамъ, братствамъ, кружкамъ и т. п. съ одобренія преосвященныхъ: о чемъ для зависящихъ распоряженій и опубликовать въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ».

«Отъ св. синода по поводу предполагаемаго чествованія графа Л. Н. Толстого.

28 сего августа исполняется 80 лѣтъ со дня рожденія русскаго писателя, графа Льва Николаевича Толстого, и во многихъ мѣстностяхъ Россіи готовится его чествованіе.

Значеніе всякаго чествованія заключается въ выраженіи сочувствія событію, если оно является предметомъ этого чествованія, или дѣятельности извѣстнаго лица, если оно оказывается причиною празднованія. Въ данномъ случаѣ празднованіе относится къ графу Толстому, является выраженіемъ сочувствія, одобренія его дѣятельности.

Но какова его дѣятельность?

Происходя изъ древняго русскаго рода, обеспеченный средствами къ жизни, снабженный отъ природы отличными умственными дарованіями и крѣпкими физическими силами, онъ получилъ отъ своего Премыслителя все, что принято считать данными для того, чтобы признать человека счастливымъ и чтобы требовать отъ него многого, потому что ему многое дано. Посмотримъ же, какъ выполнялъ онъ въ своей жизни это многое?

Вначалѣ, по окончаніи своего образованія, онъ вступилъ на военную службу въ ряды защитниковъ Севастополя, выполнивъ, такимъ образомъ, и съ своей стороны доблестную задачу многихъ представителей нашего высшаго класса, всегда, въ години испытаній нашей родины,—была ли то война, или время внутреннихъ нестроений,—выступавшихъ въ ряды охранителей ея и коренныхъ устоевъ русской жизни: православія, самодержавія и русской народности. Затѣмъ, онъ занялся литературою и подарилъ русское общество многими замѣчательными про-

изведеніями, показавшими въ авторѣ выдающуюся глубину мысли, рѣдкую наблюдательность жизненныхъ явленій и вѣрную оцѣнку ихъ и заслужившими право на признаніе его однимъ изъ великихъ писателей не только русской, но и всемірной литературы.

Такъ было до конца 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда подъ влияніемъ гордыни духа, уже достигнувъ болѣе чѣмъ зрѣлаго возраста, графъ Толстой рѣзко измѣнилъ свою литературную дѣятельность и, покинувъ изслѣдованіе и обнаруженіе явленій прошлой и текущей общественной жизни, приступилъ къ руководству русскаго общества, къ учительству его не только въ духовной его жизни, но и въ устройствѣ его социальнаго быта, возмнивъ себя призваннымъ къ перedelкѣ той и другого.

Но такъ какъ для выполненія поставленной имъ для себя задачи у него не было глав-

наго основанія—твердой и живой вѣры въ Христово ученіе и въ непоколебимость истинъ святаго Евангелія, то его стремленіе принесло горькіе плоды и въ области религіозно-нравственныхъ понятій выразилось въ отверженіи божественности Іисуса Христа, въ кощунственномъ изуродованіи Его Евангелія, въ хулѣ на Пресвятую Дѣву, въ отрицаніи силы и значенія Святыхъ Таинствъ, въ насмѣшкахъ надъ богослуженіемъ, надъ обрядами и правилами святой православной церкви, проявленныхъ во многихъ его сочиненіяхъ богословскаго, философскаго и беллетристическаго характера, а допустивъ все это, т. е. разрушивъ то, что составляетъ единственную основу истинно-разумной и нравственной, частной и общественной жизни, онъ, естественно, перешелъ и къ отрицанію условій этой жизни, предлагая установленіе ея на новыхъ, имѣющихъ мало общаго съ христіанскою жизнью, началахъ и для сего приглашая упразднить власти, платежъ повинностей, вѣшнюю охрану, собственность, преслѣдованіе преступленій и т. п.

Такое измѣненіе въ дѣятельности графа Толстого привлекало на себя вниманіе архипастырей и пастырей, которые съ великимъ прискорбіемъ, усмотрѣвъ уклоненіе его отъ спасительныхъ истинъ православной вѣры, предпринимали цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ его вразумленію и исправленію, но безуспѣшно. Посему, и имѣя въ виду обнаруживаемыя графомъ Толстымъ все болѣе и болѣе рѣзкія нападки на дорогія для русскаго народа вѣрованія, а также опасаясь, чтобы дальнѣйшее оставленіе его безъ карательнаго воздѣйствія церкви не породило соблазна среди православной паствы, св. синодъ въ 1901 г. призналъ его отпавшимъ отъ церкви и стоящимъ внѣ спасительной ея ограды, паравъ съ язычниками. И такого-то человека желаютъ чествовать въ православномъ государствѣ, въ обществѣ, считающемъ себя принадлежащимъ къ исповѣдникамъ того самаго православнаго ученія, которое чествуемое лицо отвергаетъ, и членамъ той самой церкви, отъ которой это лицо отпало!

Но вѣдь чествованіе, какъ сказано выше, есть выраженіе сочувствія дѣятельности чествуемаго лица, а можно ли православному христіанину принимать участіе въ чествованіи графа Толстого?

Графъ Толстой въ своихъ сочиненіяхъ проявилъ себя упорнымъ противникомъ православной вѣры, обнаружилъ сознательное пренебреженіе къ церкви, а потому и всѣ тѣ, кои сочувствуютъ его дѣятельности, выражая это сочувствіе участіемъ въ празднованіи его юбилея, вмѣстѣ съ тѣмъ причисляютъ себя къ его единомышленникамъ, дѣлаются соучастниками его дѣятельности и привлекаютъ на свою главу общую съ нимъ, тяжкую передъ Богомъ, отвѣтственность. Кромѣ того, участіемъ въ чествованіи его они оскорбляютъ церковь, несмотря на ея всегдашнія заботы: о нихъ, какъ о своихъ чадахъ. Сверхъ того, слѣдуетъ принять во вниманіе, что такое участіе въ чествованіи лица, отрекшагося отъ Христа и отпаднаго отъ церкви, можетъ произвести большой соблазнъ и среди какъ незрѣлыхъ возрастомъ, такъ и некрѣпкихъ вѣрою,—тотъ соблазнъ, отъ котораго предостерегалъ Спаситель въ бесѣдѣ съ учениками (Матѣ. XVIII, 7, 9), а самого чествуемаго можетъ укрѣпить въ сознаніи правильности его дѣйствованія и тѣмъ отдалить или даже совсѣмъ устранить возможность его обращенія отъ нечестиваго пути, а слѣдовательно и надежду на прощеніе его тяжкаго грѣха и на вѣчное спасеніе.

Поэтому св. синодъ, въ заботахъ о благѣ церкви и спасеніи ея чадъ, призываетъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ церкви воздержаться отъ участія въ чествованіи графа Льва Николаевича Толстого и тѣмъ избавить себя отъ суда Божія, помня, что Богъ поругаемъ не бываетъ».

Рр. 23² №. 1008

Къ юбилею Л. Н. Толстого.

Гр. С. А. Толстая разослала въ редакціи газетъ слѣдующее письмо:

„М. Г.

Чтобы не доставить лишняго безпокойства лицамъ, желавшимъ лично поздравить графа Льва Николаевича Толстого со днемъ его рожденія 28 августа, считаю долгомъ сообщить, что послѣдняя болѣзнь, осложнившаяся инфлюэнцой, отъ которой онъ и до сихъ поръ принужденъ оставаться въ постели, до такой степени изнурила его, что онъ лично никого рѣшительно, даже самыхъ близкихъ, къ сожалѣнію, принять никакъ не можетъ.

Графъ Софія Толстая.

Ясная Поляна.

20 августа 1908 года.

— На общемъ собраніи служащихъ фармацевтовъ Петербурга 21-го августа единогласно было принято предложеніе 28 августа привѣтствовать Л. Н. Толстого телеграммой отъ имени союза фармацевтовъ и общаго собранія.

— Издатель журнала „Минувшіе Годы“ Н. В. Мѣшковъ пожертвовалъ на учрежденіе въ Петербургѣ дома-музея имени Л. Н. Толстого 300 р.

— Московской городской управой получено официальное увѣдомленіе о распоряженіи мѣстной администраціи ни въ какомъ случаѣ не допускать чествованія 80-ти лѣтія со дня рожденія Л. Н. Толстого. Въ силу этого распоряженія вопросъ о чествованіи юбилея не долженъ быть допущенъ къ обсужденію въ городской думѣ.

— Московскимъ газетамъ сообщаютъ изъ многихъ городовъ симбирской, тамбовской и тульской губерніи о распоряженіи мѣстной администраціи не допускать 28 августа чествованія юбилея графа Л. Н. Толстого.

— Намъ пишутъ изъ Риги:

Рижское городское управленіе ничего не предпринимаетъ для ознаменованія юбилея Л. Н. Толстого. Какое дѣло членамъ мѣстнаго муниципалитета до того, что Толстой—гордость Россіи! Толстой не раздѣляетъ „ихъ“ взглядовъ, онъ не „ихъ“ человекъ, и этого достаточно, чтобы пропустить безъ вниманія день 28 августа, ничѣмъ не отвѣтивъ даже на поступившее въ рижскую управу предложеніе виленской и друг. городскихъ думъ отмѣтить какъ-либо знаменательный день... Не слышно, чтобы и общественныя организации Риги готовились къ юбилею. Есть у насъ и педагогическое и литературно-художественное общество, цѣлый рядъ литературно-музыкальных обществъ—нѣмецкихъ и латышскихъ,—однимъ словомъ, при желаніи и нѣкоторой активности была бы возможность не оказаться въ сторонѣ отъ общаго движенія.

Отъ прибалтійской печати многого ожидать нельзя. Вѣдь при малѣйшей попыткѣ выполнить пожеланія съѣзда представителей прессы ее не минуетъ ни дамокловъ мечъ цензуры, ни генералъ-губернаторское „на основаніи военнаго положенія“ и т. д.. Пока одинъ только эстонскій двухнедѣльникъ „Eesti Kadu“ отмѣтилъ толстовскій юбилей: въ послѣднемъ № названнаго журнала напечатана біографія юбиляра и приведены снимки съ нѣкоторыхъ картинъ, на которыхъ

изображенъ Толстой. („Толстой за работой“, „Это онъ!“ и друг.). Вотъ и все, что мѣстная печать удѣлила празднику русской прогрессивной мысли. Часто въ здѣшнемъ русскомъ обществѣ приходится слышать жалобы на упадокъ въ Ригѣ русской общественности. Это правда! Недостатокъ въ энергичныхъ интеллигентныхъ рабочихъ даетъ себя чувствовать, и, въ виду юбилея Толстого, это болѣе, чѣмъ когда-либо замѣтно...

— Изъ Саратова. «Русск. Сл.» телеграфируютъ, что въ засѣданіи городской думы обсуждался вопросъ объ отмѣнѣ губернаторомъ постановленія думы о чествованіи 80-ти лѣтняго юбилея графа Л. Н. Толстого. Городская дума вновь постановила просить инспектора городскихъ училищъ объ освобожденіи на этотъ день отъ занятій учащихся, въ случаѣ же отказа перенести чествованіе юбилея на 31 августа. Предложенная программа чествованія была одобрена всѣми присутствующими на засѣданіи гласными. Представитель же отъ духовенства Кречетовичъ заявилъ протестъ, назвавъ это постановленіе думы позорнымъ и печальнымъ недоразумѣніемъ. Заявленіе это вызвало громкое недовольство. Со всѣхъ концовъ зала раздались крики: «Удалить его!». Когда все нѣсколько успокоилось, городская дума, обсудивъ этотъ инцидентъ, постановила, въ виду оскорбленія Кречетовичемъ всего состава думы, просить губернатора удалить его изъ состава гласныхъ. На засѣданіи думы присутствовало 40 гласныхъ.

— Избранная гласными виленской городской думы особая комисія по вопросу о способѣ чествованія городомъ 80-ти лѣтія Л. Н. Толстого остановилась на мысли послать отъ лица городской думы гр. Толстому привѣтственный адресъ.

Рига 23-го Авг. 1908

МОСКВА.

(По телефону).

22 августа.

Состояние здоровья Л. Н. Толстого.

Только что вернувшийся из Ясной Поляны князь Д. Оболенский сообщает: 20 августа прибыл я в Ясную Поляну и застал в большой тревоге С. А. и М. Н. Толстую (сестра Л. Н., приехавшая в гости в Ясную Поляну).

Софья Андреевна страшно измучена непрерывным уходом за больным. Ухаживает она за ним одна, так как дочь ее Александра Львовна, помогавшая матери, в настоящее время больна инфлюэнцей. С. А.

неотлучно находится у кровати больного. Заходом болезни следит домашний врач Душань Петрович. В настоящее время болезнь не внушает опасений. Боль в ноге утихла, но слабость больного велика, так как желудок плохо варит. Л. Н. больше суток ничего не ел и не принимал. В животе появились боли. Аппетит очень плох. Из посторонних посетителей никого не принимает.

«Когда я прибыл в Ясную Поляну, — рассказывает кн. Оболенский, — Софья Андреевна сказала мне, что видеть Л. Н. совершенно невозможно. Он очень слаб и новые впечатления его волнуют. Узнав же о моем приезде, Л. Н. пожелал меня принять.

С некоторой боязнью входил я в спальню. Лев Николаевич лежал в кровати. Он с трудом говорил. Всякий разговор и движения его сильно утомляют. За 3 недели болезни он сильно исхудал. Голова же попрежнему свежа и он продолжает прочитывать получаемые в большом количестве письма со всех концов мира. Л. Н. часто требует секретаря и диктует ему то одну, то другую мысль. Больной жалуется на ослабление памяти. Заметив, что Л. Н. утомлен моим присутствием, я начал прощаться с ним с тяжелым чувством. «Когда и как мы увидимся вновь» — мелькнуло у меня в голове.

Инцидент Меншикова с Софьей Андреевной, надбавивший так много шума, доставил большое огорчение Л. Н. Весь этот инцидент был ему известен, так как от него ничего нельзя было скрыть. Он требует постоянно все газеты.

Софья Андреевна вновь заявила мне, что она никого не пустит 28 августа в Ясную Поляну, даже самых близких и родных. Между прочим С. А. обратилась ко мне с просьбой довести до сведения редакций всех газет и журналов, в которых 28 августа будут помещены статьи о Л. Н., прислать по экземпляру в исторический музей в комнату Л. Н. Толстого на имя Александра Ивановича Скальковского.

В Ясной Поляне я пробыл до позднего вечера. Самочувствие Л. Н. стало лучше, хотя к обеду он не выходил. С Чертковым я увиделся за обедом. Первое время разговор не клеился. Состояние у всех присутствовавших на обеде было удрученное. В беседе со мной о меншиковской выходке, Чертков заявил, что хотя он считает статью Меншикова живой, но принципиально ему не возражал и возражать не будет».

— Сегодня «Русскими Вѣдомостями» сообщается следующая бюллетень о состоянии здоровья Л. Н. Толстого: «18 и 19 августа жара и удушья не замечалось. Боль в ноге утихла. Воспаление венз значительно меньше. Застой в легких меньше. Опухоль ноги спадает. Температура 36,1—36,9. Пульс около 80 без перебоев. Аппетит плох. Боли в животе. В ночь на 19 большая слабость. Спать хорошо».

Вчера 23-го Авг. 1908

МОСКВА.

По телефону.

(От наших корреспондентов).

22 августа.

Здоровье Л. Н. Толстого.

«Русские Вѣдомости» сообщают следующую бюллетень о состоянии здоровья Л. Н. Толстого: 18 и 19 августа жара и удушья не замечалось. Боль в ноге утихла. Воспаление венз значительно меньше. Застой в легких меньше. Опухоль ноги спала. Температура 36,1—36,9. Пульс около 80, без перебоев. Аппетит плох. Боль в желудке не преобразуется. В ночь на 19 замечалась слабость.

Только что вернувшийся из Ясной Поляны князь Д. Оболенский сообщает в „Р. Сл.“, что Л. Н. Толстой очень слаб и новые впечатления его волнуют. Он с трудом говорит. Всякий разговор и движения его сильно утомляют. За 3 недели он сильно исхудал. Инцидент Меншикова с Софьей Андреевной доставил большое огорчение Л. Н. Запрещение чествования Л. Н. Толстого.

Городская управа официально уведомлена о недопущении в Москве чествования юбилея Л. Н. Толстого.

Московскими газетам сообщают из многих городов симбирской, тамбовской и тульской губерний о распоряжении местной администрации не допускать 28 августа чествования юбилея графа Л. Н. Толстого.

На родине Л. Н. Толстого.

ТУЛА. Экстренное заседание городской думы по поводу чествования Л. Н. Толстого управляющим губернией отложено в виду протеста крупны гласных.

Толстой и городовой.

Про Л. Н. Толстого рассказывают следующую анекдот:

Как известно, Л. Н. Толстой одевается всегда крайне просто. Однажды с ним был такой случай. По одной из московских улиц городовой тащил пьяного в участок так, как это обычно делают городовые. Толстой подошел к нему и спросил:

— Ты грамотный?

— Грамотный, — ответил городовой.

— Евангелие читал?

— Читал?

— Так ты должен знать, что оскорблять ближнего не следует.

Городовой, видя скромный костюм Л. Н., в свою очередь спросил:

— А ты грамотный?

— Грамотный.

— Инструкцию для городовых читал?

— Нет.

— Ну, так прежде почитай ее, а потом разговаривай!

Вчера 23-го Авг. 1908

МОСКВА.

(По телефону).

Состояніе здоровья Л. Н. Толстого.

Только что вернувшийся из Ясной Поляны князь Д. Оболенский сообщает: 20 августа прибылъ я в Ясную Поляну и застал в большой тревогѣ С. А. и М. Н. Толстую (сестра Л. Н., приѣхавшая в гости в Ясную Поляну).

Софья Андреевна страшно измучена непрерывнымъ уходомъ за больнымъ. Ухаживаетъ она за нимъ одна, такъ какъ дочь ея Александра Львовна, помогавшая матери, в настоящее время больна инфлуэнцей. С. А. неотлучно находится у кровати больного. За ходомъ болѣзни слѣдитъ домашній врачъ Душанъ Петровичъ. В настоящее время болѣзнь не внушаетъ опасеній. Боль в ногѣ утихла, но слабость больного велика, такъ какъ желудокъ плохо варитъ. Л. Н. болѣе сутокъ ничего не ѣлъ и не принималъ. В животѣ появились боли. Аппетитъ очень плохъ. Изъ постороннихъ посѣтителей никого не принимаетъ.

«Когда я прибылъ в Ясную Поляну, — рассказываетъ кн. Оболенскій, — Софья Андреевна сказала мнѣ, что видѣть Л. Н. совершенно невозможно. Онъ очень слабъ и новыя впечатлѣнія его волнуютъ. Узнавъ же о моемъ приѣздѣ, Л. Н. пожелалъ меня принять».

Съ нѣкоторой боязнью входилъ я в спальню. Левъ Николаевичъ лежалъ в кровати. Онъ съ трудомъ говорилъ. Всякій разговоръ и движеніе его сильно утомляютъ. За 3 недѣли болѣзни онъ сильно исхудалъ. Голова же попрежнему свѣжа и онъ продолжаетъ прочитывать получаемыя в большомъ количествѣ письма со всѣхъ концовъ міра. Л. Н. часто требуетъ секретаря и диктуетъ ему то одну, то другую мысль. Больной жалуется на ослабленіе памяти. Замѣтивъ, что Л. Н. утомленъ моимъ присутствіемъ, я началъ прощаться съ нимъ съ тяжелымъ чувствомъ. «Когда и какъ мы увидимся вновь» — мелькнуло у меня в головѣ.

Инцидентъ Меньшикова съ Софьей Андреевной, надѣлавшій такъ много шума, доставилъ большое огорченіе Л. Н. Ресъ этотъ инцидентъ былъ ему извѣстенъ, такъ какъ отъ него ничего нельзя было скрыть. Онъ требуетъ постоянно всѣ газеты».

Софья Андреевна вновь заявила мнѣ, что она никого не пуститъ 28 августа в Ясную Поляну, даже самыхъ близкихъ и родныхъ. Между прочимъ С. А. обратилась ко мнѣ съ просьбой довести до свѣдѣнія редакцій всѣхъ газетъ и журналовъ, в которыхъ 28 августа будутъ помѣщены статьи о Л. Н., прислать по экземпляру в историческій музей в комнату Л. Н. Толстого на имя Александра Ивановича Скальковского.

В Ясной Полянѣ я пробылъ до позднаго вечера. Самочувствіе Л. Н. стало лучше, хотя къ обѣду онъ не выходилъ. Съ Чертковымъ я увидѣлся за обѣдомъ. Первое время разговоръ не клеился. Состояніе у всѣхъ присутствующихъ на обѣдѣ было удрученное. В бесѣдѣ со мной о меньшековской выходкѣ, Чертковъ заявилъ, что хотя онъ считаетъ статью Меньшикова лживой, но принципиально ему не возражалъ и возражать не будетъ.

— Сегодня «Русскими Вѣдомостями» сообщается слѣдующій бюллетень о состояніи здоровья Л. Н. Толстого: «18 и 19 августа жара и удушья не замѣчалось. Боль в ногѣ утихла. Воспаленіе венъ значительно меньше. Застой в легкихъ меньше. Опухоль ноги спадаетъ. Температура 36,1—36,9. Пульсъ около 80 безъ перебоя. Аппетитъ плохъ. Боли в животѣ. В ночь на 19 большая слабость. Спать хорошо».

Собр. Слово 23-го. 1908

Къ юбилею Л. Н. Толстого.

Намъ пишутъ изъ Риги:

Рижское городское управленіе ничего не предпринимаетъ для ознаменованія юбилея Л. Н. Толстого. Какое дѣло членамъ мѣстнаго муниципалитета до того, что Толстой — гордость Россіи! Толстой не раздѣляетъ „ихъ“ взглядовъ, онъ не „ихъ“

человѣкъ, и этого достаточно, чтобы пропустить безъ вниманія день 28 августа, ничѣмъ не отвѣтивъ даже на поступившее в рижскую управу предложеніе виленской и друг. городскихъ думъ отмѣтить какъ-либо знаменательный день... Не слышно, чтобы и общественныя организаціи Риги готовились къ юбилею. Есть у насъ и педагогическое и литературно-художественное общество, цѣлый рядъ литературно-музыкальных обществъ — нѣмецкихъ и латышскихъ, — однимъ словомъ, при желаніи и нѣкоторой активности была бы возможность не оказаться въ сторонѣ отъ общаго движенія.

Отъ прибалтійской печати многого ожидать нельзя. Вѣдь при малѣйшей попыткѣ выполнить пожеланія съѣзда представителей прессы ее не минуетъ ни дамокловъ мечъ цензуры, ни генералъ-губернаторское „на основаніи военнаго положенія“ и т. д.. Пока одинъ только эстонскій двухнедѣльникъ „Eesti Kadu“ отмѣтилъ толстовскій юбилей: в послѣднемъ № названнаго журнала напечатана біографія юбиляра и приведены снимки съ нѣкоторыхъ картинъ, на которыхъ изображенъ Толстой. („Толстой за работой“, „Это онъ!“ и друг.). Вотъ и все, что мѣстная печать удѣлила празднику русской прогрессивной мысли. Часто въ здѣшнемъ русскомъ обществѣ приходится слышать жалобы на упадокъ в Ригѣ русской общественности. Это правда! Недостатокъ въ энергичныхъ интеллигентныхъ рабочихъ даетъ себя чувствовать, и, в виду юбилея Толстого, это болѣе, чѣмъ когда-либо замѣтно...

— Избранная гласными виленской городской думы особая комисія по вопросу о способѣ чествованія городомъ 80-ти-лѣтія Л. Н. Толстого остановилась на мысли послать отъ лица городской думы гр. Толстому привѣтственный адресъ.

— Издатель журнала „Минувшіе Годы“ Н. В. Мѣшковъ пожертвовалъ на учрежденіе в Петербургѣ дома-музея имени Л. Н. Толстого 300 р.

— На общемъ собраніи служащихъ фармацевтовъ Петербурга 21-го августа единогласно было принято предложеніе 28 августа привѣтствовать Л. Н. Толстого телеграммой отъ имени союза фармацевтовъ и общаго собранія.

Московской городской управой получено официальное увѣдомленіе о распоряженіи мѣстной администраціи ни в какомъ случаѣ не допускать чествованія 80-ти лѣтія со дня рожденія Л. Н. Толстого. В силу этого распоряженія вопросъ о чествованіи юбилея не долженъ быть допущенъ къ обсужденію в городской думѣ.

Собр. Слово 23-го. 1908

ПРОВІНЦІАЛЬНІЯ ВѢСТИ.

Агітація союзниковъ противъ Л. Н. Толстого.

Изъ Кіева.

До предполагаемаго чествованія Л. Н. Толстого осталось меньше недѣли, а кіевскія общественныя организаціи, въ свое время выработавшія программы празднованія юбилея великаго писателя, намѣтившія рядъ чтеній и лекцій, посвященныхъ его 80-лѣтнему юбилею, — до сихъ поръ находятся въ полномъ недоумѣніи относительно не только характера этого празднества, но видовъ и предположеній мѣстныхъ административныхъ сферъ и ихъ отношенія къ этому чествованію. Постановленія о достойномъ чествованіи Толстого были вынесены всѣми просвѣтительно-культурными учрежденіями Кіева: отдѣленіемъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, обществомъ распространенія образованія въ народѣ, украинскимъ обществомъ «Просвіта» и обществомъ содѣйствія начальному образованію. По выработанному плану празднованія юбилея Толстого, для организаціи чествованія должна была быть образована смѣшанная комисія изъ представителей всѣхъ перечисленныхъ обществъ. На комисію эту была возложена какъ выработка одной общей программы чествованія и устройства юбилейныхъ народныхъ чтеній, такъ и согласованіе своихъ программъ съ намѣченными мѣстными опернымъ и драматическимъ театрами программами чествованія юбилея Толстого.

До сихъ поръ, однако, комисія эта бездѣйствуетъ, благодаря съ одной стороны неопредѣленности самого вопроса о чествованіи Толстого, а съ другой — вслѣдствіе сильнѣйшей агитаціи, предпринятой кіевскими союзниками противъ Толстого. Агітація, начатая на столбцахъ «Кіевлянина» достоуважаемыми Юзефовичемъ и Савенко, нашла сочувственный откликъ въ мѣстныхъ учебныхъ сферахъ, категорически запретившихъ учебнымъ заведеніямъ участіе въ чествованіи Толстого. Изъ различныхъ мѣстъ края получаютъ сообщенія о полученныхъ циркулярахъ, предписывающихъ въ день восьмидесятилѣтія великаго писателя производить занятія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ отнюдь не должно быть допущено никакихъ чтеній, посвященныхъ Толстому.

Въ то же время изъ многихъ мѣстъ сообщаютъ о готовящихся въ день юбилея анти-толстовскихъ демонстраціяхъ союзниковъ, рассчитывающихъ въ этотъ день посвятить собранія и собесѣдованія «выжившему изъ ума сердцу». Въ самомъ Кіевѣ въ настоящее

время собираются подписи подъ выработанною Юзефовичемъ петиціею, въ которой выражается возмущеніе по поводу помѣщенія кіевскими прогрессивными газетами статьи Толстого: «Не могу молчать» и требованіе, чтобы редакторы этихъ газетъ понесли должное наказаніе. По поводу принятаго нѣкоторыми просвѣтительными учрежденіями рѣшенія послать геніальному юбиляру привѣтственную коллективную телеграмму союзниками выработана петиція, въ которой указывается на преступную дѣятельность этихъ учрежденій, распространяющихъ среди мирнаго русскаго населенія революціонный ядъ, указывается на преступную бездѣятельность администраціи, допускающей въ репертуарахъ мѣстныхъ театровъ спектакли, посвященные Толстому.

Союзники, какъ видите, принялись за работу дружно.

Собр. Сл. 23 Авг. 1908

Гр. С. А. Толстая разослала въ редакціи газетъ слѣдующее письмо:

„М. Г.

Чтобы не доставить лишняго беспокойства лицамъ, желавшимъ лично поздравить графа Льва Николаевича Толстого со днемъ его рожденія 28 августа, считаю долгомъ сообщить, что послѣдняя болѣзнь, осложнившаяся инфлюэнцей, отъ которой онъ и до сихъ поръ принужденъ оставаться въ постели, до такой степени изнурила его, что онъ лично никого рѣшительно, даже самыхъ близкихъ, къ сѣжалѣнію, принять никакъ не можетъ.

Графъ Софія Толстая”.

Ясная Поляна.
20 августа 1908 года.

Собр. Сл. 23 Авг. 1908

Власти и юбилей Л. Н. Толстого.

Варшавскія власти не разрѣшили группѣ русскихъ прогрессивныхъ мѣстныхъ жителей устройство собраній, имѣющихъ своею цѣлью организовать юбилейное чествованіе Л. Н. Толстого.

Собр. Сл. 23 Авг. 1908

Свят. Синодъ о Л. Н. Толстомъ.

Опубликовано слѣдующее опредѣленіе святѣйшаго синода отъ 20-го августа, за № 5492, по вопросу о готовящемся чествованіи дня рожденія графа Льва Николаевича Толстого:

«По указу Его Императорскаго Величества, святѣйшій правительствующій синодъ слушали: представленный при рапортѣ преосвященнаго митрополита кievскаго, отъ 27-го минувшаго іюля за № 3719, журналъ общаго собранія 4 мисіонерскаго всероссійскаго въ гор. Кіевѣ, съѣзда отъ 25 того же іюля за № 10, съ заключеніемъ по вопросу о готовящемся чествованіи дня рожденія графа Льва Николаевича Толстого. Приказали:

въ виду готовящагося чествованія исполняющагося 80-лѣтія со дня рожденія русскаго писателя графа Льва Николаевича Толстого, по опредѣленію св. синода отъ 20—22-го февраля 1901 года признаннаго отпадшимъ отъ святой православной церкви, синодъ опредѣляетъ: 1) обратиться къ чадамъ православной церкви съ разъясненіемъ, каковое и напечатать въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» во всеобщее извѣстіе и 2) благословить епархіальныхъ преосвященныхъ озаботиться распространеніемъ въ народѣ еуществующихъ уже или составляемыхъ впредъ изданій, въ коихъ указывается неправильность ученія графа Толстого и опровергается оное, а самый выборъ этихъ изданій предоставить мѣстнымъ религіозно-просвѣтительнымъ обществамъ, братствамъ, кружкамъ и т. п. съ одобренія преосвященныхъ: о чемъ для зависящихъ распоряженій и опубликовать въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ».

«Отъ св. синода по поводу предполагаемаго чествованія графа Л. Н. Толстого.

28 сего августа исполняется 80 лѣтъ со дня рожденія русскаго писателя, графа Льва Николаевича Толстого, и во многихъ мѣстностяхъ Россіи готовится его чествованіе.

Значеніе всякаго чествованія заключается въ выраженіи сочувствія событію, если оно является предметомъ этого чествованія, или дѣятельности извѣстнаго лица, если оно оказывается причиною празднованія. Въ данномъ случаѣ празднованіе относится къ графу Толстому, является выраженіемъ сочувствія, одобренія его дѣятельности.

Но какова его дѣятельность?

Происходя изъ древняго русскаго рода, обезпеченный средствами къ жизни, снабженный отъ природы отличными умственными дарованіями и крѣпкими физическими силами; онъ получилъ отъ своего Премыслителя все, что принято считать данными для того, чтобы признать человека счастливымъ и чтобы требовать отъ него многого, потому что ему многое дано. Посмотримъ же, какъ выполнилъ онъ въ своей жизни это многое?

Вначалѣ, по окончаніи своего образованія, онъ вступилъ на военную службу въ ряды защитниковъ Севастополя, выполнивъ, такимъ образомъ, и съ своей стороны доблестную задачу многихъ представителей нашего высшаго класса, всегда, въ годы испытаній нашей родины, — была ли то война, или время внутреннихъ нестроений, — выступавшихъ въ ряды охранителей ея и коренныхъ устоевъ русской жизни: православія, самодержавія и русской народности. Затѣмъ, онъ занялся литературою и подарилъ русское общество многими замѣчательными произведеніями, показавшими въ авторѣ выдающуюся глубину мысли, рѣдкую наблю-

дательность жизненныхъ явленій и вѣрную оцѣнку ихъ и заслужившими право на признаніе его однимъ изъ великихъ писателей не только русской, но и всемірной литературы.

Такъ было до конца 70-хъ годовъ преннаго столѣтія, когда подъ вліяніемъ гордыни духа, уже достигнувъ болѣе чѣмъ зрѣлаго возраста, графъ Толстой рѣзко измѣнилъ свою литературную дѣятельность и, покинувъ изслѣдованіе и обнаруженіе явленій прошлой и текущей общественной жизни, приступилъ къ руководству русскаго общества, къ учительству его не только въ духовной его жизни, но и въ устройствѣ его социальнаго быта, возмнивъ себя призваннымъ къ перемѣлѣ той и другого.

Но такъ какъ для выполненія поставленной имъ для себя задачи у него не было главнаго основанія — твердой и живой вѣры въ Христово ученіе и въ непоколебимость истинъ святаго Евангелія, то его стремленіе принесло горькіе плоды и въ области религіозно-нравственныхъ понятій выразилось въ отверженіи божественности Іисуса Христа, въ кощунственномъ изуродованіи Его Евангелія, въ хулѣ на Пресвятую Дѣву, въ отрицаніи силы и значенія Святыхъ Таинствъ, въ насмѣшкахъ надъ богослуженіемъ, надъ обрядами и правилами святой православной церкви, проявленныхъ во многихъ его сочиненіяхъ богословскаго, философскаго и беллетристическаго характера, а допустивъ все это, т. е. разрушивъ то, что составляетъ единственную основу истинно-разумной и нравственной, частной и общественной жизни, онъ, естественно, перешелъ и къ отрицанію условій этой жизни, предлагая установленіе ея на новыхъ, имѣющихъ мало общаго съ христіанскою жизнью, началахъ и для сего приглашая упразднить власти, платажъ повинностей, внѣшнюю охрану, собственность, преслѣдованіе преступленій и т. п.

Такое измѣненіе въ дѣятельности графа Толстого привлекало на себя вниманіе архипастырей и пастырей, которые съ великимъ прискорбіемъ, усмотрѣвъ уклоненіе его отъ спасительныхъ истинъ православной вѣры, предпринимали цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ его вразумленію и исправленію, но безуспѣшно. Посему, и имѣя въ виду обнаруживаемыя графомъ Толстымъ все болѣе и болѣе рѣзкія нападки на дорогія для русскаго народа вѣрованія, а также опасаясь, чтобы дальнѣйшее оставленіе его безъ карательнаго воздѣйствія церкви не породило соблазна среди православной паствы, св. синодъ въ 1901 г. призналъ его отпадшимъ отъ церкви и стоящимъ внѣ спасительной ея ограды, наравнѣ съ язычниками. И такого-то человека желаютъ чествовать въ православномъ государствѣ, въ обществѣ, считающемъ себя принадлежащимъ къ исповѣдникамъ того самаго православнаго ученія, которое чествуемое лицо отвергаетъ, и членамъ той самой церкви, отъ которой это лицо отпало!

Но вѣдь чествованіе, какъ сказано выше, есть выраженіе сочувствія дѣятельности чествуемаго лица, а можно ли православному христіанину принимать участіе въ чествованіи графа Толстого?

Графъ Толстой въ своихъ сочиненіяхъ проявилъ себя упорнымъ противникомъ православной вѣры, обнаружилъ сознательное пренебреженіе къ церкви, а потому и всѣ тѣ, кои сочувствуютъ его дѣятельности, выражая это сочувствіе участіемъ въ празднованіи его юбилея, вмѣстѣ съ тѣмъ причисляютъ себя къ его единомышленникамъ, дѣлаются соучастниками его дѣятельности и привлекаютъ на свою главу общую съ нимъ, тяжкую передъ Богомъ, отвѣтственность. Кромѣ того, участіемъ въ чествованіи его они оскорбляютъ церковь, несмотря на ея всегдѣшнія заботы: о нихъ, какъ о своихъ чадахъ. Сверхъ того, слѣдуетъ принять во вниманіе, что га-

кое участіе въ чествованіи лица, отрекшагося отъ Христа и отпаднаго отъ церкви, можетъ произвести большой соблазнъ и среди какъ незрѣлыхъ возрастомъ, такъ и некрѣпкихъ вѣрою,—тотъ соблазнъ, отъ котораго предостерегалъ Спаситель въ бесѣдѣ съ учениками (Матѣ. XVIII, 7, 9), а самого чествуемаго можетъ укрѣпить въ сознаніи правильности его дѣйствованія и тѣмъ отдалить или даже совсѣмъ устранить возможность его обращенія отъ нечестиваго пути, а слѣдовательно и надежду на прощеніе его тяжкаго грѣха и на вѣчное спасеніе.

Поэтому св. синодъ, въ заботахъ о благѣ церкви и спасеніи ея чадъ, призываетъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ церкви воздержаться отъ участія въ чествованіи графа Льва Николаевича Толстого и тѣмъ избавить себя отъ суда Божія, помня, что Богъ поругаемъ не бываетъ».

Соврем. слово 23-го. 1908

Телеграфныя извѣстія.

Саратовская городская дума постановила ходатайствовать объ удаленіи протоіерея Кречетовича изъ состава думы за оскорбительныя выраженія, допущенныя имъ при обсужденіи вопроса о юбилеѣ Л. Н. Толстого.

Вечеръ 23го Авг. 1908

ХРОНИКА.

— Св. синодъ въ засѣданіи по вопросу о чествованіи Толстого постановилъ обратиться къ чадамъ православной церкви съ призывомъ воздержаться отъ участія въ чествованіи и тѣмъ, какъ говорится въ воззваніи, „избавить себя отъ суда Божія“.

Вечеръ 23го Авг. 1908

За кулисами.

Предполагавшійся къ постановкѣ на сценѣ Малаго театра въ юбилейный вечеръ **Апофеозъ Толстому**, написанный В. Буренинымъ, не разрѣшенъ драматической цензурой. Запрещена также и живая картина „Толстой пашетъ“. Отъ дирекціи театра потребованы эскизы живыхъ картинъ изъ произведеній Толстого.

Вечеръ 23го Авг. 1908

Svēchtā sinoda īstfairojums Tolstoja jubilejas iauojumā.

Peterburgā, 22. augustā. Cemeļrojoī sagatawošchanos uī grafa Leva Tolstoja 80. dīzīnūma beemas fīwieschamū swēchtāis sinods nolēmīis, greeftees pee pareīstīgās bānīzās peeđerīgeem ar fahdu īstfairojumu, furā weenfahrt gan teef atfīhts, fa Tolstojs fawās literarijās darbības septīadesmīto gadu laīfmetā freewu fabeedribu apbalwojīs ar daudī cemeļrojameem fāzerejumeem, furās bīja nowehrojams fāzeretaja atfīstams domu dīfūms un reta dahwana preefsh dīfīwes parahdību nowehrojchanas un to pareīfās nowehrtēchanas un ar fo wīnsh cemantoja teeību, fa wīnu apfīhmeja par weenu no dīshafeem rafīneefēem neween freewu, bet ari pajaules rafīneezībā, bet ari otrfahrt aīrahdītis uī to, fa Tolstojs wehlaī jem pašleelības eēspaida fawā literarijā darbībā strauji pahrmānījees un uīdroīchinājees wadīt freewu fabeedribu un wīnās pamahzību neween wīnās garīgā dīfīwē, bet ari wīnās fozīalās dīfīwes fahrtībā. Ar fawu mahzību wīnsh wīju to īpostītīs, fās weenīgi atfīstams par pateefi fāprahīgās un tīfūmīgās prīwatās, fā ari atflahīas dīfīwes pamateem, proti zeefhu un dīfīwu īzību Kriīstus mahzībām. Tolstojs parahdījees par stūhrgaltwīgu pretīneefu pareīstī-

gībāi un pret bānīzu fārahdītīs tīhīhu īzēenību. Tāhda zīlwefa godīnāshana, fās no Kriīstus atfāzījees, no bānīzās atfītīs un 1904. gadā atfīhts par fahdu, fās uī weenas pafahpes fahw ar paganeem, warot fāzelt pee negatawajeem un fchaubīgeem tīfai peedaufību. Tāpehī sinods uīfāzīnot wījus pateefos bānīzās dehlus, atturetees no pcedalīshanas grafa Tolstoja gadīnāshana un tā nowehrtī Deewa sodu. Ar fawu fīwehību sinods cewehl eparchījn preefshneezībām gahdat par to, fa laudīs īplataī rafīti, furās aīrahdītīs uī Tolstoja mahzības nepareīfībām un weetējām religīfām un apgaīfībām bāhībām, beedribām un grupām pašām anwehl īfraudītī fchahdus rafīstus.

Latvian News Service Aug. 1908

ТЕЛЕГРАММЫ

отъ нашихъ корреспондентовъ.

Къ юбилею Л. Н. Толстого.

САРАТОВЪ, 23—VIII. Противъ празднованія юбилея Л. Н. Толстого возстали епископъ Гермогенъ и протоіерей Кречетовичъ. Гермогеномъ 24 августа въ кафедральномъ соборѣ будетъ прочтено обличительное слово противъ Л. Н. и будетъ послана депутація губернатору объ отмѣнѣ постановленія городской думы.

САМАРА, 23—VIII. Выяснилось, что одно лишь общество литераторовъ приметъ участіе въ чествованіи Л. Н. Толстого посылкой телеграммы въ Ясную Поляну. Въ остальныхъ обществахъ мертвая тишь.

Вечеръ 23го Авг. 1908

Изъ газетъ и журналовъ.

Не велѣтъ чествовать.

Постановленіе св. синода о запрещеніи чествовать Толстого вызвало въ „Нов. Вр.“ слѣдующія строки:

Случилась совершенно вѣроятная вещь. Въ то время какъ вся Россія, въ самыхъ отдаленныхъ ея углахъ, перелистывая тотъ или иной томъ Толстого, мысленно обращается въ Ясную Поляну и говоритъ душою самыми дорогія свои слова, самая теплая великому писателю, украсившему на полѣвка свою страну и народъ,—въ это время на Сенатской пло-

щади Петербурга раздался голосъ, изрекающій по образцу испанской инквизиціи—„veto“.

Духовное вѣдомство, въ обычныхъ канцелярскихъ формахъ своего дѣлопроизводства, выпустило бумагу, призывающую „православныхъ чадъ церкви“ воздержаться отъ чествованія графа Л. Н. Толстого и тѣмъ избавить себя отъ суда Божія, помня, что „Богъ поругаемъ не бываетъ“... Все это — за номеромъ канцелярской бумаги, по духу и формѣ не отличающейся нисколько и отъ другихъ синодальныхъ и отъ всѣхъ обычныхъ консисторскихъ бумагъ о бракорасторженіи и т. п. многоцѣльныхъ сюжетовъ... То же самое „слушали“ и „приказали“, и „опредѣлили“... Боимся, что и при свѣтопреставленіи вѣдомство православнаго вѣроисповѣданія все будетъ составлять такія же бумаги со „слушали“ и „опредѣлили“. Но душа каждаго православнаго увѣрена, что судъ Божій никакъ не будетъ руководиться въ своихъ рѣшеніяхъ этими бумагами за номерами, но сохранить нѣкоторую самостоятельность и независимость отъ этихъ синодскихъ постановленій. Потому что судъ Божій, котораго мы ожидаемъ въ концѣ міра и исторіи, и не появился бы, и не для чего ему было бы появляться, если бы духовная коллегія уже все и о всѣхъ, о праведномъ и неправедномъ, рѣшила безошибочно въ своихъ „опредѣленіяхъ“ и въ своихъ „приказахъ“...

„Нов. Время“ все-таки сомнѣвается въ томъ, принесетъ ли постановленіе св. синода желанныя плоды. Статья горячо кончается:

Мы увѣрены, что всѣ русскіе, оставаясь православными и горячо православными, могутъ всею душою отдать великому правдику русской литературы въ день чествованія одного изъ величайшихъ нашихъ писателей.

Вечеръ 23го Авг. 1908

День.

О чемъ думаетъ, когда ему не спится:
Носорогъ (изъ зоологическаго сада).
Хорошо встрѣтили, очень хорошо. Русскіе,
они умѣютъ цѣнить носороговъ.

Хорошихъ, настоящихъ носороговъ.

Газеты, тѣ за двѣ недѣли о моемъ при-
бытіи писали.

И такъ, и этакъ, словомъ, — русскіе жур-
налисты, какъ никто, носорога росписать су-
мѣютъ.

Во-всю свободой печати пользуются: о
нашемъ братѣ-носорогѣ что угодно напи-
шутъ.

Писатель подписываетъ, а читатель почи-
тываетъ, захлебываясь отъ восторга.

Но-о-со-рогъ.

Риска никакого. Самый, что ни на есть,
благонадежный сюжетъ.

Носорогъ... Носорога... Носорогу... О, Носо-
рогъ!

Большую можно здѣсь, по нынѣшнимъ
временамъ, карьеру сдѣлать.

Только бы преждевременно не издохнуть,
—дожить до юбилейнаго срока.

А ужъ тамъ я бы поглядѣлъ, гдѣ оста-
нется вашъ Толстой, Левъ Николаевичъ?

То-о-же... „юбиляры!“...

Тумпакѣвъ, Пѣтра Віонорычъ.
Оно, конечно, Толстой энта... ничаво... энта...
Графъ и все такое прочее.

Одно слово—„вашсіясъ“.

Такому гостю энта... завсегда, значить
самый лучший кабинетъ—мавританскій, и за-
куска—первый сортъ.

Потому, ёкъ, поди, тоже, небось въ гастро-
номіи толкъ ценимасть.

Ну, оносѣя того—въ „Буффъ“. Пожалте,
моль, вашсіясъ.

Какъ разъ энта... къ самому матчишу по-
спѣли.

Шу-у-валова, выручай! Полонскій, Лек-
сандра! Ходи на головѣ, а то лай по собачьи,
ежели ты всамдѣлишный режиссеръ.

Чтобы, значить, симметрия получилась и...
никакихъ.

Окромя того—вина лучшихъ погребовъ и
своей выписки: однимъ словомъ—ансамбль.

Кричать: Толстой, энта, Толстой... Такъ,
одна канитель.

А знаете ли вы, три дышла вамъ въ бокъ,
почемъ теперь за фунтъ семги платить при-
ходится?

А икра,—просто не подступись; шесть
цѣлковыхъ за фунтъ.

Ну, да мы для искусства и „красенькой“
не пожалѣемъ.

Уррра!

Метрадотель, проси гостей объ выходѣ.
Самъ видишь,—околоточный и тотъ заснулъ.

Интригантъ (гнѣдой жеребецъ ко-
нюшни Любомірскихъ). Пся крѣвъ! Ну и стра-
на: подковать какъ слѣдуетъ и то не умѣ-
ютъ.

Австрійскій Дерби выигралъ кентеромъ,
легко въ рукахъ,—а тутъ, неудобно ли—ни-
какимъ.

А впрочемъ, хорошо, что не забралъ въ
Россіи всѣхъ большихъ призовъ; Меньшиковъ
непремѣнно бы придрался.

Сталь бы копаться въ родославной и до-
казывать, что я не „Интригантъ“, а „Интри-
геровичъ“ или „Интриганзонъ“.

А я—слово генору!—чистѣйшій ляхъ.

И какой — народовецъ! Единогласно из-
бранъ всей нашей конюшней делегатомъ къ
Генриху Сенкевичу.

Поздравить по случаю дня рожденія.

Пшепрашамъ, пане... Надо же быть фор-
меннымъ осломъ, чтобы не признавать за-
слугъ автора „Бартека побѣдителя“.

Вивать, Сенкевичъ! Еще Польша же зги-
нела!..

Левъ Толстой (извѣстный русскій
писатель, авторъ „Дѣтства и отрочества“,
„Анны Карениной“, „Войны и мира“, „Воскре-
сенія“, „Власти тьмы“ и многихъ другихъ та-
лантливыхъ произведеній). Не тѣхъ, которые
перепечатываютъ мои сочиненія, а меня, ме-
ня посадите въ тюрьму, въ холодную, воню-
чую тюрьму!..

Дядя Акимъ. Таё... таё... таё...

Европа (укоризненно). Хамы вы, хамы...
Боже мой, какіе хамы!..

—р—

Мысли и впечатлѣнія.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ОЧКИ.

Есть одна русская особенность, которая виситъ гирей на развитіи нашего литературнаго творчества. Это—политика. Между русской публикой и русскимъ писателемъ она всегда стояла, какъ грозное привидѣніе. Прежде, чѣмъ говорить о достоинствахъ и недостаткахъ творенія и творца, прежде чѣмъ окунуться въ сферу лучей таланта, русскій интеллигентъ, натаканный „учителями“ того тина, которые теперь горько плачутъ, расканиваются и сами себя заушають, дѣлають, по-собачьи, стойку. Между нимъ и писателемъ, на почтительномъ отдаленіи, происходитъ, приблизительно, такой діалогъ:

Интел. Паспортъ!

Писат. Какой паспортъ?

Интел. Како вѣруешь?

Писат. Вѣрую во единого Бога, Творца...

Интел. Не то. Политически.

Писат. Вѣрую въ блага свободы и порядка...

Интел. Въ конституцію вѣришь?

Писат. Пожалуй. Если ничего лучшаго не придумали...

Интел. Не разсуждать.

Писат. Помилуйте, это мое право. Я—мыслитель.

Интел. А я—читатель. Безъ меня вы—ноль. Я васъ въ бараній рогъ согну.

Писат. Попробуйте! Съ моимъ талантомъ...

Интел. И не такихъ обламывали. Достоевскаго обломали, Тургеневу перцу задали... Одну Толстой не поддается. Ну, а вы въ—мелкота, носмѣйте только.

Писат. Да что я вамъ сдѣлать? Я политической не занимаюсь, я—жрецъ чистаго искусства...

Интел. Вотъ это-то и плохо. Вы чистое-то искусство отложите въ сторону, а помогите намъ сначала режимъ свергнуть.

Писат. Но это отразится вредно на моемъ талантѣ. Притомъ же я не раздѣляю современныхъ крайнихъ убѣжденій. Я признаю необходимость власти, порядка, неравенства, собственности, дисциплины, труда...

Интел. Намъ въ высокой степени наплевать, что вы тамъ, внутри себя, признаете. Важно лишь то, что вы напишете.

Писат. Но я не могу писать иначе, чѣмъ думаю.

Интел. Тогда мы не будемъ васъ читать. Мы васъ живо схоронимъ... Если бы вы были выше Пушкина и Гоголя, и тогда безъ насъ вы—ничто. Мы замолчимъ васъ, какъ замолчали уже не одно прекрасное русское дарованіе... Мы выставимъ передъ вами—подушку; стучите по ней сколько хотите, хоть молотомъ! Все ваше вдохновеніе разобьется о наше молчаніе. Не было еще генія, который могъ бы творить въ пустотѣ, не было оратора, который могъ бы говорить къ стѣнѣ. Мы создадимъ вокругъ васъ пустоту, мы воздвигнемъ передъ вами стѣну...

Писат. (обливаясь холоднымъ потомъ). Довольно! Чего вы хотите отъ меня?

Интел. Повторяйте то, что мы вамъ шепнемъ—повторяйте сто, тысячу разъ...

Писат. (ломая руки). Но мой талантъ!..

Интел. Къ чорту его! Мы вамъ придемъ фальшивый, лучше подлиннаго...

Писат. (въ ужасѣ). Фальшивый! Боже!

Интел. А то какъ же! Сколько мы такихъ смастерили, сколько ихъ гуляетъ по бѣду свѣту, лавры пожинають... Возьмите любой альманахъ—все наши дѣти, наши таланты... Мы ихъ создали, мы ими и живемъ. Почему должно быть привилегіей Бога—создавать таланты? Довольно съ Него и одной привилегіи—людей создавать. Талантъ, какъ и красоту, должно фабриковать само человѣчество... Патентъ на талантъ, какъ на высшую награду, могутъ получить лишь тѣ, кто оказали услугу обществу и человѣчеству, кто полезны...

Писат. (робко). Какъ печной горшокъ!..

Интел. Печной или иной—поприще полезности широко...

Писат. (рыдая). Хорошо, я постараюсь...

Приблизительно такой безмолвный діалогъ происходитъ между русской публикой и всякимъ новымъ дарованіемъ. Извѣстные интеллигентные кружки установили систему сыска и воздвигли кордегардію, ничѣмъ не отличающуюся отъ сыска и кордегардіи казенныхъ. Изобрѣтателемъ этой системы закрѣпощенія русскаго таланта былъ, кажется, Писаревъ. Ему подражали Добролюбовъ, Михайловскій, частью Вѣлинскій и даже самъ Герценъ. Властвовать надъ русскимъ талантомъ захотѣлось рѣшительно всѣмъ. Избіеніе подлинныхъ и фабрикація фальшивыхъ талантовъ продолжалась на Руси добрыхъ 40 лѣтъ; дѣломъ этимъ и нынче не прочь бы заняться радикальные кружки. Но ужъ больно они огорошены, захирѣли...

Грустное явленіе это, объясняемое политическимъ гнетомъ и жаждой вырваться изъ него во многомъ оставило жизнь нашихъ кори-

феевъ. Истинный талантъ не можетъ быть реакціоннымъ—онъ прогрессивенъ по сути своей: талантъ есть вѣчное устремленіе впередъ. Всѣ наши писатели были прогрессивны, всѣ жаждали свободы. Но между ними были такіе, которые понимали ее по своему и не желали сгибаться подъ стадную мѣрку. Толстой, Тургеневъ и Достоевскій принадлежали къ такимъ. Первый, какъ извѣстно, и до сихъ поръ признаетъ свободу, лишь какъ внутреннее усовершенствованіе; второй—пригрозилъ къ позорному столбу имъ открытый русскій нигилизмъ; а третій—проповѣдывалъ такіа политическія ереси, что, если бы не каторга и заслуги въ первую эпоху жизни, его бы задушили бойкотомъ. За это уклоненіе отъ протореннаго либеральной мыслью пути досталось—таки геніямъ, которыхъ мы теперь чествуемъ. Толстой метался, какъ раненый левъ, подъ ударами злобной критики; Тургеневъ изнывалъ въ грусти; а Достоевскаго сводила судорога злости.

Новый режимъ долженъ отразиться и на отношеніи публики къ талантамъ—долженъ сломать политическіе очки, сквозь которые мы донынѣ оцѣниваемъ художественное творчество.

Баянъ.

Вечеръ 23-го. 1908

23 августа.

Коренныя и принципиальныя ошибки неприятны тѣмъ, юбилей. что всегда имѣютъ дальнѣйшее продолженіе. Ихъ надо или исправить или доводить до конца. Именно въ такомъ щекотливомъ и затруднительномъ положеніи очутился св. синодъ по отношенію къ Л. Н. Толстому.

Отлученіе Толстого отъ церкви, сдѣланное въ 1901 г., не позволило синоду остаться пассивнымъ зрителемъ общенациональнаго чествованія отлученнаго. Характерно, что самъ св. синодъ какъ бы позабылъ о прошломъ, но ему напомнилъ о печальномъ событіи миссіонерскій съѣздъ, постановившій чуть ли не предавать анаемѣ и чествующаго и всѣхъ чествователей. На разсмотрѣніе синода вопросъ о недопущеніи чествованій Толстого попалъ, такимъ образомъ, не по инициативѣ тѣхъ, кто его отлучалъ, а по инициативѣ миссіонеровъ, ушедшихъ впередъ іерарховъ церкви, заставившихъ вернуться къ точкѣ зрѣнія 1901 года и довести ее до конца. И какъ невольникъ когда-то сдѣланнаго шага, св. синодъ, волей-неволей, долженъ былъ покорно пойти по указкѣ миссіонеровъ.

Новое синодское воззваніе къ православнымъ христіанамъ отзовется глубокой болью, во-первыхъ, потому, что грамотная Россія готовится отпраздновать свѣтлый праздникъ русской литературы, праздникъ русской мысли и русскаго духа, а, во-вторыхъ, потому, что теперь времена совсѣмъ иныя, чѣмъ были семь лѣтъ назадъ, о чемъ свидѣтельствуютъ и многіе акты самого же синода. Едва ли въ интересахъ православной церкви, въ интересахъ ея вліянія и авторитета идти на непримиримый разрывъ съ свободною общественною мыслью, вызывать искусственные конфликты съ общественнымъ мнѣніемъ. Недостойно не только пастыря, но и чловека, поклоняться ложнымъ святынямъ, не недостойно и поносить чужія святыни.

Если грѣхъ неуваженія къ чужимъ вѣрованіямъ есть въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Толстого, то еще въ большей степени проникнуто этимъ же неуваженіемъ воззваніе, изданное наканунѣ восьмидесятилѣтняго юбилея. Руководители духовенства, рабски примирившіеся со всѣми неправдами жизни, уже не способны охватить этическихъ и даже религіозныхъ исканій русскаго общества, поэтому глубоко безтактная попытка властнаго вмѣшательства въ общественную оцѣнку колоссальнаго явленія нашей литературной жизни прежде всего просто не достигнетъ своей цѣли, но, къ великому сожалѣнію, только усилитъ и безъ того глубокий внутренній разрывъ общества съ церковью. Изувѣрскіе порывы кievскихъ миссіонеровъ толкаютъ нашихъ духовныхъ іерарховъ на послѣднюю безтактность—на отлученіе отъ церкви всей русской интеллигенціи, не могущей не чествовать величайшаго писателя родной земли. Между строкъ воззванія ребромъ поставленъ вопросъ не то объ отлученіи интеллигенціи, не то о полномъ отстраненіи самой церкви отъ русскаго общества.

Въ этомъ разрывѣ церкви съ обществомъ, въ этомъ усугубленіи пропасти, раздѣляющей мыслящихъ отъ слѣпо вѣрующихъ,—самая прискорбная сторона синодскаго акта. Нельзя отрицать, что Толстой самъ отпалъ отъ церкви, раньше чѣмъ былъ формально отлученъ отъ нея; но чего же ради св. синодъ старается искусственно приобщить къ его отпаденію бесчисленные миллионы почитателей Толстого?

Зачѣмъ эта неуклюжая попытка насильственно сдѣлать всѣхъ солидарными съ ошибками и слабостями любимаго автора? Вѣдь писатель—особенно великій писатель—всегда говоритъ несравненно больше, чѣмъ хочетъ сказать. Его мировое значеніе вовсе не исчерпывается его личною мыслью, его творчествомъ, по природѣ своей стихійное какъ изверженіе вулкана, не направляется ею. Онъ самъ часто не охватываетъ тѣхъ откровеній, которыя даетъ, подобно нищему, щедро разсыпавшему вокругъ себя невѣдомо откуда идущіе миллионы. Толстой—самый стихійный изъ всѣхъ писателей міра; у него есть множество почитателей, совершенно не согласныхъ ни съ его социальными ученіями, ни съ его религіозными вѣрованіями, но все же не могущихъ не гордиться честью быть соотечественниками величайшаго генія нашей эпохи и готовыхъ праздновать день его рожденія, хотя бы и подъ рискомъ миссіонерскаго анаемствованія.

Но вѣдь и его религіозно-философскіе труды вовсе не состоятъ изъ одного сплошнаго кощунства. Даже въ своихъ сомнѣніяхъ, даже въ своихъ иногда грубо выраженныхъ отрицаніяхъ Толстой всегда преисполненъ искреннихъ исканій правды и Бога и, значитъ, по существу, религіозенъ. Судъ фарисеевъ былъ строгимъ до жестокости, но не былъ справедливымъ. Въ

мотивахъ синодскаго суда съ перваго взгляда бросаются въ глаза рѣзкія несообразности: признавая,—правда, какъ-то вяло, вынуждено и почти безразлично,—великія художественныя заслуги писателя, наши іерархи всякое чествованіе его почему-то относятъ уже только къ его публицистической дѣятельности и на этомъ основаніи считаютъ преступнымъ. Даже со своей точки зрѣнія они были бы правы въ осужденіи чествованія только въ такомъ случаѣ, если бы Толстой не написалъ ничего, кромѣ оскорбившихъ ихъ вѣрованія разсужденій о безплотномъ зачатіи и о земномъ происхожденіи Христа. Нѣсколько строкъ заслонили въ ихъ глазахъ цѣлыя груды гениальныхъ произведеній, свели къ нулю десятки лѣтъ художественной работы, увѣнчанной признаніемъ всего міра, и всякое общественное празднованіе годовщины его рожденія, поэтому, кажется имъ уже сатанинскимъ чествованіемъ грѣховнаго кощунства.

Вѣдь, ученые и образованные іерархи понимаютъ и знаютъ національную цѣнность озарившаго міръ свѣточа нашей родины, но стараются прикрыть его отъ себя, и отъ міра. Какъ будто бы это такъ легко и просто спрятать солнце въ лукошко! Оцѣнивъ всемірныя заслуги можно тутъ же обратить ихъ въ ничто, сейчасъ же забыть о нихъ и, превративъ опаснаго генія въ нечестиваго богохульника, лишить его всякихъ правъ на общественное чествованіе.

Такая политика св. синода нѣсколько не опасна для Толстого, но она очень опасна для авторитета самихъ іерарховъ и для русскаго общества, и безъ того уже отторженнаго отъ церкви, не имѣющаго въ ней духовнаго оплота и пристанища.

Воскр. 23-го. 1908

65
Сатириконтъ 23-го. 1908

Спеціальный номеръ выйдетъ

Къ Юбилею Графа Л. Н. ТОЛСТОГО

№ 21 Журнала Сатиры и Юмора № 21

„САТИРИКОНЪ“

роскошно иллюстрированный многокрасочными рисунками,
шаржами и карриатурами.

ТЕКСТЪ: юмористическіе и сатирическіе фельетоны, стихи, пародіи, шаржи и остроты.

Весь № 21 (текстъ и рисунки) будетъ посвященъ **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО**
Графу ТОЛСТОМУ.

Требуйте у газетчиковъ и въ кіоскахъ, на ст. жел. дор.

Цѣна отд. № 10 коп.

Въ Москвѣ и провинціи 12 коп.

Сатириконтъ 23-го. 1908

Воззваніе Св. Синода о празднованіи юбилея Л. Н. Толстого.

Въ засѣданіи св. синода 20 августа, посвященномъ вопросу о готовящемся чествованіи гр. Л. Н. Толстого, опредѣлено:

Обратиться къ чадомъ православной церкви съ разъясненіемъ, каковое и напечатать въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ во всеобщее извѣстіе, и благословить епархіальныхъ преосвященныхъ озаботиться распространеніемъ въ народѣ существующихъ уже или составляемыхъ впредь изданій, въ коихъ указываются неправильности ученія гр. Толстого и опровергаются оное.

— Св. синодъ, — говорится въ посланіи синода, — въ заботахъ о благѣ церкви и спасеніи ея чадъ призываетъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ церкви воздержаться отъ участія въ чествованіи гр. Л. Н. Толстого и тѣмъ избавить себя отъ суда Божія, помня, что Богъ поругаемъ не бываетъ.

Толстой Копилка 23-авг. 1908

Намъ пишутъ.

Изъ Саратова. Последнее засѣданіе городской думы, посвященное вопросу объ отмѣнѣ губернаторомъ ея постановленія о чествованіи Л. Н. Толстого ознаменовалось крупнымъ скандаломъ. Дума, между прочимъ, единогласно постановила просить инспектора народныхъ училищъ объ освобожденіи учащихся отъ занятій въ день юбилея, при отказѣ — перенести чествованіе на 31-е августа (воскресенье). Тогда поднялся представитель отъ духовнаго вѣдомства, прот. Кречетовичъ, и заявилъ протестъ, назвавъ это постановленіе «позорнымъ и печальнымъ недоразумѣніемъ». Раздались негодующіе крики: «Удалить его». Въ результатѣ, дума постановила просить губернатора объ удаленіи о. Кречетовича изъ состава гласныхъ и о замѣнѣ его другимъ представителемъ отъ духовенства.

Т.В. 24-авг. 1908

Синодское опредѣленіе по поводу юбилея Толстого и свѣтская власть.

„Нов. Р.“ сообщаетъ, что въ высшихъ сферахъ опредѣленіе синода по поводу юбилея Л. Н. Толстого стало извѣстнымъ лишь послѣ его напечатанія. И самъ предсѣдатель совѣта министровъ былъ осведомленъ объ опредѣленіи свѣтѣйшаго синода изъ разосланнаго печатнаго бланка.

„Бир. Вѣд.“ передаютъ, что и отсутствовавшій изъ Петербурга оберъ-прокуроръ синода, гофмейстеръ Извольскій, осведомился о синодальномъ опредѣленіи уже изъ печатнаго текста.

Рижская Миссія 16. 1908

Союзъ русскаго народа и юбилей Л. Н. Толстого.

23 августа вопросъ объ отношеніи къ юбилею Л. Н. Толстого обсуждался союзомъ русскаго народа, причемъ вынесены не лишеныя интереса резолюціи. Въ виду поднятаго лѣвой печатью шума около юбилея богоотступника гр. Толстого союзъ русскаго народа рѣшилъ, въ противовѣсть агитаціи лѣвыхъ газетъ, распространить среди народа особые книжечки, въ которыхъ напечатать постановленіе синода объ отношеніи его къ юбилею Толстого; испросить разрѣшеніе градоначальника устроить въ день юбилея гр. Толстого нѣсколько собраній въ разныхъ концахъ столицы, по преимуществу среди рабочаго населенія, и выяснить на нихъ возможно подробнѣе дѣятельность гр. Толстого, какъ безусловно вредную для государства и православной церкви и, наконецъ, ходатайствовать предъ высшей администраціей о запрещеніи повременнымъ изданіямъ печатать статьи о Толстомъ, выражающія одобреніе дѣятельности гр. Толстого. („Нов. Р.“)

Воспоминанія о графѣ Л. Н. Толстомъ въ шестидесятыхъ годахъ.

I.

Графа Льва Николаевича Толстого я помню, когда мнѣ было не болѣе девяти лѣтъ.

Его сестра Марія Николаевна, бывшая замужемъ за своимъ дальнимъ родственникомъ графомъ Толстымъ, проводила въ пятидесятыхъ годахъ зиму въ Москвѣ съ маленькими двумя дочерьми и сыномъ. Эти дѣвочки были моими первыми друзьями дѣтства.

Я часто бывала у нихъ въ домѣ и тамъ увидѣла въ первый разъ Льва Николаевича и старшаго его брата Николая Николаевича. Я помню ихъ молодыми. Оба они напоминали другъ друга, въ особенности выраженіемъ глазъ, глубокихъ и пронизательныхъ. У дѣтей обыкновенно остаются въ памяти тѣ люди, которые обращали на нихъ вниманіе, а они оба много возились съ нами, дѣвочками, особенно Николай Николаевичъ: онъ придумывалъ намъ игры, раздавалъ роли на представленія, которыя мы тутъ же изображали; рассказывалъ намъ безконечныя сказки, что я особенно любила.

Левъ Николаевичъ тоже вмѣшивался въ наши игры и часто задавалъ намъ разныя задачки. Мы очень любили, когда онъ бывалъ съ нами, но, къ сожалѣнію, это случалось рѣдко. Въ то время онъ велъ очень свѣтскую жизнь, и по этому поводу Николай Николаевичъ часто говорилъ: «А Левочка опять надѣлъ фракъ и бѣлый галстухъ и отправился на балъ».

Ко времени моего дѣтства относится еще воспоминаніе о пріѣздѣ Льва Николаевича къ намъ на дачу въ Покровское, подмосковное имѣніе Глѣбова-Стрѣшнева, гдѣ мы проводили лѣто въ теченіе двадцати пяти лѣтъ. Семья наша, очень многочисленная, считалась патриархальною. Дѣтей было восемь: три сестры и пять братьевъ; двѣ старшія сестры, братъ и я были погодками; между нами же и остальными была порядочная разниа лѣтъ.

Какъ-то въ концѣ мая, около шести часовъ вечера, къ крыльцу нашей дачи подъѣхала коляска, въ которой сидѣли Левъ Николаевичъ, баронъ В. М. Менгденъ и

любимый нашъ дядя Костя, братъ матери.

Пріѣхали они къ обѣду, но въ этотъ день, по случаю праздника, мы обѣдали раньше, и люди были отпущены погулять. Поднялась суета, и мать разрѣшила старшимъ дѣвочкамъ самимъ накрыть на столъ и прислуживать. Сестры бѣгали съ оживленными лицами, весело исполняя неприличное дѣло. Всѣ любовались ими и хвалили, не обращая на меня никакого вниманія; я стояла у двери, и мнѣ хотѣлось также играть роль, чтобы замѣтили и меня, но, какъ только я брала что-нибудь въ ру-

ки, мнѣ говорили: «не тронь, разобьешь», или: «оставь, тебѣ тяжело»; и мнѣ было досадно и обидно.

Я смотрѣла на гостей; всѣ они были очень оживлены. Левъ Николаевичъ, одѣтый въ военную форму, много рассказывалъ о Севастополѣ, постоянно приговаривая: «ай да дѣвочки!»

Содержанія его разсказа, къ сожалѣнію, не могу вспомнить, хотя слушала его съ огромнымъ вниманіемъ. Всѣ мы, дѣти, очень интересовались войною, слушали чтеніе газетъ, по вечерамъ щипали корпію.

Помню появленіе кометы и толки, что она не къ добру; жутко было дѣтскому сердцу, когда мы глядѣли на это прекрасное небесное свѣтило, предвѣщавшее несчастье, бѣдствіе страны.

Съ особенною чуткостью прислушивалась къ словамъ Льва Николаевича вторая моя сестра, Соня, впоследствии его жена, смотрѣвшая на него, какъ на автора «Дѣтства и отрочества», чего онъ, конечно, и не подозрѣвалъ.

Книга эта произвела на нее сильное впечатлѣніе, и она выписала себѣ въ дневникъ

и даже выучила наизусть слѣдующія, полныя поэзіи, строки, тронушія ея дѣтское сердце:

«Вернутся ли когда-нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ? Какое время можетъ быть лучше того, когда двѣ лучшія добродѣтели: невинная веселость и безпредѣльная потребность любви—были единственными побужденіями въ жизни?» и т. д.

Старшая сестра Лиза на оборотѣ написала—«дура». Отличаясь положительнымъ и серьезнымъ характеромъ, она трунила надъ нею, говоря: «наша Фуфель (прозвище) пустилась въ поэзію и нѣжности».

Когда вечеромъ коляска увезла нашихъ гостей, намъ стало грустно, что мы больше не услышимъ интересныхъ разсказовъ о войнѣ и не скоро снова увидимъ Льва Николаевича, такъ какъ онъ собирался въ Ясную Поляну. Зимой дядя Костя привезъ намъ извѣстную его пѣснь: «Какъ восьмого сентября насъ нелегкая несла» и научилъ меня пѣть ее.

II.

Прошло пять лѣтъ. Сестры мои изъ дѣвочекъ преобразились въ молодыхъ дѣвушекъ 17 и 18 лѣтъ. Онѣ окончили образованіе, сдавъ университетскій экзаменъ. Одна я оставалась еще пятнадцатилѣтнимъ подросткомъ, и какъ растеніе тянется къ солнцу, такъ и я тянулась къ нимъ, къ ихъ молодой жизни.

Домъ нашъ совершенно преобразился: обычная строгость и правильность ученія миновали; атмосфера въ домѣ стала легче и веселѣе, молодежи бывало много. На праздники пріѣзжали изъ корпуса мой любимый старшій братъ, его товарищъ, двоюродные братья, подруги сестеръ. Всѣ жили у насъ; всѣ были молоды, влюблены и безконечно веселы.

Тутъ опять мои воспоминанія рисуютъ мнѣ Льва Николаевича. Онъ сталъ часто посѣщать нашъ домъ. Ему, вѣроятно, нравилась наша многочисленная семья, радостіе и простота отношеній ко всѣмъ.

Наша мать и мы, барышни, почти всегда сидѣли дома, очень мало выѣзжали, и къ намъ всегда можно было прійти, какъ говорится, «на огонекъ».

Посѣщенія Льва Николаевича были какъ бы случайныя, иногда короткія, иногда продолжительныя. Часто, когда его приглашали обѣдать, онъ не отказывался заранѣе, но не приходилъ, а являлся совершенно неожиданно вечеромъ или въ другое время дня.

Посѣщенія его всегда вызывали въ насъ, молодежи, не сказать радости, потому что мы мало еще знали его, но какой-то особенный интересъ.

Онъ не былъ, какъ другіе, и не походилъ на обыкновеннаго гостя, котораго занимають въ гостиныхъ. Онъ былъ какъ бы всюду. Все интересовало его, и этотъ интересъ и участливость, которую онъ проявлялъ въ одинаковой степени къ малымъ, старымъ, молодымъ и даже домашнимъ людямъ, невольно влекла къ нему и заставляла смотреть на него иными глазами, чѣмъ на другихъ.

Гдѣ находился онъ, тамъ бывало оживленно, какъ-то особенно весело, весельемъ не пустымъ, а содержательнымъ. Тѣ строки, которыя онъ въ молодости вписалъ въ своею дневникѣ, вполне опредѣляютъ его. Вотъ онѣ:

«Могучее средство къ истинному счастью въ жизни—это, безъ всякихъ законовъ, пускать изъ себя во всѣ стороны, какъ паукъ, цѣлую паутину любви и ловить туда все, что попало—старуху, ребенка, женщину, квартальнаго...»

И онъ ловилъ ихъ и заражалъ своимъ внутреннимъ, священнымъ огнемъ. Онъ понималъ, что въ жизни есть одинъ рычагъ—любовь.

Высказывалъ ли онъ свое мнѣніе о чемъ-либо, всегда слышались искренность и оригинальность взгляда, свойственная лишь ему одному. Онъ много рассказывалъ намъ, иногда говорилъ съ нами и серьезно, насколько не поддѣлываясь подъ нашу возрастъ и развитіе.

Въ тѣ времена Левъ Николаевичъ сильно увлекался школами и рассказывалъ намъ про свою Ясно-Полянскую школу, про выборъ учителей, любимыхъ учениковъ и ихъ сочиненія. И мы понимали его и сочувствовали ему.

Однажды вечеромъ онъ предложилъ прочесть намъ вслухъ только-что вышедшую повѣсть Тургенева «Первая любовь». Слушателей набралось много—подруги сестеръ и еще кто-то изъ молодежи. Левъ Николаевичъ читалъ самъ, и я въ первый разъ слышала его чтеніе.

Въ оцѣнку его чтенія я, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка, входить, конечно, не могла, и всего болѣе интересовалась фабулой романа. Но, на бѣду, мать сказала, что въ романѣ есть мѣсто, которое «Танчикѣ слушать нельзя», и чтобы меня во-время отправили спать. Съ грустью усѣлась я на диванчикъ и внимательно слушала чтеніе.

Когда Левъ Николаевичъ уставалъ, онъ передавалъ книгу учителю, и тогда интересъ какъ будто ослабѣвалъ. Но лучшія и сильныя мѣста читалъ самъ Левъ Николаевичъ, и интересъ повѣсти сильно возрасталъ, и я подумать не могла уйти спать. Я притворилась спящей, меня не увели, и я все слышала, но не могла понять, гдѣ же то мѣсто, которое нельзя было слушать.

Послѣ чтенія пошли разговоры, и Левъ Николаевичъ говорилъ, что любовь шестнадцатилѣтняго юноши (сына) и есть и была настоящей сильной и чистой любовью, которую переживаетъ человѣкъ лишь разъ въ жизни, а любовь отца—это мерзость и развратъ. Эти слова запали мнѣ въ сердце.

Вскорѣ Левъ Николаевичъ уѣхалъ въ Ясную Поляну съ тѣмъ, чтобы потомъ ѣхать въ Самару на кумысъ. Онъ сильно кашлялъ, и это тревожило его. Его два брата умерли отъ чахотки.

Онъ общалъ заѣхать къ намъ по дорогѣ. И дѣйствительно, весной, въ началѣ мая, проѣздомъ черезъ Москву, онъ заѣхалъ къ намъ.

Съ нимъ были его два любимые ученика и старинный слуга Алексѣй Степановъ. Два подростка, Васька Мороховъ и Федька Черновъ, о которыхъ мы слышали еще раньше отъ Льва Николаевича, очень понравились намъ. Мы старались принять и накормить ихъ какъ можно лучше, и я помню наше чувство, съ сестрой Соней, какъ мы боялись пересолить гостепріимство и поддѣлываться подъ ихъ тонъ и говоръ, чтобы не вышло фальшиво. Мы знали, что всякій оттѣнокъ фальши будетъ замѣченъ Львомъ Николаевичемъ. Онъ просилъ ихъ пріютить. Мальчики пробыли у насъ два дня и уѣхали съ нимъ въ Самару.

Послѣ его отъѣзда я замѣтила въ своей сестрѣ Сонѣ перемѣну. Она стала грустна и тревожно говорила о здоровьѣ Льва Николаевича. Мы двѣ, и братъ нашъ Александръ, были съ дѣтства особенно дружны. Я чула въ ней что-то новое и спросила ее:

— Tu aimes le comte?

Мы называли Льва Николаевича за глаза «le comte», говоря между собою почти всегда по-французски.

— Je ne sais pas, — отвѣтила она.

Отвѣтъ ея былъ искренній. Да, дѣйствительно, она не знала, любитъ она или нѣтъ. Въ ней проснулось тревожное чувство опасенія за его жизнь; оно, быть можетъ, вызвало въ ней и болѣе сильное, но пока оно было бессознательно.

Вскорѣ мы перѣехали въ Покровское. Весна была въ полномъ разгарѣ, такъ же какъ и наша молодая, безпечная жизнь, полная поэзіи и надеждъ.

Въ серединѣ іюля Левъ Николаевичъ вернулся изъ Самары, очень довольный своей поѣздкой. Онъ еще съ кумыса писалъ своей теткѣ: «Мы съ Алексѣемъ потолстѣли. Немного кашляемъ. Живемъ въ кибиткѣ. Погода прекрасная».

По возвращеніи своемъ онъ пріѣхалъ къ намъ въ Покровское, что для насъ было большою радостью. Онъ привезъ намъ большой букетъ степной травы «ковыль», которую мы прежде никогда не видѣли.

Левъ Николаевичъ часто посѣщалъ насъ, и хотя наша жизнь въ Покровскомъ шла съ обычнымъ оживленіемъ, но съ его пріѣздомъ все принимало яркій и содержательный характеръ.

Помню, какъ однажды мой братъ со своимъ товарищемъ впряглись въ настоящій кабріолетъ и покатали меня по дорогѣ. Издали мы увидѣли Льва Николаевича и поѣхали ему навстрѣчу. Онъ шелъ пѣшкомъ изъ Москвы въ Покровское съ сыномъ профессора Пако.

— Здравствуйте, Левъ Николаевичъ, — радостно закричала я ему издали, сидя въ кабріолетѣ.

Поравнявшись и поздоровавшись съ нами, онъ сильными руками схватилъ оглобли кабріолета и одинъ шибко подкатилъ меня къ дому.

Мы часто совершали съ нимъ длинныя прогулки. Онъ всегда умѣлъ оживлять ихъ: затѣвалъ бѣгать въ перегонки, или же съ моими братьями игралъ въ чехарду. Останавливаясь и отдыхать по дорогѣ онъ не любилъ, чѣмъ я бывала недовольна.

Отношенія Льва Николаевича къ моимъ сестрамъ оставались неизмѣнно равны, просты и серьезны. Лишь со мною онъ обращался какъ съ дѣвочкой, ребенкомъ, шутя трунилъ надо мной, передразнивая мой выговоръ; заставлялъ пѣть, называя madame Viardo.

Въ большихъ семьяхъ, какою была наша, обыкновенно находятся люди, которые не пропускаютъ случая заняться сплетнями. Такіе нашлись и у насъ. Двѣ сестры нѣмки, — одна, жившая гувернанткой у насъ, а другая у графини Маріи Николаевны, — начали болтать, что «графъ ѣздитъ въ домъ для старшей сестры». Эта сплетня косвенно повліяла на мою вторую сестру: хотя ея живой и веселый характеръ ни въ чемъ не измѣнился, и она, попрежнему, принимала участіе въ удовольствіяхъ и затѣяхъ нашихъ, но я замѣтила, что, когда пріѣзжалъ Левъ Николаевичъ, она стала держать себя въ сторонѣ, и, когда мы поздно вечеромъ оставались вдвоемъ, я замѣчала въ ней оттѣнокъ грусти и сомнѣнія.

Ей хотѣлось высказать и излить все накопившееся въ сердцѣ, и она начала писать повѣсть, гдѣ описала себя, Льва Николаевича, много другихъ лицъ и меня, по моей просьбѣ, назвавъ меня Наташей. Это имя перешло въ «Войну и миръ». Льву Николаевичу оно понравилось, какъ подходящее къ типу. Сестра писала съ большимъ увлеченіемъ.

Къ концу лѣта отношенія Льва Николаевича къ сестрѣ Сонѣ видимо стали мѣняться, но родители не замѣчали этого, такъ какъ сплетня Нѣмокъ какъ бы укрѣпила фальшивый взглядъ на намѣреніе Льва Николаевича. Замѣчали мы только двое: сестра и я.

Онъ просилъ ее дать ему прочесть ея повѣсть. Послѣ долгихъ колебаній она дала ему прочесть. И вотъ что онъ по этому поводу пишетъ въ своемъ дневникѣ:

«Пошелъ въ Покровское пѣшкомъ. Покойно, уютно. Соня дала прочесть повѣсть. Что за энергія правды и простоты! Ее мучаетъ неясность. Все я читалъ безъ замѣчанія, безъ признаковъ ревности или зависти, но слова: «Необычайно непривлекательной наружности» и «перемѣнчивость сужденій» — задѣли славно. Я успокоился; все это не про меня».

Въ молодости наружность Льва Николаевича всегда мучила его; онъ былъ увѣренъ, что онъ отталкивающе дурень собою; я не разъ слышала это отъ него. Но онъ, конечно, не зналъ того, что привлекательную сторону его наружности составляла духовная сила, которая жила въ его глубокомъ взглядѣ. Онъ самъ не могъ видѣть и поймать въ себѣ этого выраженія глазъ, а оно именно составляло прелесть его лица.

III.

Въ началѣ августа наша мать должна была ѣхать въ Тульскую губернію къ отцу своему, Александру Михайловичу Исленьеву, жившему въ своемъ имѣніи Ивицы, и по дорогѣ заѣхать въ Ясную Поляну, куда давно звала ее графиня Марія Николаевна.

Отношенія матери къ семейству Толстыхъ были давнишними. Встарину дѣдушка Исленьевъ жилъ въ своемъ имѣніи, селѣ Красномъ, въ сорока верстахъ отъ Ясной. Отцы были сосѣдями — на «ты», и видѣлись постоянно. Графиня Марія Николаевна всю жизнь была очень дружна съ моей матерью, и судьба, какъ бы нарочно, свела ихъ въ Ялтѣ въ послѣдніе дни передъ кончиною тамъ моей матери.

Въ тульскую свою поѣздку мать взяла насъ, трехъ сестеръ, съ собою. Желѣзной дороги по направленію къ Тулѣ въ то время еще не было, и мы поѣхали въ шестимѣст-

ной, такъ называемой, анненской каретѣ съ нами ѣхалъ Левъ Николаевичъ.

И какія чудныя воспоминанія оставило во мнѣ путешествіе на лошадяхъ: остановки въ незнакомой лѣсной мѣстности, кондукторъ съ рожкомъ, таинственность раннего утра, восходъ солнца, переключка пѣтуховъ на постояломъ дворѣ,—все привлекало меня. Въ каретѣ было четыре мѣста внутри и два снаружи; Левъ Николаевичъ ѣхалъ все время въ наружномъ мѣстѣ, мы же попеременно; въ каретѣ было душно и скучно.

Сначала мы заѣхали въ Ясную Поляну. Чудное впечатлѣніе произвела на меня усадьба. Два большихъ бѣлыхъ двухэтажныхъ каменныхъ флигеля и большой старинный паркъ съ четырьмя прудами были расположены очень красиво; вблизи дубовый лѣсъ еще болѣе оживлялъ мѣстность.

Съ Львомъ Николаевичемъ жила тогда его старая тетушка, Т. А. Ергольская, такъ хорошо описанная въ біографіи Бирюкова. При ней находилась приживалка Наталія Петровна. Изъ людей были человекъ Алексѣй, ѣздившій на кумысъ, Дуняша, съ-молода жившая при тетукѣ, и старый поваръ изъ крѣпостныхъ, Николай Михайловичъ.

Въ Ясной гостила въ то время графиня Марія Николаевна Толстая. Помню ее съ большими черными глазами и гладко причесанными черными волосами. Она всегда покоряла меня своей лаской и простотой.

Мы пріѣхали въ Ясную вечеромъ. Левъ Николаевичъ очень хлопоталъ, чтобы удобно размѣстить насъ. Намъ, тремъ сестрамъ, отвели внизу большую комнату со сводами. По стѣнамъ стояли длинные жесткіе диваны, на потолокъ висѣли большія желѣзные кольца и окна были рѣшетчатые. Эта комната стала вполнѣ кабинетомъ Льва Николаевича, и Рѣпинъ обезсмертилъ ее, написавъ Льва Николаевича, сидящаго въ ней за столомъ, и изобразивъ всѣ подробности этого кабинета.

Къ вечернему чаю пришли три учителя яснополянской школы. Одинъ былъ Нѣмецъ, Келлеръ, привезенный Львомъ Николаевичемъ изъ-за границы, и двое Русскихъ.

На слѣдующее утро мы пошли въ другой

флигель, гдѣ во второмъ этажѣ помѣщалась школа. Занятія еще не начинались. Наверху были свѣтлыя просторныя комнаты съ балкономъ и прекраснымъ открытымъ видомъ. Могла ли я тогда думать, что въ теченіе двадцати пяти лѣтъ буду пріѣзжать съ своей семьей на лѣто въ этотъ самый домъ!

Вечеромъ былъ устроенъ пикникъ въ огромномъ казенномъ лѣсу Засѣка, примыкающемъ къ ясно-полянской землѣ.

Къ крыльцу были поданы катки (родъ линейки), верховыя лошади и кабриолетъ, и мы всѣ, за исключеніемъ двухъ старушекъ, поѣхали въ Засѣку, куда заранѣе былъ отправленъ самоваръ со всѣми принадлежностями для чая. Лужайка въ лѣсу съ огромнымъ стогомъ сѣна была мѣстомъ нашего сборища.

Изъ сосѣдей прїѣхали семьи Ауэрбахъ и Маркова. У Ауэрбахъ была племянница С. П. Берхгольдъ, впоследствии замужемъ за А. А. Ауэрбахомъ, дѣвушка нашихъ лѣтъ, удивительно милая, съ которой сохранились добрыя отношенія и по сю пору. Она мнѣ рассказывала, какъ однажды они всѣ ѣхали со Львомъ Николаевичемъ въ каткахъ. Учитель, Густавъ Федоровичъ Келлеръ, въ золотыхъ очкахъ на круглыхъ глазахъ, съ цвѣтущимъ видомъ, ѣхалъ верхомъ и, не сумѣвъ перепрыгнуть канаву, свалился съ лошади, но совершенно благополучно. Когда всѣ ахнули, а у молодежи вырвался невольный смѣхъ, Левъ Николаевичъ, сидя на каткахъ, въ одно мгновеніе произнесъ:

Для Келлера Густава
Не писано устава,
Лишь вырыта канава.

Прїѣхавши на мѣсто, мы перезнакомились съ вновь прибывшими гостями, послѣ чего Левъ Николаевичъ заставилъ старыхъ и молодыхъ взбираться на стогъ сѣна и, когда всѣ были наверху, устроилъ тріо:

«И ключъ на камешкахъ течетъ».

Потомъ хоровое пѣніе «Во лузяхъ», и самъ участвовалъ въ хорѣ.

Пѣніе вышло прекрасно. Пѣсни наши такъ и лились по воздуху, а еще болѣе лилось общее веселье. Казалось, что такіе серьезные люди, какъ Марковъ и Ауэрбахъ, съ которыми Левъ Николаевичъ обыкновенно велъ бесѣды о педагогикѣ и школахъ, со-

всѣмъ теперь преобразились; все слилось въ одно общее оживленіе, въ которомъ Левъ Николаевичъ, своимъ остроуміемъ и запасомъ жизненности, былъ запѣвалой.

Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я помню еще этотъ чудный тихій вечеръ съ красивымъ закатомъ солнца, и эту лужайку, окаймленную вѣковыми деревьями Засѣки.

И мнѣ казалось тогда, что вся эта природа, и закатъ, и лужайка, все это только для насъ, что до насъ тутъ ничего не существовало. И дѣйствительно, мнѣ приходилось послѣ бывать на этомъ самомъ мѣстѣ, но я не узнавала его: и лужайка, и деревья какъ будто утратили и свою красоту, и свое значеніе.

Мы пробыли въ Ясной Полянѣ два дня и поѣхали къ дѣду въ деревню. Левъ Николаевичъ остался у себя.

Какъ сейчасъ помню, на третій день нашего прїѣзда я сидѣла съ дѣдушкой на терасѣ, когда Левъ Николаевичъ подѣхалъ къ намъ верхомъ на бѣлой лошади. Дѣдъ,

знавшій его ребенкомъ и очень любившій его, радостно встрѣтилъ его. Левъ Николаевичъ нѣсколько уже лѣтъ не бывалъ въ Ивицахъ. Я тотчасъ же побѣжала сказать сестрѣ о его прїѣздѣ. И я видѣла, что она была счастлива и довольна этимъ извѣстіемъ.

Левъ Николаевичъ пробылъ въ Ивицахъ нѣсколько дней, принимая участіе въ шумной нашей жизни.

Не стану описывать рядъ устроенныхъ по случаю нашего прїѣзда празднествъ, которыя особенно оживляла Ольга, дочь дѣдушки отъ второго брака—красивая молодая дѣвушка нашихъ лѣтъ, впоследствии замужемъ за М. М. Киріаковымъ.

Какъ-то разъ вечеромъ, когда собрались у дѣдушки сосѣди, и старики, окончивъ играть въ карты, ушли въ столовую, за ломберный столъ случайно сѣли Левъ Николаевичъ и моя сестра.

Я сидѣла въ этой же комнатѣ подъ фортепіанами, куда спряталась, чтобы меня не заставляли пѣть. Я видѣла, какъ Левъ Ни-

колаевичъ писалъ что-то по столу мѣломъ. Лицо его было серьезно и выражало внутреннее волненіе.

Нагнувшись надъ столомъ, сестра внимательно и сосредоточенно слѣдила глазами за движеніемъ мѣлка, какъ будто вся ея жизнь зависѣла отъ того, что она сейчасъ прочтетъ. Въ комнатѣ, кромѣ насъ, сидѣло еще нѣсколько человѣкъ, но они, казалось, никого не замѣчали.

Изъ-за своей засады я смотрѣла на нихъ и видѣла, какъ лицо сестры преобразилось. Она быстро стала писать и тотчасъ же стирать щеточкой.

Вечеромъ, когда мы пришли наверхъ, я спросила ее:

— Что это вы писали за столомъ?

— Le comte писалъ мнѣ первоначальныя буквы словъ и по нимъ я должна была читать, что онъ пишетъ,—отвѣчала она.

— И ты могла прочесть?—спросила я.

— Могла,—отвѣтила она съ счастливой улыбкой.

Написанныя на столѣ буквы были слѣдующія: «В. В. с. с. л. в. н. м. и н. в. с. л., р. е. с. Т.». Это значило: «Въ вашемъ семействѣ существуетъ ложный взглядъ на меня и на вашу сестру Лизу, разрушьте его съ Таничкой».

Соня отгадала эту фразу, и тогда Левъ Николаевичъ написалъ еще: «В. м. и п. с. с. ж. н. н. м. м. с. и н. с.», что означало: «Ваша молодость и потребность счастья слишкомъ живо напоминаютъ нынче мнѣ мою старость и невозможность счастья».

Я очень удивлялась на сестру, какъ могла она отгадать значеніе этихъ буквъ.

Прошло съ тѣхъ поръ много времени, и сестра, вспоминая объ этомъ, говорить, что она разобрала смыслъ написаннаго Львомъ Николаевичемъ благодаря лишь тому, что души ихъ были одинаково настроены. Эта сцена описана въ «Аннѣ Карениной».

Время шло, и мы уже собирались ѣхать домой. Въ послѣдній вечеръ былъ назначенъ пикникъ въ лѣсу. Сѣхалось много сосѣдей. Здѣсь сосѣди были иные, чѣмъ въ Ясной Полянѣ: они очень напоминали типы тургеневскаго «Затишья».

На пикникѣ произошелъ эпизодъ, почему-то оставшійся у меня въ памяти. Когда въ лѣсу мы всѣ усѣлись на разостланныхъ коврахъ вокругъ различныхъ пироговъ и угощеній, дѣдушка, большой любитель цыганскихъ пѣсень, а въ молодости и цыганъ, велѣлъ своему казачку подать гитару, снятую въ честь нашего прїѣзда съ чердака, и, настроивъ ее, усадилъ меня возле себя и сказалъ, что будетъ вторить мнѣ.

«Ивушка, ивушка, зеленая моя»,—затянулъ хоръ.

Дѣдушка сильно, по-цыгански, ударилъ по струнамъ, и вдругъ изъ отверстія гитары посыпались во всѣ стороны отвратительные красные тараканы, и въ одно мгновеніе мое бѣлое платье было ими усыпано. Это было ужасно! Дѣдушка, выбравивъ казачка, велѣлъ вычистить гитару и, снова настроивъ ее, сѣлъ въ кружокъ и затянулъ «Ивушку», которую дружно подхватилъ хоръ.

Въ концѣ августа мы были дома въ Покровскомъ. Домъ показался мнѣ унылымъ и пустымъ послѣ такого веселья. Братъ и его товарищи были уже въ корпусѣ. Вечера стали длинные и темные. Погода испортилась. Утромъ насъ развлекали грибы, мы ходили набирать ихъ въ лѣсъ, а вечеромъ, когда мать бывала занята, старшая сестра сидѣла за книжкой, а я съ Соней, забравшись къ себѣ наверхъ, сидѣли вдвоемъ.

Она усердно писала свою повѣсть; выраженіе лица, за которымъ я слѣдила, постоянно мѣнялось, смотря по тому, что она писала.

Я сидѣла за тѣмъ же столомъ съ любимой моей книгой, «Евгеніемъ Онегинимъ», котораго перечитывала второй разъ, и изрѣдка спрашивала сестру:

— Соня, ты написала что-нибудь про меня?

— Написала, — добродушно отвѣчала она.

— Ну, прочти.

И она читала.

Въ домѣ было тихо; мы прислушивались, какъ осенній вѣтеръ завывалъ на всѣ лады, сливаясь съ соннымъ плачемъ малышей, которые жили за стѣной нашей комнаты.

И какое сладкое и унылое настроеніе бывало въ эти тихіе вечера! Чувствовалось грустное усыпленіе, и сердце, еще не испорченное жизнью, было открыто на все хорошее. И въ эти минуты хотѣлось, чтобы всѣ любили насъ—и Лиза, и le comte, и гувернантка Сарра Ивановна, и старая слуга Трифоновна,—всѣ, всѣ!

IV.

Въ началѣ сентября мы пріѣхали въ Москву, куда пріѣхалъ и Левъ Николаевичъ.

Вечеромъ 16 сентября онъ отдалъ моей сестрѣ Сонѣ письмо, въ которомъ просилъ ея руки, а на другой день всѣмъ, пріѣзжавшимъ поздравлять мать и ее съ именинами, объявляли о помолвкѣ. Общее настроеніе портило недовольство нашего отца, ожидавшаго и желавшаго свадьбы старшей сестры.

Не буду описывать время жениховства. Оно всегда томительно. Суета съ приданнымъ, поздравленія, выѣска жениха и невесты и неловкое ихъ положеніе,—все заставляло желать сокращенія этого времени.

Вѣнчаніе было назначено 23 сентября въ Кремлѣ, въ Придворной церкви, куда мы дѣтьми ходили почти каждое воскресенье. Изъ близкихъ Льва Николаевича были на свадьбѣ: его тетка, Пелагея Ильинична Юшкова, и его друзья В. С. Перфильевъ (бывшій московскій губернаторъ), его жена, урожденная графиня Толстая, дальняя родственница Льва Николаевича, и семья стариковъ Перфильевыхъ. Шаферомъ былъ Тимирязевъ. Братъ же Льва Николаевича, Сергій Николаевичъ, уѣхалъ въ Ясную Поляну готовить все для пріѣзда молодыхъ.

Въ день свадьбы со Львомъ Николаевичемъ произошелъ пресмѣшной случай: когда онъ сталъ одѣваться къ вѣнцу, оказалось, что у него нѣтъ крахмальной рубашки.

Алексѣй забылъ оставить ее, отправляя вещи въ деревню.

Сестра и мы всѣ были уже готовы ѣхать въ церковь и не могли никакъ понять, почему не идетъ шаферъ; и не мы одни, но и приглашенные на свадьбу, съѣхавшіеся въ церкви, тоже въ недо-

умѣніи ожидали жениха съ невѣстой. Я убѣжала въ свою комнату, опустѣвъ. Къ восьми часамъ вечера пріѣхалъ къ шую, унылую, гдѣ на диванѣ еще лежалъ человѣкъ Алексѣй и второпяхъ ло неприбранное вѣнчальное платье. Я бросилась къ себѣ на постель и, утѣвля, уже уложенныя въ важи дормеза. кнувшись лицомъ въ подушку, горько за-Вѣнчаніе опоздало на цѣлый часъ. Послѣ плакала. Старшая сестра Лиза шла за мной. вѣнца пріѣхали къ намъ.

— Таня, — окликнула она меня, — мы теперь съ тобою будемъ дружно жить, хорожый дормезъ, запряженный, по-старинному, шестерикомъ съ форейторомъ.

Мы всѣ, кромѣ отца, который былъ не ныхъ дней, и я получила письмо изъ совѣтъ здоровъ, стояли на подѣздѣ и Ясной Поляны.

Прощаніе съ сестрой мнѣ было болѣе лась, какъ все въ Ясной ей нравится, тѣмъ тяжело. Мать и сестра Соня пла-но что она еще не освоилась съ мыслью, кали. Левъ Николаевичъ ласково про-что она въ Ясной Полянѣ „дома“. Она щался съ нами, и когда Алексѣй за-пишетъ, какъ она окружена любовью и хлопнулъ дверцу кареты, я услышала заботами не только мужа своего, но и какъ бы стонъ, вырвавшійся у матери, окружающихъ. Какъ хорошо ей на свѣ-которую привыкла видѣть всегда сдер-тѣ жить, и при этомъ слѣдующими сло-жанной и даже холодной. вами — выражаетъ опасеніе за будущее:

«Боюсь думать о будущемъ, — вѣдь те-перъ уже не мечтаешь, какъ бывало дѣ-вой, а прямо знаешь свою судьбу, толь-ко страшно, что испортится... Да что, дѣвочка, ты не поймешь; когда выйдешь замужъ, поймешь...».

На этомъ письмѣ Левъ Николаевичъ тоже приписываетъ мнѣ и проситъ сохра-нить или вернуть ему это письмо сестры моей.

Онъ пишетъ, какъ поэтичны ея мысли о будущемъ, перемѣшанныя съ заботами о настоящемъ, и прибавляетъ еще, какъ хорошо она играетъ въ „большую“ и „ба-рыню“ въ чепцѣ съ малиновыми лентами.

Кончаетъ онъ письмо словами: „Прощай, голубчикъ, дай Богъ тебѣ такого же счастья — больше не бываетъ. Я тебѣ буду писать много“.

Это письмо немного утѣшило и успо-коило меня.

Время шло, и жизнь наша снова вошла въ обыденную колею, хотя на каждомъ шагу я чувствовала отсутствіе любимой сестры.

Окончаніе въ среду.

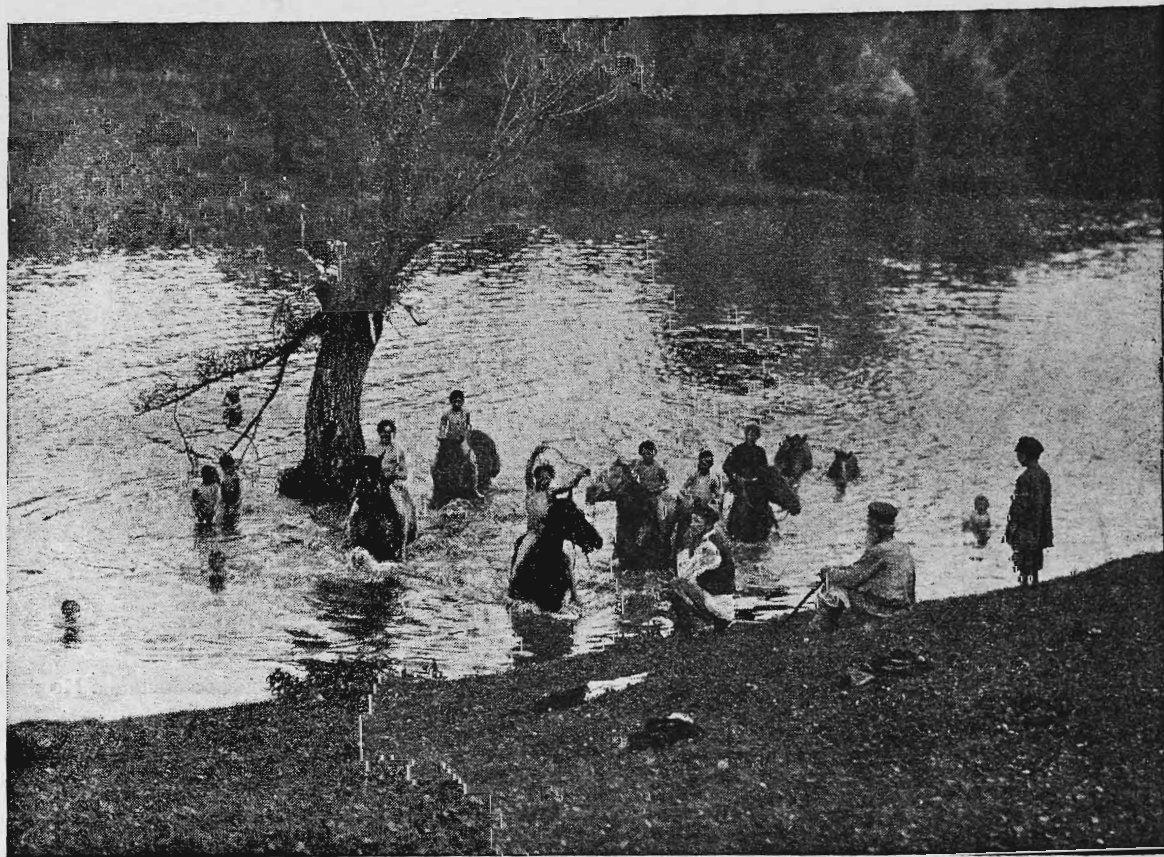
Н.В.Врем. 23го Авг. 1908

улица въ Ясной Полянѣ.

Н.В. 23го Авг. 1908

КЪ ДНЮ 80-ЛѢТІЯ гр. Л. Н. ТОЛСТОГО,—28 августа 1908 г.

ВЪ ЖАРКІЙ ДЕНЬ ВЪ ЯСНОЙ ПОЛЯНѢ.
Сценка изъ деревенской жизни семейнаго гнѣзда Л. Н. Толстого.

съ покоса домой
Сценка изъ деревенской жизни въ Ясной Полянѣ.

Н.В. 23-46. 1908

къ дню 80-лѣтія гр. Л. Н. Толстого—28 августа 1908 г.

Въ Ясной Полянѣ на крестьянскихъ задворкахъ.

Н.В. 23-46. 1908

Письма Л. Н. Толстого къ Л. Е. Оболенскому.

Послѣ внезапной кончины Л. Е. Оболенскаго осталось много неразобранныхъ рукописей и бумагъ, которыя переданы сыномъ покойнаго въ мое распоряженіе, какъ лицу, связанному съ Л. Е. Оболенскимъ почти 30-лѣтней дружбой. Эта дружба началась еще въ 1877 году, когда я, въ качествѣ студента одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, былъ репетиторомъ его дѣтей; потомъ я былъ сотрудникомъ и секретаремъ редакціи въ редактируемыхъ имъ журналахъ («Свѣтъ», изд. Н. П. Вагнера, и «Мысль»). Разбираясь въ литературномъ наслѣдіи Л. Е. Оболенскаго, я среди весьма цѣннаго литературнаго матеріала, который, надѣюсь, мнѣ въ послѣдствіи удастся сдѣлать достояніемъ читающей публики, нашелъ, между прочимъ, рядъ собственноручныхъ писемъ гр. Л. Н. Толстого. Эти письма, обнимающія періодъ времени отъ 1887 до 1903 года, представляютъ, несомнѣнно, огромный общественный интересъ не только по личности писавшаго ихъ, но и по внутреннему ихъ содержанию, затрагивающему и обсуждающему многіе важные вопросы общественной жизни. Кромѣ того, эти письма представляютъ, по моему мнѣнію, для характеристики ихъ автора наибольшій интересъ среди всего того, что до сихъ поръ появлялось въ печати изъ частной переписки Л. Н. Толстого.

Установить вполне точно хронологическую послѣдовательность печатаемыхъ здѣсь писемъ представлялось крайне труднымъ. На одномъ изъ писемъ Л. Н., относящемся къ послѣднему времени, напечатано слѣдующее: «Находя обычные въ письмахъ эпитеты, обращенія и подписи излишними и затруднительными въ примѣненіи, а часто лживыми, мы рѣшили не употреблять ни тѣхъ, ни другихъ, и обращаться въ письмахъ точно такъ же, какъ мы обращаемся въ личныхъ сношеніяхъ, и потому отсутствіе обращеній и подписей въ нашихъ письмахъ просимъ принимать не какъ признакъ отсутствія уваженія или доброжелательности, а только какъ желаніе избавиться отъ ненужной и непріятной условности».

Повидимому, Л. Н. не слишкомъ строго придерживается этого правила, такъ какъ и на томъ самомъ письмѣ, гдѣ оно напечатано, имѣется и обращеніе, и подпись. Но зато чиселъ на письмахъ не имѣется ни на одномъ. Поэтому точную дату возможно было установить только для тѣхъ писемъ, на которыхъ сохранились почтовые штемпеля. Для остальныхъ дату пришлось опредѣлять по признакамъ внутренняго ихъ содержанія. Этими соображеніями я и руководствовался, располагая письма въ данномъ

порядкѣ. Возможно, что при всемъ моемъ стараніи могли произойти кой-какія ошибки; но я надѣюсь, что эти ошибки незначительны и, во всякомъ случаѣ, не существенны.

Почеркъ Л. Н., хотя крупный, но то, что называется «узкій» и мѣстами крайне неразборчивый, главнымъ образомъ, вслѣдствіе массы сокращеній, поправокъ и вставокъ между строками. Почти полное отсутствіе знаковъ препинанія, встрѣчающееся во многихъ письмахъ, дѣлаетъ чтеніе рукописи еще болѣе затруднительнымъ. Вслѣдствіе этого, нѣкоторыя слова остались, къ сожалѣнію, неразобранными и здѣсь замѣнены рядомъ точекъ. Орфографія нами восстановлена, но сокращенія сохранены, какъ въ подлинникѣ.

Нѣкоторыя письма я позволилъ себѣ снабдить небольшими примѣчаніями, именно, въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ казалось, что эти примѣчанія могутъ содѣйствовать уясненію текста.

Пусть эти письма, въ которыхъ Л. Н. Толстымъ дается столь лестная оцѣнка личности Л. Е. Оболенскаго, какъ чловека и литературнаго работника, напомнятъ читателю о выдающемся дѣятелѣ, котораго Россія потеряла въ лицѣ такъ внезапно отошедшаго отъ насъ писателя.

П. И. Межеричеръ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Открытое письмо. Почтовый штемпель: «6-го августа 1887 г. Тула». Адресъ: «Петербургъ. Редакція Русскаго Богатства. Леониду Егоровичу Оболенскому» написанъ рукой Л. Н.:

Простите, что доставляю вамъ хлопоты, дорогой Л. Е., но перерылъ всѣ старыя письма и не нашелъ ни адреса, ни фамиліи даже авт. статьи о дешевомъ хлѣбѣ, к. забылъ и пот. вынужденъ послать ваше письмо ему обратно: у васъ вѣрно есть адресъ. Я жалѣю, что она не напечатана — оригинально, самобытно. Еще просьбу: комедію (съ мнѣніемъ вашимъ о ней совершенно согласенъ) верните мнѣ, пожалуйста. Съ разныхъ сторонъ это очень замѣчательное явленіе. Интересна бы была критика о ней. Авторъ — молодой крестьянинъ. Авторъ «Раздѣла».

Л. Т.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Сейчасъ получилъ ваше письмо, Л. Е. Вы прекрасно поставили вопросъ и даете очень важныя и вѣрныя, по-моему, указанія. Поддержаніе и размноженіе жизни не можетъ быть цѣлью жизни — это несомнѣнно. Но тутъ-то и являются двѣ разныя точки зрѣнія: одна та, что знаніе въ чловѣкѣ, въ чловѣчествѣ — наука руководить жизнью, и что потому цѣль жизни, руководимой знаніемъ, должна быть извѣстна этому знанію, и другая: что чловѣкъ есть орудіе разума

грады и наказанія, и потому понятіе не при-
ложимо къ жизни міра. Если есть цѣль, то
она должна быть достигнута, и тогда конецъ.
Для міра вообще есть только жизнь, для
участниковъ въ жизни міра есть и можетъ
быть только направленіе, путь. Кромѣ того:
при первой точкѣ зрѣнія предполагается, что
вся дѣятельность человѣка состоитъ или по
крайней мѣрѣ руководима знаніемъ, и что
для достиженія цѣли необходима преимуще-
ственно (исключительно, думаютъ часто) дѣя-
тельность умственная. При второй же точкѣ
зрѣнія человѣкъ, зная только направленіе,
идетъ за то по своему направленію весь съ
своими и нервами, и мускулами, и ногтями.
т. е. весь подчиняется тому направленію, к.
одно онъ знаетъ, и съ каждымъ шагомъ ви-
дитъ новыя вѣхи на пути, но никогда не ви-
дитъ и не можетъ видѣть цѣли. И только
при этомъ условіи человѣкъ можетъ вѣрить
вполнѣ тому направленію, по к. онъ идетъ и
исполняетъ то, что требуетъ отъ него раз-
умъ. Только ставъ въ условія поддержанія
и размноженія жизни, согласныя съ раз-
умомъ, только съ начала пути всѣмъ суще-
ствомъ избравъ единственное истинное на-
правленіе-путь, онъ можетъ съ полной увѣ-
ренностью идти дальше и сознать себя въ
согласіи и единеніи съ разумомъ. Чѣмъ бли-
же эти условія, тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ дальше,
тѣмъ сомнительнѣе. Все это я говорю, одна-
ко, не съ тѣмъ, чтобы ослабить важность ва-
шего положенія о томъ, что жизнь не можетъ
состоять въ поддерж. и размноженіи ея, и
чтобы уклониться отъ глубокаго и важнаго
вашего вопроса.

По слабости своей, по неполнотѣ подчине-
нія своей всей жизни разуму я ставлю и
ставилъ себѣ этотъ вопросъ и старался отвѣ-
тить на него. Если бы я вполнѣ слился съ
жизнью разума, вполнѣ жилъ въ согласіи съ
закономъ міра, я бы и не подумалъ объ
этомъ. Но долженъ сказать, что не приписы-
валъ имъ важности. Это мечтанія, к. волей-
неволей приходятъ въ голову. Мнѣ предста-
влялось такъ: законъ жизни органической
есть борьба, законъ жизни разумной, созна-
тельной есть единеніе и любовь. На жизни
органич.—жизни борьбы рождается жизнь
разумная и связана съ нею. Цѣль очевидная:
уничтожить борьбу и внести единеніе, гдѣ
былъ раздоръ. Сначала между людьми, по-
томъ между людьми и животными, потомъ
между животными (и?) растеніями. Цѣль
давно уже такая поставлена. Еврейскій Мес-
сія есть ничто иное, чтобы перековать копы
на орала и чтобы ягненокъ лежалъ со
львомъ. Вотъ цѣль, подобная этой мерещится
мнѣ, но я не дорожу ею, знаю, что она дале-
ко не исчерпываетъ всего. Мнѣ дорога толь-
ко вѣрность направленія пути. А для вѣр-
ности пути я знаю, что первое условіе то,
чтобы идти по немъ всѣмъ существомъ. Какъ
чудесно вы поставили вопросъ. И какъ ясно

изъ самаго вопроса различіе поверхностнаго, частнаго знанія (науки) и ея метода и предмета съ знаніемъ основнымъ, общимъ (религіей) и ея метода. Вы хотите методомъ научнымъ разрѣшить вопросъ, предметъ, подлежащій только религіозному *) знанію. Цѣль жизни? Такой цѣли нѣтъ и не можетъ быть, и никакія знанія не могутъ найти ее; законъ, направленіе, путь жизни? Да. На это отвѣчаетъ религія, мудрость, если хотите. Отвѣчаетъ тѣмъ, что показываетъ ложность всѣхъ тѣхъ путей, к. не совпадаютъ съ однимъ истиннымъ. Отрицаніемъ ложныхъ направленій она указываетъ и освящаетъ единый истинный. На этомъ пути кое-что видно, есть ближайшія цѣли, к. укажетъ наука, но никакъ не она покажетъ этотъ путь. Она не можетъ по своимъ задачамъ.

На поляхъ:

Очень вамъ благодаренъ за это письмо. Я все больше и больше люблю и уважаю васъ. Мое письмо писалъ какъ попало для васъ, и вы вѣрно поймете, что я хотѣлъ сказать, какъ ни нескладно.

Письма вашего, кромѣ того, съ к. вы посылаете копію, не получалъ. И очень жалѣю.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Получилъ сейчасъ ваше доброе и умное —хорошее письмо, и оно вызвало во мнѣ, какъ большей частью ваши письма (вызвало) рядъ мыслей. Я во всемъ совершенно согласенъ съ вами, но о значеніи науки, уничтожающей суевѣрія ложныхъ понятій, хочется сказать кое-что, именно, о значеніи этой науки. Уничтожаетъ ложныя понятія—правда, но на ея пути безъ ложныхъ понятій, безъ суевѣрій обойтись нельзя. Не будетъ сводъ небесъ, дьяволовъ, личнаго Бога, будутъ эфиръ невѣсомый, а упругій, будутъ атомы, будутъ силы, будутъ силы спиритизма и многое другое. Человѣкъ, признающій небеса твердымъ сводомъ и дьяволовъ, и чудеса святыхъ, и человѣкъ, признающій атомы и спиритизмъ, нисколько не рознятся по своей восприимчивости и по своей пригодности для познанія истины и для нравственной дѣятельности. Они рознятся только по—такъ сказать—умственному возрасту. Одинъ взрослый человѣкъ, другой лишь юноша (з а ч е р к н у т о : ребенокъ). Но какъ юноша можетъ быть прекраснымъ, такъ и мужъ. И одинаково несправедливо утверждать, что молодые лучше старыхъ, какъ и обрат-

*) Выноска на поляхъ: Подъ словомъ религіозное не слѣдуетъ разумѣть неясное, неточное, какъ мы привыкли думать; слѣдуетъ разумѣть самое ясное и несомнѣнное знаніе, вытекающее не изъ одного разсужденія, но изъ разсужденія и всего сознанія человѣка.

ное. Также одинаково несправедливо, что наука (большая степень знанія) дѣлаетъ людей лучше, какъ и то, что она дѣлаетъ ихъ хуже. — Наука (большая степень знанія) неизбежна, какъ возрастъ. Ея нельзя ни защищать, ни нападать на нее. Что ни дѣлай, она сама придетъ, какъ возрастъ. Помните, мы съ вами говорили въ Ясной о той способности внутренняго усилія къ добру, къ истинѣ, к. есть въ человѣкѣ и к. вѣрующіе называютъ благодатью. Возможность этого усилія есть, и усиліе это можетъ быть направлено къ добру и истинѣ, но къ наукѣ оно направлено быть не можетъ. Приобрѣтенія научныя совершаются какъ все остальное, кромѣ стремленія къ истинѣ и добру, по законамъ необходимости. И великая ошибка направленія того маленькаго кружка людей, к. называется интеллигенціей, это то, что, занимаясь наукой, они думаютъ, что они дѣлаютъ то самое, что требуется отъ человѣка, способнаго дѣлать произвольныя усилія для достиженія добра и истины. Занятія наукой суть спеціальныя занятія, наполняющія досугъ человѣка и служащія на пользу другимъ людямъ, точно такъ же, какъ занятія дѣланія пирожковъ, лампъ и чего хотите. А наша несчастная молодежь придаетъ этимъ занятіямъ значеніе нравственной дѣятельности. Не правда-ли? Вотъ въ чемъ бѣда.

А самыя знанія ни на волосъ не облегчаютъ нравственную дѣятельность. Вы сами поминаете о мужикахъ-сектантахъ, какъ въ мужикахъ есть чуткія нравственныя личности. И тѣмъ не мѣшаетъ незнаніе науки. И есть нечуткіе, грубые—тѣ не идутъ дальше мощей Иверскихъ и т. п. Такъ и въ интеллигенціи: однимъ не мѣшаетъ самое высшее знаніе (з а ч е р к н у т о : атомы и силы) видѣть, въ чемъ истинная дѣятельность человѣка, а другимъ — какъ вы ни **раздвигайте** для нихъ область знанія—утыкаются въ атомы и силы, какъ въ Иверскія мощи, и думаютъ, что въ нихъ все, и, кромѣ какъ ставить свѣчи Иверской и изучать матерію, больше дѣлать нечего. А если вопросъ такъ: нужно-ли людямъ знать то, что они знаютъ теперь?—то разумѣется нужно. Такъ нужно взрослымъ быть и жить не какъ ребенку. Но проповѣдывать науку, то самое, что у насъ такъ обыкновенно дѣлаютъ — нельзя, какъ нельзя проповѣдывать, то, чтобы у человѣка росла борода, когда пришло время.

Приписка на поляхъ:

Авторъ «Грѣшницы» писалъ мнѣ, прося вознагражденія за статью. Я обратилъ его къ взмъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАКАНУНЪ ПРАЗДНИКА РУССКОЙ МЫСЛИ.

(Къ 80-лѣтію Л. Н. Толстого).

Вышедшее сегодня «разъясненіе» о Толстомъ служить предметомъ разговоромъ во всѣхъ сферахъ. Во многихъ кругахъ его составляютъ съ возвѣщенной 17-го октября 1905 года Высочайшимъ манифестомъ

свободой совѣсти, а также и съ послѣднимъ фактомъ перехода одного изъ родовитыхъ русскихъ князей, генералъ-адъютанта князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, изъ православія въ католичество; высшими кругами это ему не было вѣщено въ вину.

Сегодня официанты театра «Фарсъ» отправляютъ въ Ясную Поляну мельхиоровый самоваръ съ вырѣзанными на немъ своими фамиліями, въ подарокъ графу Л. Н. Толстому, по случаю 80-лѣтняго его юбилея.

Этотъ оригинальный подарокъ сопровождается художественнымъ адресъ.

По поводу чествованія Л. Н. Толстого выясняется, что общество немущихъ мѣщанъ Самары собирается чествовать Льва Николаевича посылкою телеграммы.

Б. В. 24-го Авг. 1908

ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА

Какъ мы слышали, въ день 80-лѣтія со дня рожденія великаго русскаго писателя графа Л. Н. Толстого Императорская академія наукъ пошлетъ своему маститому почетному академику привѣтственную телеграмму. Какъ мы слышали, академія наукъ посвятить одинъ день публичному засѣданію въ честь великаго русскаго генія.

Нов. Русс. 24-го Авг. 1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 24-го августа.

Воззваніе

синода.

Когда въ февралѣ 1901 года стало извѣстно постановленіе семи смиренныхъ архипастырей, дѣйствовавшихъ именемъ св. синода, объ отлученіи Л. Н. Толстого отъ церкви,—русское общество было ошеломяно. Чѣмъ-то фантастическимъ, чуждымъ духу миролюбивой православной церкви вѣяло отъ анаемы, провозглашенной «русскому писателю графу Льву Николаевичу Толстому».

Столбнякъ прошелъ. Постановленіе синода осталось само по себѣ, отношеніе общества къ великому писателю—тоже само по себѣ: синодъ и общество разошлись въ чувствахъ и во мнѣніи.

Казалось, факты, подобные данному, послѣ провозглашенія свободы совѣсти уже не могли имѣть мѣста.

Но вотъ, слѣдуя внушеніямъ всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда,—религіозная нетерпимость котораго была осуждена всѣми общественными группами безъ различія направленія,—синодъ выпустилъ вчера воззваніе къ населенію по поводу готовящагося празднованія 80-лѣтней годовщины Льва Николаевича.

Можно было думать,—такъ думало общество около года тому назадъ,—что св. синодъ встрѣтитъ этотъ день словами всепрощенія и любовной молитвы. Это была бы разительная картина единенія вѣрующихъ съ официальными представителями церкви...

Прекрасная мечта!.. Она существовала, какъ оказывается, только въ воображеніи идеологовъ церкви. Слово прощенія и любви не слышимъ въ воззваніи синода. Тотъ же,—что и въ 1901 году—неумолимо строгій приговоръ надъ «вознесшимся въ гордыню духа» и «стоящимъ наравнѣ съ язычниками» Л. Н. Даже болѣе:—прямая угроза «тяжкой предъ Богомъ отвѣтственности» всѣмъ, кто участіемъ въ юбилейномъ празднествѣ пожелаетъ выразить уваженіе великому человеку.

И снова,—какъ въ 1901 году,—между вѣрующими членами русскаго общества и синодомъ воздвигается стѣна.

Общество и синодъ говорятъ на разныхъ языкахъ. Чествуя Л. Н. Толстого, общество хочетъ воздать дань уваженія несравненному художнику, неутомимому искателю истины.

Но синодъ, закрывая глаза на дѣйствительность, упорно хочетъ видѣть въ Л. Н. Толстомъ только автора религіозныхъ сочиненій, причинившихъ немало непріятныхъ минутъ руководителямъ церкви.

Получается впечатлѣніе, будто іерархи сводятъ съ юбилеемъ давнишніе счеты. Тѣмъ это досаднѣе, что православная церковь въ прошломъ проявляла глубокое пониманіе общественной психологіи, всегда избѣгала попытокъ вмѣшательства въ чужды ей области.

Это былъ единственно правильный путь.

Съ этого пути синодъ сходитъ за послѣдніе 7 лѣтъ уже во второй разъ.

Остается пожелать, чтобы тяжелое впечатлѣніе, вызванное синодскимъ воззваніемъ, поскорѣ было забыто...

Б. В. 24-го Авг. 1908

Юбилей гр. Л. Н. Толстого и синодъ.

Все засѣданіе синода 21 августа было посвящено вопросу объ отношеніи синода къ предполагаемому чествованію юбилея гр. Толстого, при чемъ засѣданіе это лишній разъ доказало, что среди членовъ синода въ усиленномъ его составѣ существуютъ принципиальныя разногласія даже по самымъ существеннымъ вопросамъ.

Митрополитъ Антоній предлагалъ оставить постановленіе миссіонерскаго съѣзда о необходимости публичнаго выясненія отношенія св. синода къ празднованію юбилея Толстого безъ послѣдствій. По его мнѣнію, слѣдуетъ или только подтвердить отлученіе Толстого отъ церкви, или совсѣмъ обойти юбилей молчаніемъ. Последнее и явится для православныхъ фактомъ неодобренія синодомъ проектируемаго чествованія.

Послѣ словъ митрополита Антонія поднялась среди членовъ синода дѣлая буря негодованія.

Епископъ Гермогенъ. Намъ нечего останавливаться предъ вопросомъ о томъ, какъ долженъ синодъ отозваться на предстоящій юбилей отлученнаго, преданнаго анаемѣ повсемѣстно съ амвона православныхъ церквей, гр. Толстого. Мы должны быть послѣдовательны. Анаема не снята—нечего и разговаривать—допустимо ли, съ точки зрѣнія нашихъ основныхъ каноническихъ правилъ чествованіе православнымъ населеніемъ того, кто, заслуживая безъ сомнѣнія имя гениальнаго писателя земли русской, въ то же время ради охраны государства и неразрывной съ нимъ религіи, долженъ быть высланъ изъ предѣловъ всякаго государства.

Епископъ Серафимъ (орловскій). Нужна опора православію... Всюду трещины... Законопроекты Государственной Думы разбиваютъ послѣднія прибѣжища православія, они даютъ равныя права сектантамъ съ православнымъ населеніемъ. Будемъ ли мы солидарны съ чествованіемъ того, кто своимъ тлетворнымъ вліяніемъ раздуваетъ огонь розни въ христовомъ стадѣ? Народъ-богоносецъ не признаетъ своимъ гениемъ того, надъ кѣмъ лежитъ печать проклятія церкви.

Опубликованный черезъ „О. Б.“ отзывъ синода о чествованіи гр. Л. Н. Толстого составленъ протоіереемъ Восторговымъ; только нѣкоторыя мѣста были смягчены по настоянію митрополита Антонія.

Нов. Русс. 24го Авг. 1908

Передъ юбилеемъ Л. Н. Толстого.

Въ вопросѣ о чествованіи гр. Л. Н. Толстого спб. городскимъ управленіемъ явились нѣкоторыя осложненія.

По слухамъ городской голова Н. А. Рѣзцовъ уже получилъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ указанія въ томъ смыслѣ, что участіе спб. городского управленія въ чествованіи юбилея допущено быть не можетъ. Вопросъ нѣсколько осложняется тѣмъ, что постановленіе о чествованіи состоялось при соблюденіи всѣхъ законныхъ формальностей и, какъ неопротестованное своевременно, вошло въ законную силу. Постановленіе думы по данному вопросу дѣлится, собственно говоря, на двѣ части. Съ одной стороны, въ силу этого постановленія, выработка программы чествованія поручена двумъ гор. комиссіямъ: училищной и благотворительной. Докладъ этихъ комиссій, какъ связанный съ денежными ассигнованіями, подлежитъ разсмотрѣнію и утвержденію думы. Конечно, дальнѣйшаго движенія постановленіе думы можетъ и не имѣть, будучи опротестовано слѣдующей инстанціей. Вторая часть постановленія касается порученія городскому головѣ лично привѣтствовать юбилея 28 августа отъ имени спб. городского управленія. Эта часть постановленія думы является для городского головы обязательной.

Единственное измѣненіе, которое возможно было сдѣлать въ послѣдней части и что признало правильнымъ общее присутствіе управы, это то, что вмѣсто поѣздки въ Ясную Поляну городскимъ головой будетъ отправлена графу Л. Н. Толстому привѣтственная отъ города телеграмма. Редактированіе этой телеграммы общее присутствіе управы поручило Н. А. Рѣзцову, М. М. Стасюлевичу и П. А. Потѣхину. Настоятель на этомъ городской голова, считая текстъ данной телеграммы имѣющимъ важное общественное значеніе. Общее присутствіе управы вполнѣ раздѣлило этотъ взглядъ.

На общемъ собраніи петербургскаго профессиональнаго общества фармацевтовъ, однимъ изъ присутствующихъ было предложено послать отъ имени собранія поздравительную телеграмму Л. Н. Толстому ко дню его юбилея.

Собраніе постановило поручить бюро выработать соответствующую телеграмму и послать отъ имени общаго собранія, правленія и союза фармацевтовъ-служащихъ.

Нов. Русс. 24го Авг. 1908

Хроника литературы, искусства и науки.

Мюнхенскій литературный еженедѣльный журналъ „Blätter für Bücherfreunde“ въ послѣднемъ своемъ номерѣ перечисляетъ слѣдующихъ русскихъ поэтовъ и писателей, которые переведены за послѣдній годъ на нѣмецкій языкъ: И. С. Тургеневъ, Л. Н. Толстой, Ф. Достоевскій, Гоголь, Надсонъ, Гаршинъ, К. Михайловскій, П. Лавровъ и др., а изъ молодыхъ: Леонидъ Андреевъ, А. Каменскій, А. Купринъ, А. Блокъ, В. Вересаевъ.

Нов. Русс. 24го Авг. 1908

Ut consecutivum.

Не даше, какъ вчера, меня неожиданно посѣтилъ инспекторъ Кулыгинъ изъ „Трехъ сестеръ“.

— Ut consecutivum! — воскликнулъ я. — Откуда?

Онъ улыбнулся своею обычною, тихою и меланхолическою улыбкою, для чего-то застегнулъ пуговицы мундирнаго сюртука и сѣлъ, пощипывая перья, растущія у него вмѣсто бороды.

— Ну, что ut consecutivum?

— Да такъ, ничего, вообще...

И склонился на № „Нов. Врем.“, который у меня былъ въ рукахъ.

Это былъ какъ разъ тотъ номеръ „Нов. Вр.“, гдѣ по поводу 25-лѣтія со дня смерти Тургенева, были помѣщены двѣ статьи: въ одной провозносились орловскіе грачи за то, что дружно выюгъ гнѣзда въ память Тургенева, а въ другой обвинялись педагоги за то, что руководствуясь не инстинктомъ, какъ грачи, а циркуляромъ, какъ настоящій русскій обыватель, воздержались отъ чествованія памяти славнаго русскаго писателя. Несомнѣнно, что если бы грачи дожидались циркуляра отъ наибольшаго „чернаго“ грача, то опростоволосились бы. Но выручилъ инстинктъ, высоко развитый у грачей, какъ и у „Нов. Врем.“: стоитъ грачу потянуть носомъ воздухъ, для того, чтобы понять, какъ и чѣмъ пахнетъ.

А педагоги опростоволосились...

— Ну, такъ какъ же ut consecutivum? — Настойчиво продолжалъ я и, чтобы расположить Кулыгина къ откровенности, хлопнулъ его по колѣнкѣ и обнялъ его.

Онъ какъ-то странно повелъ бровями, внезапно вздрогнулъ, опустилъ голову на руки, и мнѣ послышалось, какъ будто сквозь сдерживаемыя слезы:

— Прогонять, прогонять, прогонять...

— Что ты, братъ, ut consecutivum? Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ...

Но онъ трясъ головою и продолжалъ уныло повторять:

— Прогонять! Прогонять!..

Потомъ взглянулъ на меня своими добрыми глазами и сказалъ:

— Какъ пить дать, прогонять! Къ Толстому готовился, Тургенева забылъ... Понимаешь — наоборотъ, наоборотъ!

— Какъ же это ты такъ?

— Не знаю... Ничего не понимаю... И Маша, и всѣ были увѣрены, что именно такъ. А вышло — наоборотъ... Вотъ я тебѣ расскажу все, какъ было. Уѣхалъ я, братецъ ты мой, на вакать въ деревню. Съ Машей. Въ началѣ іюня. Черезъ три дня долженъ былъ открыться сѣздъ журналистовъ по вопросу о чествованіи Толстого. Официально — помнишь? Ну, хорошо! Теперь разсуди: ежели официальный сѣздъ разрѣшенъ, значитъ, своевременно? Какъ ты понимаешь, вѣдь такъ? Значитъ, соответствуетъ „видамъ политики“? Вѣрно я говорю? Когда же у насъ бывало, чтобы что-либо разрѣшали, ежели оно видамъ не соответствуетъ? Да мало того... Вотъ... я тебѣ покажу...

Онъ разстегнулъ мундиръ и сталъ судорожно и лихорадочно рыться въ боковомъ карманѣ. Наконецъ, вытащилъ вырѣзки изъ „Нов. Вр.“.

— Вотъ видишь, что въ „Нов. Вр.“ писали! Да не кто-либо, а г. Ст—нъ писалъ! Мм... Культурная работа... Общее дѣло... Всѣмъ партіямъ и группамъ найдется общая почва признанія колосса мысли...

„За четыре еврейскіе погрома и поль-порціи славянской идеи въ особенности“ — нѣтъ, это изъ другой статьи! — „Геніальный русскій человѣкъ одинаково дерзокъ“ и пр. Ну, скажи, братецъ ты мой, могъ быть я спокоенъ? И хоть бы слово о Тургеневѣ! Ни единого... Собрался я въ деревню, накупилъ рыболовныхъ крючковъ и пр. — отдыхать.

А тему я приготовилъ такую: „Толстой, какъ мыслитель, художникъ и человѣкъ“... Приѣзжаю, совершенно невиненъ... И вдругъ, пожалуйста не округъ! „Такъ вы темочку о Толстомъ заготовили?“ — „О Толстомъ, ваше—ство!“ — „А о Тургеневѣ забыли?“ — „О Тургеневѣ?“ — „Да-съ, о Тургеневѣ; былъ такой незначительный русскій писатель, Тургеневъ; глупости тамъ разныя писалъ, объ немъ забыли; дескать, что этакого-то писателюшку припоминать? Что-съ! Потрудитесь, въ 24 часа“... — „Позвольте, говорю, ваше—ство, какъ же я Тургенева забылъ, я знаю Тургенева, напримѣръ, „Три портрета“, „Записки охотника“... Скончался 25 лѣтъ назадъ, на квартирѣ у мадамъ Виардо... въ Вуживаль...“ — „Знаете, слѣдовательно! Въ такомъ случаѣ, еще непростительнѣе! Потрудитесь, въ 24 часа.. Я вамъ покажу, какъ демонстраціи устраивать“...

Онъ замолчалъ, тяжело переводя духъ, вытеръ потъ съ желтаго лба и прибавилъ:

— Вотъ теперь въ министерство приѣхали... Должны же они принять во вниманіе... Я лѣтомъ рыбу удилъ... Я ничего не зналъ о перемѣнахъ въ видахъ политики... Позвольте, у меня семья дома... Вѣдная Маша! Какъ же я Тургенева не знаю! Меня изъ за похоронъ Тургенева въ участокъ сволокли, стипендіи лишили... Ежели дѣло въ Тургеневѣ, такъ у меня такіа доказательства... Мнѣ самъ генераль Грессеръ пальцемъ погрозилъ, на похоронахъ... Я не могу... Вѣдная Маша!..

Слова шлепались у него грузно, мокрыя отъ слезъ.

— Ну, что же ты, былъ въ министерствѣ?

— Былъ... Да что! „Это, говорятъ, что вы Тургенева забыли — еще ничего... Ну, забыли... Но Толстой, Толстой — вотъ гдѣ вы обнаружили преступное легкомысліе...“

„Ваше—ство! Да вѣдь сѣздъ-то, сѣздъ былъ официальный, разрѣшенный“... „А былъ другой сѣздъ миссіонерскій... Что же вы, малое дитя, не понимаете, который поважнѣе“... „Я рыбу въ это время удилъ, ваше—ство“. Оказался рыболовъ... Поправилось. „Что-жъ, пожалуй, изложите ваше раскаяніе письменно, съ возможной полнотой... Пришлите. Посмотримъ, что можно сдѣлать“...

Кулыгинъ всталъ, выпрямился во весь ростъ и сказалъ:

— Во имя Маши, прошу тебя, проредактируй мое раскаяніе. Вотъ я тутъ написалъ. Но чувствую, не хватаетъ округленности слога. Вотъ я тебѣ прочитаю. Гм, гм... „Въ министерство народного просвѣщенія, учителя N-ской гимназіи... и т. д. Раскаяніе. Сознывая вполнѣ свои заблужденія и будучи въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, честь имѣю довести до свѣдѣнія министерства о нижеслѣдующемъ: думая, съ одной

стороны, что официально разрѣшенный съѣздъ по вопросу о чествованіи Толстого служить доказательствомъ снотвественнаго отношенія правительства къ юбилею, тѣмъ болѣе, что статьи испитанныхъ въ патриотизмъ сотрудниковъ „Нов. Вр.“ о томъ, казалось, свидѣтельствовали; съ другой стороны, память многія отрадательныя о нашемъ такъ называемомъ освободительномъ движеніи слова Толстого, хотя и протекшія изъ основъ его крайняго ученія, однако въполнѣ благовременныя—я составилъ ошибочное заключеніе о томъ, что прегрѣшенія Толстого преданы забвенію, и что состоялось рѣшеніе о празднованіи дня 80-лѣтія сего не лишенаго многими дарованіями, но часто дѣлаваго изъ оныхъ подлежащее употребленію, писателя, дабы тѣмъ показать примѣръ начальной снисходительности къ неокончательно погрязшимъ. Между тѣмъ какъ я, отдыхая за любимой мною рыбной ловлей, совершенно не читалъ газетъ, подражая Н. А. Хомякову, также безъ нихъ обходящемуся и не чувствующему отъ сего никакихъ неудобствъ во время лѣтнихъ каникулъ, означенный Толстой выступилъ со статьями предосудительнаго содержанія. Узнавъ я о семъ слишкомъ поздно, составилъ и распространивъ тему для класснаго сочиненія: „Толстой, какъ мыслитель, художникъ и человѣкъ“. Прибывъ же къ мѣсту своей постоянной службы и узнавъ о новѣйшихъ покушеніяхъ названнаго Толстого, я ужаснулся дерзостныхъ мыслей анархическаго лжеученія. Но было уже поздно, и плоды моихъ заблужденій стали извѣстны высшему начальству. Таково чистосердечное мое раскаяніе, омытое слезами искренняго горя. Къ сему честь имѣю присовокупить, что о писателѣ Тургеневѣ придерживаюсь самаго лестнаго для него мнѣнія: Хотя Тургеневъ былъ либераль, но скажу вмѣстѣ со всей благомыслящей Россіей: ежели бы всѣ русскіе либералы были таковы, да притомъ еще жили за границей, то врядъ ли мы были бы свидѣтелями постигшей нашу родину смуты. Нельзя забыть, говоря о Тургеневѣ, что онъ былъ похороненъ на счетъ городского с.-петербургскаго самоуправленія, противъ чего хотя и былъ заявленъ протестъ тогдашнимъ высшимъ начальствомъ, однакоже, ни городской голова, ни гласные думы не были посланы изъ предѣловъ градоначальства—стало быть, начальство и тогда уже сумѣло отнестись къ факту снисходительно. Тургеневъ, будучи пріятелемъ Герцена, не былъ лишень однако права вѣзда въ Россію, и похороненъ по христіанскому обряду, при утѣшенномъ нарядѣ полиціи и жанмеріи. Реализмъ сего благороднаго писателя отъносится къ реализму Пушкина, какъ романтизмъ Жуковскаго относится къ романтизму Карамзина. Впрочемъ, и относительно Тургенева, многія противоправительственныя дѣйствія и общенаправленіе литературной дѣятельности котораго не въполнѣ еще выяснены учебнымъ начальствомъ, готовъ дать подписку въ неимѣніи въполнѣ определенныхъ на сей счетъ воззрѣній. Повергая на благовоззрѣніе министерства настоящее мое раскаяніе, рѣшаюсь обратить вниманіе на то обстоятельство, что имѣю жену Машу и четверыхъ дѣтей, и что до пенсіи осталось служить всего два года. Означенныя обстоятельства, не имѣя прямого отношенія къ вопросу о сравнительной оцѣнкѣ литературныхъ достоинствъ писателей: графа Льва Николаевича Толстого и дворянина Ивана Сер-

гѣевича Тургенева, могутъ, однако, дать настоящее представленіе о готовности моей всецѣло придерживаться той критической мѣрки, которая будетъ признана со стороны ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія“.

Кулыгинъ кончилъ чтеніе и умоляюще-впросительно взглянулъ на меня.

— Ты понимаешь? Бѣдная Маша!

— Отлично!—сказалъ я,—тѣмъ же плохо? Налѣпи двѣ гербовыхъ марки и вали куда слѣдуетъ...

— Можетъ быть слѣдовало бы дополнить тѣмъ-нибудь?

— Дополнить?

Я задумался.

— Пожалуй, слѣдовало бы дополнить. Видишь ли ты, братъ *ut consecutivum*, мало того, что ты не имѣлъ намѣренія перечить видамъ начальства! Нашелъ тѣмъ удивить! Согласись, что кто намѣренъ сознательно и преднамѣренно противодѣйствовать видамъ, тотъ не то, что 3 лѣтъ до пенсіи не дослужить, а и 3 дней не проживеть...

Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что у тебя т. е. у всякаго,—хочу я сказать—долженъ быть этакій чувствительный микрофонъ, безъ проволоки... Нужно умѣть предугадывать! Что циркуляръ! Циркуляръ пишется на плохой конецъ! А чутъ надо, чутъ, понимаешь...

А ты не почувлъ? Ну, такъ вотъ, я бы и посовѣтовалъ тебѣ сослаться, что-ли, на болѣзненное состояніе. „Только болѣзненнымъ состояніемъ могу я объяснить затменіе ума моего, насчетъ писателя Толстого, подрываваго основы, хотя и безъ всякаго видимаго результата, но по причинамъ, отъ него не зависящимъ. Равно лишь болѣзненнымъ состояніемъ моей и жены, моей Маши объясняется то, что благородныя свойства писателя Тургенева, столь ясныя прежде, именно, нынѣ должны были обнаружиться съ особенною силою“. Этимъ ты устраняешь возможный укоръ: „другіе же, однако, сообразили!“

— Да, да,—шепталъ Кулыгинъ,—бѣдная Маша, бѣдная Маша!..

Простятъ ли Кулыгина? Я думаю, что простятъ. Надо же быть милосерднымъ. Въ концѣ-концовъ, русскій чиновникъ—все-равно, педагогъ, судейскій или иной—не сенъбернаръ, не гончія, не грачи и не сотрудники „Нов. Врем.“, не мантевисты, не отгадчики и не чтецы чужихъ мыслей. Въ концѣ-концовъ, даже не всѣ грачи и не всѣ сотрудники „Нов. Врем.“ отличаются одинаковымъ въ этомъ отношеніи чутъемъ. „Непротивленчество“ было одно время весьма покровительствуемой теоріею.

Что касается „анаомы“, то вѣдь и она лѣтъ 5—6 явно бездѣйствовала—отъ летаргіи или отъ другихъ причинъ. Что же касается Тургенева, то еще труднѣе бы не угадать день и часъ, когда, за невозможностью шеголять безъ всякаго прикрытія, насѣхъ опустятъ руку въ платяной шкафъ и извлекутъ оттуда европейскій тургеневскій костюмъ, и люди въ опоркахъ и рваныхъ калошахъ вмѣсто сапогъ станутъ шеголять въ безукоризненномъ смокингѣ свободомыслящаго друга Ренана и Лаврова, подобно героямъ изъ „На днѣ“.

Нѣтъ, его простятъ! До-свиданія, *ut consecutivum*!

Homo novus.